НЁМАН

2/2017
ФЕВРАЛЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Учредители: Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Заместитель директора – главный редактор
Алексей Иванович ЧЕРОТА

Адрес редакции

Юридический адрес: 220013, Минск, ул. Б. Хмельницкого, 10а.
e-mail: info@zvyazda.minsk.by

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.
Тел.: главного редактора — 284-85-25, заместителя главного редактора — 284-79-85;
отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.
e-mail: neman-lim@mail.ru

Подписные индексы:

74968 — индивидуальный; 00235 — индивидуальный льготный для учителей;
749682 — ведомственный; 00728 — ведомственный льготный.

Свидетельство о государственной регистрации средства массовой информации
№ 11 от 10.12.2012, выданное Министерством информации Республики Беларусь

Издатель
Редакционно-издательское учреждение «Издательский дом «Звязда»

Директор – главный редактор
Павел Яковлевич СУХОРУКОВ

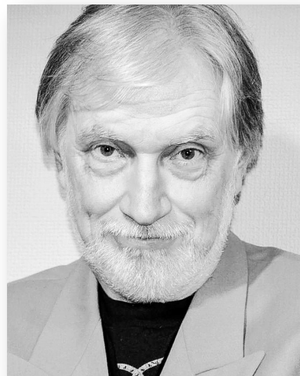
Технический редактор, компьютерная верстка: *С. И. Староверова*
Компьютерный набор: *Е. Г. Кахновская*
Стильредактор: *Н. А. Пархимович*

Подписано в печать 14.02.2017. Формат 70 ×108 1/16. Бумага газетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 17,17 . Тираж 1568. Заказ

Республиканское унитарное предприятие «СтройМедиаПроект». ЛП 02330/71 от 23.01.2014,
ул. В. Хоружей, 13/61, 220123, Минск.

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Редакция только сообщает автору свое решение.
Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.
Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Юрий ПЕЛЮШОНОК

Жнецы

Повесть

Создать планету невозможно одному. В помощь Творцу всего живого появился некто Хозяин, ведающий материей. Творец задумывал планету, чтобы получать энергию любви. Хозяин делал ставку на энергию зависти, алчности, злобы. Втайне от Творца рассеял он по всей планете зерна раздора: залежи золота и драгоценных каменьев. Залежи те не нужны были ни птице, ни рыбе, ни зверю, лишь для одного, пока еще не рожденного существа предназначались они, для существа, которое силой своих эмоций могло заставить небо сверкать над собой. И хоть планета находилась в созвездиях дальних, с Земли невидимых, на ней, как и на Земле, появился Человек. Нельзя сказать, чтобы он был рожден под какой-то определенный замысел, являясь творением сложным. Человек способен был изменить любые относительно себя ожидания. Творец предоставил ему самому делать выбор между добром и злом.

Мелькали тысячелетия, планета работала, как огромный генератор, снабжая Творца энергией любви и добра, а Хозяина энергией зла и порока. Собирали урожай людских эмоций Жнецы. Один — по имени Сим, кривоногий, толстопузый плут, с гроздьями перстней на коротеньких пальцах. Другой — по имени Тит, высокий, худой старик с пеплом седины в черных волосах, с добрыми и грустными глазами. Сим набивал огромные тюки жатвой для Хозяина. Тит собирал в свою котомку жатву для Творца. С караваном невидимых верблюдов бродили они по огромным просторам планеты.

— Из всех возможных од я бы спел оду глупости, — будто звуковой мираж, сотканный из горячего воздуха, возник в безлюдной пустыне чей-то голос. — Глупость — это врата зависти и злобы. Как много у нее имен: глупость академическая, вылетающая из обрамленного седой бородой рта, и глупость дилетанта, наглая глупость сытых и покорная голодных, осторожная глупость бездействующих и бесшабашная одержимых, бравая глупость в мундире и подобострастная в камзоле, глупость толпы, где каждый по отдельности умник, и высочайшая глупость царственной особы, что рождением своим обречена на гениальность, глупость сиюминутная и глупость вековая…

— И глупость восхищаться глупостью, — раздался другой голос невидимого путника.

— Я не восхищаюсь, я живу за ее счет, — ответил первый.

После этого оба голоса смолкли. Один из них принадлежал Симу, другой — Титу. Собеседникам явно не хотелось продолжать разговор. Обо всем уже много раз было говорено-переговорено за тысячи лет. Да и о глупости Сим заговорил, просто устав молчать. Неделю караван шел через страну песков, не встречая никого на пути. Караван был невидим и невесом, так легче продвигаться, скользя над песками. В молчании прошло еще дня три, но вот впереди показались башни города.

Когда караван незаметно пересекал городской рынок, Сим вдруг сделался видимым. Но на внезапное появление его вместе с верблюдом среди рыночной суеты никто не обратил внимания. Лишь сидящий в пыли у дороги нищий захлопал было глазами, но за свою тяжкую жизнь привыкший сомневаться во всем, что видит, благоразумно решил глазам своим не поверить. Подъехав к первому наугад лавочнику, Сим бросил ему серебряную монетку и спросил: почему, на его взгляд, существует зло? Лавочник никогда об этом не задумывался, но, поймав монетку, дабы угодить щедрому незнакомцу, тут же выдал ответ, что зло, по его мнению, существует, чтобы показать добро, а то будь всеобщее добро, то в нем добра было бы не разобрать. Сказав так, он заметно приосанился, осознавая свое превосходство над другими лавочниками.

— Девять из десяти ответят то же самое, — обратился Сим к невидимому для людей Титу, — это ли не оправдание зла?

— Это первое, что приходит на ум, — ответил Тит, — такое заключение освобождает от дальнейших поисков истины.

— Ибо ум уже изрек «истину» и может собой гордиться, — усмехнулся Сим.

— Поиск истины может привести их к твоему господину, — ответил Тит, — человеческий мозг так устроен, что защищает человека от подобных открытий, потому что от пытливого ума страдать приходится спине.

Караван, пройдя город, снова вышел в пустыню. Сим сделался невидимым, и его верблюд легко заскользил над песками.

— Что для тебя истина? — спросил он Тита.

— Не ставь мне ловушек, — отмахнулся тот.

— Ушел от ответа. Будь свидетелем, — повернулся Сим к ехавшему сзади на верблюде караванщику по имени Хмурый Погонщик.

— Нет, ты ответь мне, что есть истина? — не успокаивался Сим. — И чтобы это была истина для материи и для духа, истина для меня и для тебя. Яви чудо, соедини вместе высшее правило материи и высшее правило души.

— Тело бренно, душа вечна, — ответил Тит, — не будешь же ты отрицать, что в этом есть доля истины.

Сим хотел рассмеяться, но передумал. После смеха следовало добавить что-либо бесспорно убеждающее противника. Ответ, он чувствовал, лежит на поверхности, так как бренность тела доказать легко, опровергнуть же вечность души и легко, и невозможно. Все зависит от того, кто твой собеседник. В данном случае нужно было выстроить ответ одной фразой, изящно и веско, следуя правилу «истина немногословна». Но изящно опровергнуть вечность души не получалось. И потому несколько дней снова ехали молча.

Скучная размеренность их путешествия была прервана встречей с Фомой. Произошло это, когда из края пустыни выткалась большая дорога с сухими травами по бокам и редкими кряжистыми деревьями тут и там. С ветвей одного из таких деревьев, будто с неба, упал Фома. Свалился прямо на кучу хвороста, собранного караванщиками для ночного костра.

— Как раз цыпленок подоспел, — расхохотался Сим, — будет нам жаркое.

Молодой человек пугливо озирался по сторонам, не понимая, что с ним случилось.

— Кто ты и как тебя зовут? — дружелюбно спросил Тит.

«Упавший с неба» представился Фомой, сказал, что забрался на дерево переночевать, опасаясь разбойников. Еще сказал, что он сын садовника,

живущего в оазисе, в центре страны Пустынь, и идет он в страну Высоких Трав и Густых Лесов, чтобы постичь там науку в университете.

— Погоди, погоди, — остановил его Сим, — если ты живешь в оазисе, то зачем тебе наука?

— Оазис бренен, наука вечна, — ответил Фома.

Тит и Сим переглянулись. И взгляды их сказали: «Раз уж такой умник упал с неба, пусть останется с нами». Фома обрадовался предложению примкнуть к каравану. С караваном безопаснее в пути. А если повезет и они идут той же дорогой, то с ними можно будет добраться и до университета. Он тут же сходил за своим осликом, которого спрятал на ночь неподалеку в овраге. Но осторожного ослика было не так просто подвести к каравану. Он упрямился, недоверчиво косился на других вьючных животных, видимо, чуя в них призраков. Что до Фомы, то он меньше всего обращал внимание на странный вид своих новых знакомых, и будучи человеком любознательным и жадным до наук, использовал каждый миг, проведенный с ними для того, чтобы, как он для себя решил, «набраться ума». Что же касается его новых попутчиков, то время, проведенное с Фомой, из молчаливых скучных переходов расцвело теперь притчами, сказками и еще многими интересными событиями, которые, не будь Фомы, не случились бы в их жизни. Каждый хотел перековать душу Фомы на свой лад. Тит обучал его видеть невидимое и следовать добру. Сим в беседах с Фомой увлекался порой так, что, забыв осторожность, говорил то, чего простому человеку знать не следовало. Фома довольно быстро догадался, что не с обычными смертными свела его судьба, и потому с жадностью записывал все, что видел и слышал в пути. Он получал ответы на любые вопросы. Но до самого расставания со своими необычными учителями не решался задать один, главный, мучавший его вопрос: «Что по ту сторону жизни?» Видимо, боялся, что откровенный ответ про «ту сторону» мог испортить ему жизнь на этой.

Фома не зря опасался разбойников. Следующим утром, как только караван двинулся по пустынной дороге в путь, на него напала шайка из сорока человек. Разбойники всегда страшны каравану, но этот караван был особенный, в любой момент он мог сделаться невидимым. Лишь ехавший на ослике Фома исчезнуть не мог. Но к каравану такому, даже когда он выглядит незащищенным, лучше не приближаться. И потому жаль разбойников. Ведь у каждого была мать, каждый был когда-то милым малышом. Что толкнуло их на разбой? Может, тяжкая жизнь? Тогда в провинции, где неурожаи и годы засухи идут подряд, все должны идти в разбойники. Может, нищета? Голод и нищета утоляются первым же грабежом. Но кто после него свернет с «большой дороги?» Лишь сказочные клады, зарытые в земле или спрятанные в пещерах, говорят, что, став на этот путь, с него не свернуть. Однако удача перестает им когда-то улыбаться, как сделала она это сегодня утром. Разбудил их атаман после хмельной ночи и погнал всю шайку на рассвете по пустынной дороге навстречу легкой, как он думал, добыче.

Когда атаман поравнялся с ехавшим во главе каравана Симом, тот мгновенно эту «легкую добычу» изобразил. Залепетал, весь дрожа, чтобы забирали все, но не трогали поклажу на седьмом верблюде. С этого верблюда разбойники и начали. Как только развязали тюк, спрессованная ярость, находившаяся там, вырвалась наружу и, мгновенно пропитав воздух, сделала его колючим. Дневной свет померк за серой, грязной дымкой. Разбойники тут же затеяли драку между собой и, выхватив сабли и ножи, стали резать друг друга. Каждый в ярости дрался с каждым. На атамана бросились со всех

сторон, не простив ему утреннего самодурства. И рухнул пронзенный сразу несколькими клинками атаман. Злоба звенела в воздухе. Даже суслики у придорожных норок теребили один одного. Верблюды ревели и кусались. Фома без причины замахнулся на своего ослика, тот в ответ его лягнул. Тит стоял, низко надвинув капюшон. Когда два последних разбойника вонзили ножи в сердца друг другу, Сим стал загонять ярость снова в тюк. Тюк заметно прибавил в размере. Однако ярость легко разжечь, но не потушить. Еще долго ревели верблюды, погонщики то здесь, то там затевали между собой ссоры. Было ясно, дальше двигаться караван не сможет. Отойдя немного от места побоища, сделали привал.

Лишь с закатом, когда начала спускаться тьма, лагерь понемногу успокоился.

Ночью у костра сидели Сим, Тит и Фома. После событий прошедшего дня Тит завел речь о гневе.

— Есть истинный гнев, когда сам воздух, кажется, наполнен им и даже пчелы жалят без причины, — сказал он глядя в огонь. — Есть гнев организованный, когда шагающий в разгневанной толпе боится не разгневанным казаться. Есть гнев монархов на шутов и гнев шутов на монархов. Он разнится по последствиям. И есть гнев праведный.

— Грань между праведным и неправедным гневом слишком тонка, — лениво вступил в разговор Сим, — часто с гнева, который кому-то кажется «праведным», жатва идет Хозяину.

— И все-таки праведный гнев — эмоция иного свойства, — возразил Тит.

— Пусть так, но не станешь же ты отрицать, что любой гнев изобилует проклятьями, опять же Хозяину на пользу. Проклятья — дети гнева, не ведомые ни орлу, ни обезьяне, на это лишь способен человек.

Тит хотел что-то ответить, но Сим жестом остановил его.

— В нашей компании молодой человек, — указал он на Фому, — и ему, наверное, скучно слушать наши речи. На кого, если не секрет собираетесь учиться в университете? — спросил он смутившегося Фому.

— На философа, — покраснел тот.

— О! — воскликнул Сим. — Философия разновидность магии, приносящей в жизни не успех, а утешение. Чем спорить попусту со мной, — подмигнул он к Титу, — расскажи-ка лучше притчу о молодом философе.

— Вообще-то притчей это не назовешь, но вывод сделать можно, — сказал Тит и, глядя на потрескивающий костер, стал рассказывать историю о молодом человеке, который влюбился в девушку. А девушка больше всего на свете любила цитировать философов. Молодому человеку стало стыдно, что он не может поддержать разговор с умной девушкой, и чтобы ей понравиться, он всерьез занялся философией. День и ночь сидел он над старинными книгами, постигая сильные и слабые стороны того или иного учения, заучивая наизусть целые страницы. И случилось так, что он искренне полюбил философию. Прошел год, и гордый своими знаниями молодой человек решился показаться на глаза своей возлюбленной. Но к своему ужасу, обнаружил, что его милая девушка в философии ничего не смыслит, играя все тем же набором цитат. Они расстались.

— Может, год назад ему следовало жениться!? — захохотал Сим. — Заимел бы умную жену. А теперь пусть утешается философией.

Фома смущенно смотрел на пламя костра.

— Ладно, — сказал Сим, — завтра долгий день, пора спать. — И завернувшись в одеяло, дал понять, что разговор закончен. Минуту спустя он

захрапел так громко, что проснулись ближайшие верблюды, и так сладко, что зависть шевельнулась в тюках.

Вскоре, утомленный прошедшим днем, заснул и Тит. Лишь Фома все не мог заснуть. Лежа на спине, смотрел на россыпи звезд, сверкающих над ним. «Может, кто-то по ту сторону Млечного Пути вот так же, как я, лежит у потухшего костра и смотрит в небо», — думал он. Вспомнил своего деда, который долгое время был в плену в дальних странах, а когда вернулся, то поселился в маленьком домике в саду. По виноградной лозе к нему в окно лазили мыши. Дед кормил их, деля с ними свой хлеб. Он всегда подавал нищим, хоть сам почти ничего не имел. Радуя торговцев на рынке, он покупал овощи, которые никто не купит. Этим, по его словам, он добавлял хоть малую, но щепотку радости этому миру. Все, кроме Фомы, считали деда душевнобольным. «Знает, что душа есть, лишь тот, у кого она болит», — улыбался в ответ дед. Фома очень любил его, но не понимал многое из того, о чем он говорил. И решил он тогда пойти учиться, а если повезет, то обойти весь мир. Сейчас, глядя на звезды, он благодарил судьбу за то, что свела его с Титом и Симом. «Как мне повезло, — думал он, — как многое можно с ними познать». А где-то далеко во Вселенной, на третьей планете от звезды, именуемой Солнце, у входа в один из воздвигнутых там храмов, была выбита надпись: «Gnothi seauton» — «Познай самого себя».

Уже пробивался рассвет, когда Фома достал из своей сумки лист бумаги, из тех, что приготовил для университетских лекций, и записал все произошедшее прошлым днем. А еще записал Фома, что тот, кого называли люди Врагом Света, в разговорах между его новыми спутниками упоминался как «Хозяин».

Утром караван стал готовиться в путь. По тому, как Сим давал распоряжения, Фома понял, что все навьюченные верблюды и верблюды без поклажи, что шли за караваном, принадлежат ему. Было ясно, что Титу здесь не принадлежало ничего, кроме маленького ослика и котомки, висящей у него на веревке через плечо.

К полудню караван дошел до развилки дорог. Та, что налево, вела к лечебному источнику, та, что направо, — к соляному озеру. Тит, сказав Симу, что вечером нагонит его у озера, повернул своего ослика налево.

— Хочешь очиститься после вчерашнего? — спросил вслед ему Сим.

— Не обязательно было их убивать, — ответил Тит, — развязал бы тюк страха, и все разбежались бы.

— А с ними и мои верблюды, — хмыкнул Сим.

— Конечно, по твоим меркам, человеческая жизнь не стоит убежавшего верблюда.

— Это ты перед Фомой стараешься или забыл, для чего я здесь?

Но уехавший вперед Тит его уже не слышал.

Фоме тоже захотелось посетить лечебный источник, и он погнал своего ослика вслед за Титом. В тот день посчастливилось ему прибавить к своим записям рассуждения о добродетели и статусе.

Источник находился на живописном холме, поросшем кустарником, с розовыми, будто бабочки на ветках, цветами. В расщелине скалы в каменной ванне была собрана вода, по каплям стекавшая со стен. С десяток людей стояли у входа. Дождавшись своей очереди, Тит и Фома вошли под каменный свод, напились и омыли лица. Рядом с зеркалом воды в небольшой каменной выбоине лежали груды монет. Фома развязал кошелек, достал монетку, но Тит остановил его: «Камню деньги ни к чему, подай лучше нищему, что сидит у

входа». Когда Фома положил монетку в ладонь нищего, тот благодарно кивнул в ответ.

— Ну вот, совершил доброе дело и получил знак благодарности, — сказал Тит. — Было ли тебе приятно?

Фома признался, что ему было приятно, как было бы приятно любому человеку на его месте.

— А если бы он не кивнул тебе, согласись, ты бы почувствовал, пусть легкое, но раздражение, несильную, но досаду.

— Пожалуй, — согласился Фома.

— Заметил ли ты, что в жизни делающему добро часто платят неблагодарностью?

— К сожалению, да, — кивнул Фома.

— Я видел, ты ведешь какие-то записи, и потому полезным для тебя будет узнать, что плата неблагодарностью за добро есть изощренное изобретение Хозяина. Так превращает он добродетель в досаду и гнев. «Добро наказуемо», — подмечено в народе. Но если следовать правилу «истинная добродетель не ждет благодарности», ты будешь неуязвим, — сказал Тит.

Они спустились с холма к месту, где оставили своих осликов. Там только что приехавший богато одетый господин привязывал к столбу своего осла, украшенного дорогой серебряной сбруей. Тит и Фома приветливо поздоровались с господином, но тот, не удостоив их вниманием, стал медленно и чинно подниматься на холм.

— Мы должны чтить за счастье, что его осел стоит рядом с нашими, — пошутил Тит.

— Какой-то важный чин? — спросил Фома.

— Совсем нет, — ответил Тит. — Зачем важничать важному чину, если он действительно важный? Зачем напускать на себя помпезность перед случайными зрителями? А здесь даже богатая сбруя осла является частью статуса его владельца.

Тут Фома услышал суждение о статусе, весьма комичном, по определению Тита, изобретении.

— Изобретение это внедрено в общество Хозяином, хотя на первый взгляд кажется, что оно придумано людьми, — усмехнулся Тит, — придумано, дабы подчеркнуть чью-то исключительность, при полном отсутствии таковой. Человек статуса виден из тысячи, и будь уверен, не мешок, так хоть карман его тщеславием Сим всегда наполнит. Человеческое тщеславие, замечу, один из любимых пороков Хозяина. Но главное, — выделил он, — статус крадет драгоценное время, а иногда и всю жизнь, ибо заботящийся о его поддержании не живет, а компенсирует отсутствие уверенности в себе, хамелеоноподобным изображением того, кем он на деле не является. У орла нет золотого клюва, он и так орел. У льва нет золотых клыков, он и без них лев. А прячущийся за статусом без статуса ничто. И в то же время есть люди, которым не надо заботиться о поддержании статуса. Он им дан самой природой. Образно говоря: «Есть люди, перед которыми немеют даже свиньи».

Фома аккуратно записал все сказанное, после чего они двинулись в обратный путь и к вечеру нагнали караван у соляного озера.

Из разговоров у источника, они узнали, что завтра в Городе Ремесленников должно состояться состязание сказочников. Город находился неподалеку, и на следующий день утром они отправились туда. Надо ли говорить, что Сим, услышав о состязании, присоединился к ним. На всякий случай он захватил с собой небольшой пустой мешочек, зная по опыту, что на состязании всегда

можно разжиться чьими-то эмоциями. Тит и Фома на двух осликах и Сим на верблюде быстро добрались до небольшого городка, где на площади уже полным ходом шло состязание. Они подъехали ближе к сцене, но, к сожалению, рассказчик уже откланялся.

— О чем хоть сказка была? — спросил Сим у первого стоявшего в толпе зрителей.

— Долго объяснять, — ответил тот, — легче всю сказку послушать. Сказки сегодня, по правилам, должны состоять из одного предложения.

Тем временем следующий сказочник поднялся на сцену. Подождав, пока толпа утихнет, он прочел: «Сказка про человека, который так долго скрывал свою глупость, что в конце концов поумнел».

От громового хохота Сима под ним аж шарахнулся в сторону верблюд.

В толпе тут же зашикали, раздались недовольные голоса, что неплохо бы ему спешиться, а то задним рядам ничего не видно.

Сим артистично хлопнул в ладоши и исчез вместе с верблюдом.

В толпе решили, что это заезжий маг, и фокусу особого внимания не придали.

— Зачем это было делать у всех на глазах? — спросил пустоту рядом с собой Тит.

— А все равно никто ничего не понял, — прозвучал наглый ответ.

Следующий по порядку сказочник начал: «Сказка про человека, который заливал зависть крепким вином, но со смертью тела вино некуда было заливать, и зависть осталась».

Тит удовлетворенно кивнул.

Фома достал лист бумаги и принялся записывать.

«Сказка о том, как погибла страна мышей, когда слово “мышеловка” признали там неблагозвучным», — записал он за следующим сказочником.

И снова хохот теперь уже невидимого Сима вызвала «Сказка про белошвейку, которая мечтала петь в королевской опере, познакомилась для этого с королевским дирижером, родила от него ребенка, но петь так и не стала, а мечтает отоспаться».

Следующие две сказки понравились Фоме. Это были «Сказка про человека, которому было все равно, что есть, но не все равно, что читать» и «Сказка про принца, который мог отдать свое имущество, но не поступиться своими идеями, и про короля, который горой стоял за имущество, а идеи менял с целью его приумножения».

«Сказка про планету, на которой много раз публично распинали правду, но ни разу публично не распяли ложь» была встречена тишиной. Тишина еще больше сгустилась, а некоторые слушатели даже стали покидать площадь, когда прозвучала «Сказка о том, как некий правитель упростил народ в мечтах, отчего стало легче обещать народу то, о чем он мечтает». А вот «Сказка про мужика, который понимал, что жизнь коротка, и потому праздновал каждый день так, что жизнь становилась еще короче», — разрядила тишину всеобщим хохотом, и народ стал потихоньку на площадь возвращаться.

На сцену поднялся бойкий малый и прочел бодрым голосом: «Сказка о том, как шайка разбойников решила, что их ограбило общество, и потому теперь на большой дороге они лишь восстанавливают справедливость».

— Уже не восстанавливают! — крикнул ему в ответ невидимый Сим.

Стоящий на сцене замер, долго смотрел в толпу, но не найдя того, кто ему возразил, пожал плечами и стал спускаться.

— Ты привлекаешь к себе слишком много внимания, — сказал в пустоту рядом с собой Тит. — Прогуляйся лучше по базару.

Видно было, что Сим послушался совета. На краю площади, в лавке продавца сказок, вдруг поднялся в воздух сундук и поплыл над землей. Оторопевший продавец наслюнявил было палец проверить, не ветер ли его несет, затем бросился догонять, но сундук исчез за углом ближайшего дома, растворившись в глубине улицы.

Бедно одетый старик в это время монотонно гудел со сцены: «Сказка про человека мыслящего и шальные деньги, на которые построил себе человек роскошный дом, набил его роскошной мебелью и посудой, сшил себе роскошный камзол и потратил всю свою последующую жизнь на соответствие роскошным вещам».

Особых восторгов сказка не вызвала.

Старика сменил толстый монах. «Сказка о том, что немалые деньги нужны для работы храма на площади, и лишь храм в душе питается от сердца», — закончил он, прижав обе руки к груди.

Мнение толпы разделилось. Причем разделилось настолько, что потребовалось вмешательство городской стражи.

За быструю реакцию в честь стражей порядка тут же прозвучала «Сказка про страну, в которой рождаемость падала, но количество стражников росло».

Новую волну смуты чуть не подняла «Сказка про королевство, в котором поэты озадачивали всех вопросами без ответов, а короли — тюремными сроками без вопросов». После чего дюжий стражник поднялся на сцену и объявил, что на сегодня хватит сказок и что городской голова благодарен всем за проявленный к состязанию сказочников интерес. Самих же сказочников попросил собраться у городской темницы для награждения.

Фома пошел прогуляться по площади, остановился у лавки горшечника. Там он увидел стройную девушку с длинными темными волосами и большими карими глазами. Но все это он вспомнил потом, а тогда застыл и не мог двинуться с места. Подняла она на него глаза, и столкнулись две вселенные, влились друг в друга и стали единым целым. Это секундное рождение вечности было ознаменовано взрывом, но не сверхзвезды, а разлетевшимся в куски кувшином, что выронила из рук девушка. Бросился Фома собирать осколки. Вышел ее отец. Отослал дочь в лавку. Купил у него Фома самый большой кувшин, на все деньги, что были. Ничего не сказал отец. Вспомнил, как сам когда-то приходил к местному гончару и всякий раз покупал горшок в надежде увидеть его дочь. А когда сыграли свадьбу, не было человека счастливее его. Но умерла жена после рождения дочери. И хоть рана на сердце осталась навсегда, но не иссякла любовь в доме его. Всю отдал своему ребенку. С уходом Фомы долго стоял отец у дверей лавки, глядя ему вслед.

На обратной дороге из города Тита и Фому нагнал Сим.

— Поздравляю с покупкой, — указал он огромный кувшин, что вез на ослике Фома.

Тот рассеянно кивнул в ответ.

— Да ты, дружок, часом не влюбился?

Но Фома, погруженный в думы, казалось, его не слышал.

— А я вот тоже с покупкой, — хлопнул Сим по привязанному к верблюду сундуку.

— Покупка — это когда платят деньги, — заметил Тит.

— Сегодня я был бескорыстен, — рассмеялся Сим. — Народ платит деньги фокуснику за фокусы. Я же, показав фокус с исчезновением сундука, денег за это не взял. Да еще карман страха прихватил, — похвастался он, — прямо

на площади, когда после некоторых сказок, пребывали зрители в испуге. Что ни говори, а сказка должна быть страшной.

Вечером в лагере разожгли костры. Сим, Тит и Фома расположились у самого большого и яркого. Сим послал за Хмурым Погонщиком, приказав, чтобы тот захватил привезенный им сегодня из города сундук. Судя по тому, что сундук был из лавки сказочника, вечер обещал быть интересным.

Вскоре Хмурый Погонщик, неся на плечах огромный сундук, подошел к их костру.

— Ведает все языки и писания, — представил Сим Фоме Хмурого Погонщика, — моя правая рука.

— Потому и хмурый, — пояснил Тит.

Сим приказал Хмурому Погонщику выбрать в сундуке те сказки, что про королей. Тит против королей не возражал. Фома в своих мыслях был далеко, и пожалуй, с большей охотой послушал бы про принцесс.

Хмурый Погонщик покопался в сундуке, вытащил несколько свитков. Сим кивнул ему начинать, и, став спиной к костру, тот принялся читать первую сказку. Была сказка про короля, который сам не вышел ростом, но женился на дюжей красавице. Сим тут же остановил чтение, сказав, что сказка должна быть, во-первых, умной, а не только страшной, во-вторых, интересной до конца. А в этой сказке всем сразу ясно, что для того, чтобы возвыситься в глазах своей избранницы, король затеет войну и будет посылать на смерть великанов гренадеров. «Давай другую, — приказал Сим, — а эту брось в костер, чтобы не захламляла сундук».

Далее прозвучала сказка про косноязычного короля, который грозен был с виду, да слаб речами. Как начнет, бывало, говорить, то мало того, что не понять о чем, но, что совсем не пристало монарху, смешно выходит. Даже шуты, его слушая, смеялись до коликов. Пришлось королевским министрам срочно искать объяснение государеву косноязычию. И вот на площади под барабанный бой объявили: «Наш великий король семь мыслей одновременно в голове держит. Мысли разом на язык просятся и в разные стороны язык тащат. Оттого король непонятно говорит, что мыслями богат».

Эта сказка, по приказу Сима, полетела в огонь вслед за первой.

— Неужели под барабанный бой нельзя объявить что-нибудь умное? — возмутился он.

Следующая сказка носила странное название: «О пользе грязи».

— Лечебной? — спросил Тит.

— Политической, — ответил Хмурый Погонщик.

— Раз сидели в таверне разбойник и сапожник, — начал Хмурый Погонщик, — и когда платили они хозяину за вино, сказал разбойник сапожнику, что нет разницы между их деньгами, ибо сапожник такой же мошенник, как и он, и обманывает своих покупателей, выдавая сапоги свиной кожи за яловые. Сапожник отвечал, что покупателей никогда он не обманывает и работает честно. Тогда разбойник стал уличать его в воровстве сапожных гвоздей. Это был нехитрый трюк — вывалять собеседника в грязи до своего уровня. Сапожник гвоздей не крал, но не знал, как это доказать. Разбойник же, наоборот, был красноречив, и послушать его, так получалось, что все люди зарабатывают лишь мошенничеством, и по сравнению с таким «вором», как сапожник, даже он не так уж плох.

В темном углу таверны сидел в это время король, скрывавший лицо под капюшоном. Несколько часов назад он отравил брата. Завтра нужно было както объяснить этот поступок придворным. Размышляя над тем, что скажет, он

потягивал вино. Речь разбойника его заинтересовала. Он достал из кармана маленькую книжицу и что-то в ней записал. После чего заметно повеселел и, приказав послать бочонок вина разбойнику, покинул таверну.

Утром следующего дня по всему королевству глашатаи объявили народу о том, что учеными мужами доказано, будто все лица королевских кровей склонны к интригам и даже к убийствам. Все без исключения! Во всех странах! И что наш король, как бы того ни избегал, вынужден соответствовать своей касте. Но параллельно распускался слух, что, в отличие от остальных, наш король «интригует», заботясь о народе.

Не прошло и года, как стал тот король народным любимцем, отравив «во имя справедливости» своих дядю, тетю и двух сестер. А затем и полцарства.

— Вот это по-нашему! — удовлетворенно кивнул Сим. — Что скажешь? — толкнул он сидящего рядом Тита локтем в бок.

— Да не верится мне, что так легко обмануть народ, будто все вокруг грязь.

— А вот завтра дойдем до ближайшего городка, — сказал тихо Сим, — и я пущу слух, что жена градоначальника — блудница, а ты, с другой стороны, громко говори, что порядочная женщина. И посмотрим, чему больше захочет поверить народ.

— Давайте теперь я расскажу короткую сказку в одно предложение, — предложил Тит. — Итак: «Сказка, про короля, который, взойдя на престол, дал обет, что балы, охоты и прочие увеселения для знати отменяются, пока в его королевстве есть хоть один голодный ребенок».

— Конечно, хорошо, придумав такую сказку, сразу занять моральную высоту, — прокомментировал сказку Сим, — но ты, Тит, человек злой. На что ты обрек пусть даже выдуманного сказочного короля? Тебе его не жаль? Ты что, не знаешь, какой конец ему уготовил? Или ты имел в виду нечто другое и решил придумать сказку о самом коротком правлении в истории?

— Не переживай, — отмахнулся от него Тит, — с королем все будет в порядке.

— То есть, перейдет в мир иной с чистой душой, — уточнил Сим, — но это мало кто поймет. А не мог бы ты придумать что-нибудь не такое мрачное про короля? Например, «Сказка про голого короля» со счастливым концом.

Сказав это, Сим посмотрел на Тита, как бы приглашая его на состязание. Титу захотелось рассказать что-нибудь такое, что могло бы заинтересовать Фому. Фома все это время безучастно сидел у костра, погруженный в свои мысли. Тит долго думал. Сим уже задремал когда он, наконец, изрек: «Сказка о том, как для проверки королевской крови неизвестной принцессе положили на ночь под перину тыкву, но она все равно проснулась с улыбкой, как и положено настоящей принцессе».

Но Фома, казалось, сказку не слышал.

Тит же сонным голосом пустился в рассуждения.

— Эта сказка из тех, что если не ты, то кто-нибудь другой ее придумает, — пробормотал он. — А придумав, переврет, конечно, на свой лад. Спутает тыкву с горошиной, например. Или сделает принцессу плаксой. Или повезет ее в карете из тыквы…

— В гости к звездному принцу, — задумчиво добавил Фома.

— Будем считать, что сегодня ничья, — поднялся с земли Тит, — к тому же нужно хорошо выспаться, завтра предстоит долгая дорога.

Захватив с собой котомку, он ушел в темноту.

— Ничья — это поражение предложившего ничью, — пробурчал ему вслед Сим.

На исходе следующего дня караван подошел к городу, граничащему со страной Высоких Трав и Густых Лесов.

В городе возбужденные толпы.

— Бунт? — спросил Тит.

— Нет, судя по разношерстной толпе, смена власти, — ответил Сим.

Караван остановился на холме перед городом, откуда хорошо была видна городская площадь. Там, посреди толпы на перевернутой вверх дном бочке, стоял оратор.

— Что говорит? — спросил Фома.

— Ничего нового, заберем у этих и отдадим тем, — ответил Сим, — затем мысленно связался с оратором и послал ему следующие слова: — Ты хочешь быть вождем потому, что искренне стоишь за бедных и предлагаешь им свое чистое сердце в разделе чужого имущества.

— Я искренне стою за бедных… — раздалось с бочки.

— А почему бы тебе самому не заработать и не делиться с бедными? — спросил оратора Сим.

Оратор достал из-за пояса флягу с водой и, пока пил, мысленно ответил Симу:

— Я не знаю ни одного ремесла, я философ-бунтарь.

— То есть, противник богатства, — уточнил Сим.

«Именно», — мысленно подтвердил оратор.

— И как философ, после того как прогонишь богатых, ты, надо полагать, поселишься в бочке, а не в дорогом дворце.

Оратор поперхнулся водой:

— Я поселюсь во дворце, он мне положен как вождю.

— Желаю тебе личной удачи в защите справедливости для всех! — послал ему прощальное напутствие Сим.

— Вот, бери пример, — повернулся он к Фоме, — сегодня человек стоит на бочке, а завтра сидит во дворце.

— А можно быть вождем и не жить во дворце? — спросил Фома.

Сим хотел уже было ответить, что, мол, если не ты, то твой ближайший соратник отравит тебя и поселится во дворце. Но слишком чисты и наивны были глаза Фомы.

— Ты знаешь, — изобразил Сим такой же, как у Фомы, светлый взгляд, но только устремленный в будущее, — я верю, что когда-нибудь придет к власти народный вождь, который будет жить среди народа и без охраны.

Тем временем оратор, прочистив глотку, крикнул толпе что-то про «жирных котов». Толпа яростно заревела в ответ.

— Пример праведного гнева, — обратился Сим к Титу, указывая на толпу.

— За организованный гнев заплатит тот, кто совратил малых сих, — ответил Тит.

— Малых сих? — переспросил Сим. — Ах, ну да, естественно, — хлопнул он себя по лбу, — я забыл, с кем разговариваю. Позвольте узнать, и эти «малые сии», конечно же, искупят минутное помутнение свое будущими многолетними лишениями?

— К сожалению, да, — кивнул Тит, — и все в твою копилку.

— Можно это записать? — спросил Фома.

— Не надо, — сказал Тит.

— Запиши, запиши! — рассмеялся Сим. — И запиши вот что: никто, ищущий любви у толпы, то бишь при помощи нее рвущийся к власти, не скажет:

«Я дам покой душам вашим». Обещания всегда вертятся вокруг материального, того, что можно пощупать. Причем пощупать всей толпой. Обещания — наживка. Трибун подобен рыбаку. Только никому не придет в голову сказать, что рыбак нанизывает червя на крючок с целью накормить рыбу.

— Ты, Сим, слишком мрачно все рисуешь, — возразил Тит. — У людей есть право подняться против несправедливости. И хвала тому, кто это делает.

— Да, но только толпа никак не определится — или она отстаивает свободу, данную Творцом, или делит ценности, созданные человеком. Под пламенные речи о первом толпа чаще всего творит второе.

С этими словами Сим послал в город Хмурого Погонщика, дав ему четырех верблюдов. Погонщик и верблюды растворились в воздухе. Спустя некоторое время Хмурый Погонщик и сгибающиеся под тяжестью поклажи верблюды вернулись назад.

— Тюк зависти, тюк злобы и два тюка горя расставания с накопленным, — указал гордый собой Хмурый Погонщик на поклажу.

Караван неторопливо двинулся дальше. Из-за собранной в городе обильной жатвы всю дорогу Сим пребывал в хорошем настроении. Он даже прочел Фоме лекцию о власти. Лекция состояла из одного предложения. «О критике власти, не упуская ничего, сказать можно следующее: беззубый рот хочет покоя, зубастый — перемен, пустой кошелек говорит одно, полный — другое».

— И все? — спросил Фома.

— Все, — ответил Сим.

Но тут вмешался Тит, сказав, что такое определение поверхностно, и остаток пути они с Симом провели в споре, из которого Фома не понял ничего.

Вечером сделали привал. Хмурый Погонщик снова принес сундук со сказками.

— Выбери те сказки, где нельзя предсказать, чем они закончатся, пока не прозвучит последнее предложение, — распорядился Сим.

Хмурый Погонщик долго копался в сундуке, пробегая глазами начала и концовки сказок. Наконец отложил в сторону несколько свитков.

— «Красавица и верблюд», — прочел он название первой сказки.

— Можешь предсказать по такому названию, чем сказка кончится? — повернулся Сим к Титу. Тот покачал головой.

— А ты? — спросил он Фому.

— Нет, — весело ответил Фома, ему явно понравилось, что в названии сказки упоминалась красавица.

— Однажды некий купец после долгого перехода подошел к чудесному оазису, — начал Хмурый Погонщик. — Среди высоких песчаных барханов дивный оазис выглядел истинным миражом. Довольный купец развьючил своих верблюдов, снял с них тяжелые тюки с пряностями, дал им вдоволь напиться, напился сам и прилег в тени пальмы отдохнуть. И тут из-за бархана вышел старый, поганый верблюд, шерсть которого свисала клочьями.

— Разреши мне напиться, — молвил верблюд человеческим голосом.

— Даже и не думай об этом. Как смеешь ты совать свою облезлую морду в чистый источник! Ишь, какой наглец! — закричал на верблюда купец, встал с земли и, замахав руками, погнал его прочь.

Едва верблюд скрылся за барханом, как к оазису подошла красавица.

Купец остолбенел перед такой захватывающей дух красотой. Покачивая бедрами, красавица приблизилась к купцу и сказала, скромно опустив рес-

ницы, что она дочь короля и по королевскому приказу должна выйти замуж за первого встречного, и что первый встречный — это он. Купец от радости лишился дара речи. «Ах!» — только и смог выдохнуть он.

— Но этот первый встречный должен быть еще и добрым человеком, — добавила красавица. — Сперва он должен напоить верблюда, которого мудрый король пустил впереди меня.

— Ай! — схватился за голову купец. Дар речи вернулся. — Клянусь всем, что имею, я ему хотел дать воды! Напейся, говорю! Даже чаю предлагал! А он взял и ушел. Верблюд этот, я вам скажу, балованный. Побрезговал моим радушием. Но, — проглотил слюну купец, — ждите здесь, сейчас я его верну. — И он побежал на спадающих шлепанцах вверх по бархану, следуя цепочке верблюжьих следов. Но за барханом верблюда не оказалось.

— Старый, поганый, а ишь, какой проворный, — шептал себе под нос, задыхаясь от быстрого бега, купец. — Но где были мои глаза! Верблюд заговорил! Почему я не насторожился! — И он бежал все дальше и дальше.

Верблюда не оказалось ни за вторым, ни за третьим барханом. И купец рассудил так:

— Хватит бегать. Пойду назад. Уже по тому, как я помчался ловить эту дрянь, красавице должно было стать ясно, что я добрый человек.

Когда он, усталый, едва передвигая ноги, подошел к оазису, то не обнаружил там ни красавицы, ни своих верблюдов, ни тюков с пряностями…

С минуту все сидели молча.

— Ничего тут сказочного нет, кроме говорящего верблюда, — сказал Сим, — конец мне был ясен с момента, как подошла красавица.

— А мне не верится, чтобы красавица оказалась воровкой, — покачал головой Фома.

— Не воровкой, а частью воровской компании, — пояснил Сим, — сама она не смогла бы навьючить и быстро увести верблюдов. — Он пристально посмотрел в ночное небо, которое стали затягивать тучи.

— Нет, я все-таки не понимаю, что может быть общего у красавицы с ворами? — не унимался Фома.

— Общий у них предмет обожания, а именно деньги, — ответил Сим.

Таким ответом он еще больше сбил Фому с толку.

— Как наделенная красотой может обожать деньги, да еще связываться ради этого с ворами? — прошептал он в ужасе.

— Ты, я вижу, совсем безнадежен, — махнул рукой Сим и дал сигнал Хмурому Погонщику начинать следующую сказку.

Была та сказка про Странствующего Справедливца и свиней.

Набрел как-то Странствующий Справедливец на постоялый двор, где был поражен ужасным положением свиней в грязном хозяйском сарае. Возмущенный Справедливец отходил хозяина посохом по спине, сжег сарай и выпустил свиней на волю. После чего обратился к свиньям со словами: «Свиньи! С этих пор вы не будете жить в грязи и дерьме! Не будете погибать под хозяйским ножом в обмен на похлебку! Отныне вы и ваши дети вольны в своей жизни и смерти!» Свиньи, даже не взглянув на солнце свободы, порысачили тесной кучкой к ближайшему болоту и снова залегли в грязь. Странствующий Справедливец был удивлен тем, что из всего, что предлагает свобода, они сделали именно этот выбор. Стараясь не верить своим глазам, он обратился к ним с новым призывом: «Присоединяйтесь к своим вольным сородичам, что пасутся в лесу у дуба!» Свиньи даже ухом не повели. Пошел дождь. Свиньи были очень недовольны отсутствием хозяйской крыши над головой, и когда

Странствующий Справедливец решил подбодрить их еще одной речью о преимуществах свободы, набросились на него с яростью.

— Стой! Тут все ясно с самого начала, — сказал Сим. Сказал довольно поздно, так как сказка уже закончилась. Надо заметить, что слушал он сказку рассеянно, глядя больше в ночное небо, как будто пытаясь там что-то разглядеть.

— Читать следующую? — спросил Хмурый Погонщик.

— Нет, — отрезал Сим, — похоже, сегодня будет работа.

Теперь он весь был поглощен тем, что происходило в небе. Ветер нагнал обрывки туч, и они почти закрыли его. Осталась одна одиноко горевшая звезда, но ее вдруг перекрыла черная тень птицы. Сим вскочил на ноги. Приказал Хмурому Погонщику следовать за ним и быстро пошел к каравану.

— Срочно все тюки в одну кучу! — кричал он на ходу остальным погонщикам. — Складывайте и отходите в стороны!

Ветер усилился до воя. Земля стала дрожать.

— Смерч, — сказал перепуганному Фоме Тит. — Не бойся, он нас не коснется, унесет собранное Симом и стихнет.

Так и случилось. После того как смерч унесся в темноту, на земле валялись лишь выпотрошенные тюки и пустые мешки. Все, что было в них, улетело вместе с ветром. Тит открыл свою котомку. Внезапно появившаяся стая белых птиц пронеслась над ней, как бы унося ее невидимое содержимое, сделала круг и улетела вслед уходящему смерчу.

— Капля добродетели нейтрализует тучу злобы, — проводил Тит взглядом стаю.

— Нейтрализует, это верно, — согласился Сим, — только раз от раза тьма сгущается все больше и больше. Не станешь же ты спорить с тем, что Вселенная расширяется за счет темной материи.

— Да, урожай ты нынче послал обильный, — сказал Тит, — с таким количеством энергии очередная грандиозная подлость не заставит себя ждать.

— Скорее всего, Хозяин затеет большую войну. Посеянная злоба дает во сто крат больший урожай. Ведь ни для кого не секрет, что войны становятся все кровавее. И хорошо бы тебе записать, — Сим перевел взгляд на Фому, — что после очередной войны, сколько бы люди ни клялись друг другу в вечном мире, каждый раз приходит новая, еще более ужасная война. Поводов для нее найдется тысяча, а причина всего лишь одна, и выразить ее можно в трех словах: «Хозяину нужна энергия».

Утром следующего дня караван двинулся в путь. Верблюды шли налегке. Караванщики пребывали в добром настроении.

— Что-нибудь записал о войнах? — поинтересовался у Фомы Сим.

— Те три слова, что вы вчера вечером изволили произнести, — бойко ответил Фома.

— Только людям об этом не говори, засмеют, — дал совет Сим.

По пути они догнали солдата.

Сим моментально соскочил с верблюда и, примерившись к его шагу, пошел рядом с ним.

— Чего грустим, солдат? — спросил он и сам же ответил: — Видимо, на войну с соседом идем, оттого и грустим. А шел бы на войну со всем миром, был бы весел и горд. Аппетиты мелкие у короля твоего, — пояснил Сим, — под мелкие аппетиты — мелкие безликие войны. А решил бы твой король покорить весь мир, по-другому выглядел бы ты и оружие твое было бы другим. Десять стран за год покорил бы, свернул бы, правда, шею на один-

надцатой, но умер героем. И вошел бы в историю король твой. А так, готовься нести страдание миллионов на себе одном, в мелкой затяжной войне.

Солдат на это отвечал, что идет не на войну, а с войны, а грустит потому, что подружка его не дождалась.

— Вот заноза! — картинно возмутился Сим и, обернувшись, подмигнул Хмурому Погонщику, чтобы принес пустой мешочек.

— Ну, теперь ты ей задашь!

— Нет, я простил ее.

— Солдат ты или тряпка? — изобразил недоумение Сим.

— Я простил ее, — повторил солдат.

— Ну и глупец, — сказал Сим и, обернувшись, жестом остановил Хмурого Погонщика.

— Можешь положить горстку бесхребетности в свою котомку, — кивнул он Титу, садясь на верблюда, — если бесхребетность является добродетелью.

Караван двинулся дальше, оставив солдата позади.

— Война, что в ней толку, если сердца воюющих не отравлены злобой на указанного им врага. При этом лучшая злоба — это злоба к тем, кто ест свой хлеб и никому не угрожает, — разглагольствовал сам с собой Сим, но так, чтобы слышал ехавший рядом Фома. — Перед общим выступлением всеобщее одичание, независимо от того, кто умен, кто глуп. И как зазвенит тысячекратная злоба в воздухе, знай, что пришло время урожай собирать. А что толку в смерти воина, защищавшего свой дом? Прибыли мне от нее никакой. Поэтому запомни, — сказал он Фоме, — лучшая война — это война легионов с отравленными сердцами.

А в это время далеко во Вселенной, на третьей планете от звезды, именуемой Солнце, один могущественный воитель, размышляя о войне, пришел к выводу, что ею движут силы, благородства не приемлющие, и что выиграет тот, кто сделает то, чего устыдился бы сделать противник.

Под мерное движение каравана Фома погрузился в размышления о войнах. Прочтя его мысли, Тит сказал, что люди враждуют, потому что они разные по традициям, разные по прожитой истории, по национальностям.

— Конечно, проще было бы выявить негодяя, который проповедует войну, и свалить на него все беды, — молвил в раздумье Тит. — Но как объяснить ответный одобряющий рев толпы на его подстрекательские речи? Одобряющий как у мужчин, так и у женщин. Откуда такое единство?

— Творец создал человека, Хозяин — национальности, — ответил, казалось, не слушавший его Сим.

— Не может быть! — вспыхнул Фома. Сам он принадлежал к одной из древних народностей, с детства в нем воспитывали чувство гордости за это.

— Твоя реакция, — усмехнулся Сим, — как раз подтверждает, что может.

— Вы в состоянии это доказать? — спросил Фома.

— Ты сам легко можешь это сделать. Пойди, скажи о том, что ты только что узнал, любому встречному, и он наверняка тебя поколотит. Вот и все доказательство. Ответные эмоции попадут в мой карман. Мой, заметь, не Тита.

Фома был растерян. Тит решил его утешить:

— Только на этой планете устроено так, на других все, конечно же, иначе.

Караван медленно двигался вперед. Дневное светило стояло уже в зените и палило нещадно. От утренней прохлады не осталось и следа. Жара навева-

ла дрему. Ехавшие неподалеку друг от друга Сим и Тит лениво спорили на тему, кто хуже: «Тот, кто крадет, чтобы напиться, или тот, кто бросает пить, чтобы украсть». Первые брали общим своим количеством. Вторые — количеством наворованного. Так доехали они до места, где на дороге спал пьяница. Ветерок, доносивший от него винные пары, заставил чихнуть нескольких верблюдов. По следам вокруг спящего было видно, что чья-то повозка, ранее проезжавшая здесь, объехала его, чтобы не отдавить ему ноги. Сим слез с верблюда, бережно поднял спящего и перенес в тенек. Затем нарвал травы и положил ему под голову. «Соломки подстелил, как говорят в народе», — пробурчал он. Караван тронулся дальше.

— Очень полезный в нашем деле человек, запиши, нигде такое не услышишь, — обратился Сим к Фоме. — Хоть в народе существует поверье, что пьяному Творец помогает, но это, опять же, полезное для Хозяина заблуждение. Кстати, знаешь, какая любимая поговорка Хозяина? «На все воля Творца». А что до пьяниц, то каждый день благодаря им идет мне в копилку, урожай бабьих слез и проклятий, стабильным поступлением своим превосходящий порой хорошую войну.

Проехав некоторое время молча, Сим решил поделиться с Титом и Фомой возникшей у него вдруг мыслью:

— У пьяницы даже любому королю есть чему поучиться, — начал он. — Допустим, надоел народу какой-либо король-сумасброд. Это как пьяница, бывает, надоел своей семье так, что семья уже подспудно думает: «Лучше б ты не проснулся однажды». Что делать? — Сим вопросительно посмотрел на Тита, затем на Фому, но те молчали. — Все что нужно пьянице, это затеять свару с собутыльниками, украсть у них кувшин вина и бежать с ним домой. Закрыться на засов и пугать домочадцев тем, что разбойники ломятся в дом. Дом моментально превращается в осажденную крепость, а семья сплачивается вокруг отца для отпора врагу. А теперь спросим у народа, — обратился он к Фоме, — стал бы ты защищать такого отца?

— Да, конечно, — почесал затылок Фома. — Даже если понятно, что это не разбойники, а папины друзья, а судя по папе, можно представить кто у него в друзьях. Лучше таких людей в дом не пускать.

— Вот тебе, Тит, ответ народа, — захохотал Сим, — то же самое и в государственном масштабе.

Далее на дороге встретилась им озадаченная женщина. Оказалось, что ее муж, проживший с ней двадцать лет, ушел к молодой. Пожаловалась, как тяжело ей было без его помощи растить детей. А теперь он старый, жалкий, брошенный всеми, просит ее пустить его обратно, чтобы дожить свой век.

— Заболел? — понимающе спросим Сим.

Женщина кивнула.

— Ногами не ходит, но ходит под себя, — уточнил Сим.

Женщина опять кивнула в ответ.

— И что тебя озадачивает? — изобразил он удивление.

— С одной стороны, жаль мне его, — сказала женщина, — а с другой стороны, не могу простить.

— Так следуй здравому смыслу и не прощай.

— Погоди, — вмешался Тит и обратился к женщине: — Оттолкнув его, ты уподобишься ему, помогая ему, ты возвысишься.

Женщина, озадаченная более, чем прежде, осталась на дороге обдумывать сказанное. Караван двинулся дальше.

— Тысячу лет езжу с Титом и не перестаю восхищаться его способностью намудрить там, где и так все ясно, — ни к кому не обращаясь, пробурчал Сим.

— В тысячный раз вижу, как кое-кто пытается, используя здравый смысл, набить свой карман, — ни к кому не обращаясь, ответил Тит.

— Я считаю, что ей нужно простить мужа, — вступил в разговор Фома.

— Твой совет — это совет мужчины, и принят быть не может, потому что он определен твоим полом, — сказал ему Сим. — А разница полов, смею тебе заметить — это великая сила. Если вдруг люди смогут договориться об окончании всех войн и заживут, не ведая нужды, то «война полов», по замыслу Хозяина, должна будет войти в каждый сытый дом. Лишь тебе, Фома, и лишь сегодня ночью я, так и быть, открою то, что простому человеку знать не следует. Пользуйся этой моей секундной слабостью, завтра ее может не быть.

Вечером, когда караван остановился на привал, Сим, прихватив пустой заплечный мешок на всякий случай, повел Фому по едва заметной тропе в сторону возвышавшейся неподалеку горы.

Уже было довольно темно, когда они, поднявшись на каменистое плато, подошли к пещере. Встав на камень у входа, Сим произнес вступительную речь:

— Ах, влечение полов, вечный кузнец эмоций, потому как нельзя побороть заложенное Творцом, или как говорят наблюдательные и умные люди, — природу. Скажи насекомому богомолу, что самка после брачного с ним танца его же и съест. Разве он тебя послушает? Так создал его Творец, что энергией брачного танца богомол Ему полезен. Хозяин же не упустил, чтоб и здесь получить свое: когда бившая через край энергия счастья сменяется энергией ужаса.

— Или бывает так, — Сим стал в позу трагика, — когда неискушенная девица отъявленного негодяя вдруг полюбит. Кто сможет ее образумить? Ведь для нее он рыцарь, флибустьер. Но вот проходит время, и эмоции, что были легче аромата розы, тяжелым грузом наполняют мой карман.

Сим спрыгнул с камня и со словами: «Поэзии, мой друг, здесь не услышишь ты, здесь проза жизни с примитивным слогом», — пригласил Фому следовать за собой.

Мало того, что вступительная речь Сима навеяла на Фому тоску, теперь еще нужно было войти под темные своды. Фома нерешительно сделал шаг, за ним второй. Тут он увидел мерцающий в глубине пещеры свет от костра.

И вошли они в пещеру с Беглым Мужем. Беглый Муж представлял собой существо в стоптанных сандалиях и драной рубахе до колен. Сим, сняв заплечный мешок, ослабил на нем узел, незаметно вдоль стены обогнул пещеру и стал позади ее хозяина. Чтобы как-то позабавить Фому, которому выпало слушать откровения Беглого Мужа, все, о чем бы тот ни говорил, Сим изображал в лицах. Вскоре Фома с трудом уже сдерживал смех. Беглый Муж, между тем, не замечая стоящего позади него Сима, философствовал на тему, им явно выстраданную, делясь по ходу откровений внезапно спустившимися на него озарениями.

— Я не пьяница и потому жену имею капризную, — начал Беглый Муж свою речь. — Прожили мы много лет, но вот я заметил, что-то происходит не так. Нет, еще как-то можно жить, следуя устоявшимся привычкам и правилам. Я хожу на работу, с работы, мы посещаем ее мать. Кстати, с ее матерью у меня нет никаких проблем, хотя, казалось бы, теща. Это говорит о том, что я человек не конфликтный.

Сим за его спиной изобразил умиление и, приставив ладонь к уху, приготовился слушать дальше. Фома, глядя на него, улыбнулся, но тут же снова натянул на лицо маску серьезности.

— А вот с женой, не знаю даже, как объяснить, — пожал плечами Беглый Муж. — Как только радость какая-то во мне заведется, жена мигом ее гасит. Да возьмем простые, казалось бы, вещи. Собираемся в гости. Настроение у меня приподнятое. Она же специально долго копается, все никак не может собраться. Настроение мое падает, но терпеливо жду. Уже опаздываем. И наконец, она говорит: «Иди без меня».

Сим схватился за голову, затем за шею и изобразил, будто хочет себя задушить. Фома кашлянул в кулак, чтобы скрыть улыбку.

— Или вот еще, — почесал живот под рубахой Беглый Муж. — Говорю ей, что пойду навестить брата, буквально туда и обратно. Она: «Иди куда хочешь. Твоя личная жизнь меня не интересует». Ну не обидно ли? Как будто навестить брата — это что-то вроде измены. И создается впечатление… — Беглый Муж задумался, и тут ему явно пришла мысль, о которой он ранее не подозревал. — У меня такое впечатление, — повторил он, — что эти мелкие колкости кто-то невидимый специально через нее устраивает, чтобы изводить меня.

Сим позади бесшумно щелкнул пальцами в знак согласия, мол, малый не дурак.

— Я не говорю уже о переменах настроения без каких-либо причин, — продолжал Беглый Муж, — когда спокойным, казалось бы, днем нарваться можно на скандал, и завертевшиеся жернова истерик в муку перетирают всю энергию мою.

Сим пошатнулся и чуть не рухнул вниз, изображая обессиленного.

— А чего стоят эти большие глаза после сделанной мне большой гадости, — грустно покачал головой Беглый Муж, — а на другой день в этих же глазах искренняя вера в то, что я все не так понял и что я еще и сумасшедший.

Сим выкатил из орбит глаза и, видя, что бедный Фома едва сдерживает смех, вдобавок высунул язык. Фома закашлялся, чтобы не рассмеяться вслух, закрыл лицо руками. Беглый Муж прервал свою исповедь, спросил, все ли с ним в порядке. Отчего Фома закашлялся еще сильнее, но закивал головой, мол, все хорошо.

— Мы хотим добиться своей мечты, — грустно улыбнулся Беглый Муж. — А когда мечта сбылась, мы часто не радуемся, ибо находимся в другом возрасте с другими желаниями. То же самое и с покорением любимой женщины.

Сим сделал вид, что поймал в воздухе муху в кулак, и, приложив кулак к уху, стал прислушиваться. При этом пальцем другой руки он показывал то на Беглого Мужа, то на кулак с мухой.

— Но я же над ней не издеваюсь, — развел руками Беглый Муж, — даже если мои чувства, мягко говоря, притупились. А вот она меня демонстративно не замечает. Не слушает меня, считая за насекомое. Как-то пошли мы в гости. Я приготовил речь, дождался момента, встал, начал произносить, а она мало того, что ноль внимания, так еще перебила меня под общий хохот.

Фому рассмешить было несложно, и прекрасно зная эту слабость за собой, он старался не смотреть на Сима, который над головой Беглого Мужа ладил уже рога из растопыренных пальцев.

Долго еще Беглый Муж перечислял нанесенные ему обиды и стоящие за ними, как ему казалось, скрытые мотивы некой третьей мистической силы. Фома, пытаясь не реагировать на гримасы Сима, набирал в легкие побольше

воздуха и так подолгу стоял, боясь выдохнуть. Чтобы не прыснуть от смеха, он даже сжимал кулаки. Но когда смех все-таки вот-вот грозил вырваться наружу, он скрывал его кашлем. Нет, ему было искренне жаль Беглого Мужа, но именно осознание своего идиотского поведения в таком серьезном деле вызывало приступы неудержимого смеха. Наконец его вернул к жизни вопрос, что во второй или в третий раз повторял Беглый Муж: «Как вам все это нравится?»

Фома, глядя под ноги, кивнул головой. Получалось, что нравится. На секунду в глазах Фомы мелькнуло удивленное лицо Беглого Мужа. «Ой, нет, не нравится», — исправился он и снова закашлялся. Подавленный смех брызнул слезами. Беглый Муж был тронут таким сочувствием.

Лишь когда они вышли из пещеры, Фома смог спокойно перевести дыхание. Сим отдал ему нести мешок, на дне которого лежала горсточка страданий Беглого Мужа, а сам налегке потопал вперед. Фома двинулся следом. Теперь его жег стыд за свое поведение в пещере. Даже если Беглый Муж ничего не заметил, ему было неприятно, что все так получилось. Единственным его оправданием перед самим собой была та сила, что заставляла его смеяться, как порой заставляет она смеяться людей в ситуациях, где смех неуместен.

От пещеры пошли они далее через темный лес. По тому, как Сим неутомимо шел впереди, Фома понял, что эта ночь сулит еще много приключений.

— Освободи женщину в доме врага твоего, и ему будет не до тебя, — в такт шагам говорил Сим. — Но эта поговорка не для улиц, а для дворцов. Сколько царств пало, а сколько еще падет… — Не сбавляя шага, он схватил свисавшую у него на пути с ветки змею и отшвырнул в сторону. Змея не успела даже зашипеть. Сим закончил монолог словами: — Хотя, казалось бы, ничего мудрого.

Фома старался не отставать, иначе трудно было разобрать, о чем идет речь. К тому же в этом жутком лесу рядом с Симом было спокойнее. Вдруг Фома увидел два зелено-желтых глаза недалеко в стороне.

— Сим, — прошептал он, указывая рукой на горящие в темноте точки.

Сим остановился, взглянул туда, куда указывал Фома, кулаком ударил по ближайшему дереву и выставил вперед руку с раскрытой вверх ладонью. В ладонь мягко шлепнулось выпавшее из гнезда яйцо. Описав рукой дугу, Сим швырнул яйцо в сторону светящихся глаз, один из которых тут же с воем погас.

— Это лесной барс, — бодро затопал вперед Сим. — Хищник, — с уважением в голосе добавил он. — Зверь в нашем деле полезный. Вроде Творец создал хищников для круговорота всего живого, а Хозяину опять же прибыль от страха жертвы. Прибыль дают также люди, приносящие животное в жертву, откупаясь его эмоциями.

Фома за свою жизнь видел немало кровавых ритуалов во дворах храмов, но никогда не задумывался о том, да и вряд ли совершающие жертвоприношения задумывались, что во имя Творца умиротворяют Хозяина.

Они вышли из леса. Впереди в редких мерцающих огоньках лежал небольшой город.

— Там, — указал Сим на спящий город, — живут люди, они сами себе хищники, сами себе и жертвы. А чтобы хищник нашел жертву, нужно связать их узами брака или отношениями: хозяин — работник, командир — подчиненный. Следуй за мной, — кивнул он Фоме, и стал спускаться с холма, — там все объясню тебе на примерах из жизни.

— Люди живут семьями, — сказал Сим, ступив на первую городскую улицу. — Семья — это группа родственников, связанных кровными узами.

Просто разойтись, как незнакомые, они не могут, и потому это лучшее место затевать эмоциональные бури и собирать жатву.

— Но ведь создание семьи не пик ли счастья? — спросил Фома.

— И именно поэтому Хозяин тут как тут, — шутовски помпезно поклонился Сим. — От радости ему какая прибыль? И если б люди знали все его уловки, то жизни проживали бы без бед, как парусник плывет, минуя мели, когда имеет карту рулевой.

Они двинулись вдоль первой улицы.

— В этом доме, — указал Сим на ближайшее строение, — в семье два брата. Старший пьяница и задира. Его родня не любит, но трогать боится. А как женится он, пусть на первой блуднице, то все в один голос одобрять станут, мол, остепенился. Ну а младший брат послушный и работящий, делает все, что скажут. Но попробуй он жениться сам по любви, а не на той, что родня выберет, так и его, и ее со свету сживут.

— Почему? — спросил Фома.

— Потому, что могут, — был простой ответ. — А вон там опять два брата, — указал Сим на следующий дом. — Старший на каторге. Младший за дядей ухаживает. Умрет дядя, наследство оставит. Но не из-за наследства смотрит за ним племянник, а по доброте. Денег он не ждет. И будь уверен, не получит. Какая Хозяину польза давать ему деньги? Чтоб он людям помогал? И потому будет так: как раз со смертью дяди сбежит с каторги старший брат, и все дядино наследство уйдет на пьянство и блуд, с букетом эмоций мне в мешок. А потом снова на каторгу попадет тешить Хозяина горем.

Они подошли к большому дому.

— Здесь живет несчастная женщина. Была у нее язва на пол-лица, и очень она о том горевала. Помог ей Тит, нашел эскулапа, залечил язву. Но и Хозяин не дремал, послал ей мужа, мужчину богатого, племени нам приятного. Взял ее богач в свой дом и так ее теперь тиранит, что она по ночам просит Творца послать ей новую язву.

Фома печально вздохнул. Сим тем временем продолжал:

— Брак — это часто рабство под одной крышей, связанное в храме при венчании именем Творца. И это при том, что Творец против рабства. Раб уныл, раб запуган. Но, — Сим указал на строение посреди улицы, — вон в том доме жена отдана в рабство к скряге. А в том муж служит лакеем у избалованной бессердечной дочери богача. Семейная тирания дело распространенное, и нужно отдать должное Хозяину, умеет он для этого подбирать пары. А как при этом он может застить глаза! О, если бы ты знал, сколько женщин находят что-то хорошее, незаметное для остальных, в полном ничтожестве, превращая себя в рабынь.

Сим встал на порог следующего дома и голосом трагедийного актера молвил:

— Вот дом, где жили две сестры. Теперь живет лишь старшая и, занимая места в мире больше, чем пристало, к тому же добродетелей не имея никаких, с надменным видом гадости творит. Поверь мне, долог будет век ее. А младшая сестра скромна, добра была и помогала людям, но уж давно ушла в страну цветов. При жизни старшую сестру любила и жалела, а та ее считала размазней.

Сим соскочил на мостовую, и они двинулись дальше. Усталого Фому потихоньку начал одолевать сон. Сим монотонно бубнил, навевая дрему:

— Хороший урожай наичернейших эмоций дает ситуация, когда ненавидящие друг друга супруги живут под одной крышей, боясь потерять вещи,

которыми обросли за годы жизни. Ведь когда исчезает духовная связь, объединявшая мужа и жену, на смену ей приходят имущественные узы. И так как всяким имуществом на этой планете распоряжается, — Сим сделал паузу, — сам знаешь кто, то будь уверен, свою порцию энергии он при имущественном разделе получит. Запомни, Фома, все придумано очень нехитро: есть хлопоты естественные, данные природой, и есть хлопоты навязанные, когда одолевает человека суета, и вертится он в ней годами, сам не ведая того, Хозяину на пользу. И вот что я тебе скажу, — Сим посмотрел в ночное небо, — если это работает на нашей планете, зачем что-то выдумывать на других.

Вышли на городскую площадь. Сим остановился посреди нее и, подняв руку вверх, снова изобразил трагедийного актера.

— Нет, Фома, — молвил он, — узы брака не для меня. Кем бы я был в браке? Да и с кем мне быть в браке?

На эти вопросы ответов Фомы не последовало, да их и не предполагалось.

— Ах, Фома! — глубоко вздохнул Сим. — Если бы я рассказал тебе про своих цариц и рабынь, то даже ты, с виду праведный человек, потерял бы сон от зависти. И тогда спроси себя, имей ты бессмертие, какую бы жизнь выбрал: свою или мою.

Фома знал ответ. Какие там царицы. Имей он бессмертие, то днем трудился бы, а по вечерам сидел бы рядом с Дочерью Горшечника у пламени очага, ничего больше не желая. Но, избегая насмешек, не сказал о том Фома Симу.

С площади свернули на узкую улицу.

— А тут, — Сим осекся, — тут взять нечего. Под этой крышей старик со старухой живут, душа в душу. Смолоду обуздали они свои капризы и застыли в уважении друг к другу. — Здесь, — указал он на дом рядом, — тоже старик со старухой, но эти живут тихо, как мыши, не из-за большой любви и уважения, а оттого, что напуганы гневом Творца. Творец, как их научили в храме, за любые грехи посылает наказания, как будто этим некому заняться. Получается, что Творец выступает вместе с Хозяином. А будь я Творцом, то зачем мне посылать на свое создание огненный дождь, если через век те же грехи, в тех же краях будут цвести буйным цветом. Или кто-нибудь помнит такой случай, чтобы после огненного дождя кто-нибудь хотя бы на некоторое время присмирел?

— Но все-таки с этих испуганных старика и старухи прибыли вам нет никакой, — подавив зевок, указал Фома на домик, где в окошке мерцал тихий свет.

— Конечно, боязнью наказания Творца кармана не набьешь. — Сим постоял, глядя в окно, помолчал, пожаловался на то, что большой урон приносят в его деле храмы. — Но и на храмы есть управа, — приободрился он. — Помню, пришел я в одну долину, а в долине той два разных храма, и в каждом видят и славят Творца по-разному. Но все счастливы, и тем и другим прихожанам обещана жизнь вечная, и все довольные расходятся по домам. А мне хоть бы горсть эмоций собрать. Нет, думаю, так не годится. Посеял меж храмами спор, какой из них ближе к Творцу. С тех пор по два верблюда вражды и злобы ежегодно вывожу из той долины.

Сонливость Фомы улетучилась.

— Простите, — обратился он к Титу, — когда вы сказали, что жрецы обещают жизнь вечную, то значит ли это, что такими правами наделил их Творец?

— Вряд ли, — ответил Сим, — иначе я бы знал об этом. А вон в том доме, — указал он рукой на богатое строение, — живет генерал, не ведая нужды.

Солдатскими эмоциями откупился от Хозяина. Но изнеженные потомки его опять начнут платить и платить, часто вдвойне.

Теперь, когда сон больше не одолевал Фому, он старался запомнить все, что говорил Сим, чтобы потом, не пропуская ничего, записать.

— Тут молодые люди так влюблены, просто жить друг без друга не могут, — указал Сим на небольшой домик. — Как к ним подступишься? Но! Чтобы изводить себя, была им послана… что? — Сим хитро посмотрел на Фому.

Фома пожал плечами и в свою очередь вопросительно посмотрел на Сима.

— Ревность, — ответил тот.

Что такое ревность, Фома не знал, но уже по тому, кто на этом греет руки, понял, чувство это опасное.

— А кто здесь? — указал Фома на покосившееся строение с дымком, струящимся из трубы.

— Там живет гадалка-ворожея, — ответил Сим и, потянув носом воздух, добавил: — Варит зелье раздора из листьев трибабника. Насылает мнимую порчу по просьбе озлобившегося отчаяния. Полезный в нашем деле человек.

— Почему вы не наполняете свой мешок? — спросил Фома.

— Пусть пока повисит у тебя за плечами, — с добродушной улыбкой ответил Сим. — Это работа Хмурого Погонщика рыскать с мешком невидимой тенью по ночным городам. Ночью я сплю. Стар стал для таких занятий. Вот только для тебя нынче сделал исключение.

— А в том доме, — указал Сим на двухэтажное строение с двумя обшарпанными колоннами у дверей, — живет неудавшийся скульптор. Топит горе в вине и тиранит семью за то, что народ его не признал за гения. Скульптор, между нами говоря, он так себе, но хотелось ему славы. А славу, сам понимаешь, кто раздает. Я не говорю тут о славе небесной, об этом к Титу. Мирская же слава дается часто тому, кто авторитетом своим сможет украсть время у своих учеников-последователей, отпущенное им на поиск истины. А у скульптора этого даже если б и завелись последователи, то в поисках истины неопасные. Так что пусть лучше тиранит семью, мне хоть какая-то польза.

— Но почему неудачники должны вымещать свои проблемы на семье? — спросил Фома, вспомнив про своего деда, которого все считали неудачником, но был он абсолютно безвреден и мил.

— Это их уровень, — сказал Сим. — Конечно, достигни неудачники других высот, все было бы по-другому. Когда мы входили в город, я забыл показать тебе домик неудавшейся актрисы, которая скандалами доводит мужа до умопомрачения из-за того, что ее когда-то выгнали из королевской оперы. А не выгнали б, ее бы давно с ним рядом не было.

— Что еще собирает ночами в свои мешки Хмурый Погонщик?

— Уныние, например. Смотри, — указал Сим, — вон в том богатом доме женщина уже год не находит себе места после пропажи дорогого колье. А вон там, в бедной хижине, умер в эпидемию ребенок. Но горе в их доме не свило гнезда. И не потому, что бедняки жестокосердны, просто за каждодневной тяжелой работой они не могут позволить себе роскошь подолгу горевать.

— А бывает ли прибыль Хозяину с радости?

— Конечно, — ответил Сим, — но с радости особенной, такой, как радость жулика, совершившего удачную кражу, или радость блудодея в предвкушении блуда, я не говорю уже о злорадстве.

Бродя по городу, они вышли к городскому саду. По садовой дорожке шли он и она. Не шли, а, казалось, парили над землей.

— Влюбленные, — уныло сказал Сим.

— А с них что возьмете? — спросил Фома.

— Ничего, будь все как они, я бы никогда и кармана не наполнил. Но дадим им время, мой друг, — встрепенулся он, — поселим их, именем Творца, под одной крышей. А там, если ревность не приживется, то или научим ее безмерно тратить деньги, или его безмерно пить вино, и тогда … — Сим зажмурился от удовольствия.

— Может, людям лучше жить по одному? — после некоторого раздумья спросил Фома.

— О, это было бы здорово, — согласился Сим, — разжиться страхом миллиарда одиночеств.

Прошли несколько шагов, Сим оглянулся на влюбленных.

— Ах любовь, любовь, — вздохнул он и, наклонившись к Фоме, шепнул: — Убийственное для Хозяина чувство. Только об этом никому. Хозяин уже давно работает над тем, чтобы уничтожить само это слово, в людской речи смешать его со словом «похоть».

— А неразделенная любовь? — спросил Фома.

— Неразделенная любовь — это другое дело. Но тут, опять же, два пути: или она возвышает, или дает мне неплохой урожай горестных эмоций. Эмоции неразделенной любви преследуют людей годами, чего не встретишь у животных. Вот тебе еще один намек на то, для чего появился человек. Сколько песен и стихов сложено у людей о неразделенной любви. В природе птицы поют песни любви, но нет у них песен о несбывшейся любви. Ни одна птичка не поет: «Мы могли бы отложить яйца, но ты улетела с другим». А у людей такая песня порою длится всю жизнь. Вон под той крышей живет старик с молодой женой. Соседи считают это обменом молодой неустроенности на зрелую стабильность. Называют его старым волокитой. Кстати, великовозрастные детки его, боясь потерять наследство, злобой наполняют мой карман. А старик счастлив. Даже если и умрет, то не иначе как в любовном пылу. Что с него возьмешь? Бывает, молодая жена скрыто ненавидит такого супруга, тогда еще можно поживиться. А бывает, веришь-нет — искренне любит. Но в любом случае такие союзы прибыльны мне злословием родни и завистью соседей.

Некоторое время они молча шли по улицам города, но их спокойная прогулка перестала быть таковой, когда остановились они у одного богатого дома.

— Здесь живет пышная красавица со старым ревнивцем, — мечтательно произнес Сим. — Сколько мешков набил я ревностью ее мужа. Но! Сперва нужно ревность разжечь, как ты понимаешь.

Фома понимающе кивнул на всякий случай.

— А ну посмотрим. Давно я здесь не был, — сказал Сим, прочистил горло и громко запел серенаду собственного сочинения.

Может, кто-то поет серенады и знает при этом приличные слова для выражения своих чувств. Может, кто-то имеет голос и слух. Сим такими талантами не обладал. После первого же куплета Фоме стало стыдно находиться рядом. И будь он собакой, то, казалось, залез бы в ближайшую канаву и закрыл морду лапой. Но, к его удивлению, скрипнуло отворяемое на втором этаже окно и к ногам Сима была сброшена веревочная лестница. Нижняя ступенька громко ударилась о мостовую. Фома испугался, что их услышит весь город. Сим, послав красавице воздушный поцелуй, стал проворно, как кот, взбираться по лестнице. Вдруг рядом с первым окном отворилось второе, и в пятнах света

и тени в нем показались чьи-то усы. Сим сразу же сделался невидимым. «Ах ты, мерзавец!» — перекосились усы гневом. Тут же выскочил здоровенный кулак и погрозил Фоме. «Убью!» — встали дыбом усы и исчезли.

— Беги! — крикнул сверху невидимый Сим.

— А вы? — задрал голову Фома.

— А я в окно.

Тут дверь дома отворилась, и на улицу выскочил уже немолодой, но еще крепкий обладатель усов с дубинкой в руке.

Конечно, он не мог догнать Фому, но в ту ночь Фома долго бегал по извилистым улицам города и по окрестному лесу. Его заплечный мешок рос, наполняемый его же страхом, и ему казалось, будто кто-то дышит в затылок. И если в городе это были настигающие его огромные усы, то в лесу за ним явно гнался одноглазый барс. «Как мало я еще знаю Сима, и как много у меня уже врагов», — думал на бегу Фома. Лишь у пещеры с Беглым Мужем он остановился, чтобы перевести дыхание. Беглый Муж, увидев его, вышел из пещеры и затянул историю о том, как он написал стихи своей жене к серебряной свадьбе, а жена не стала их слушать. Фома пробыл у пещеры ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы поправить отяжелевший заплечный мешок. После чего быстрой походкой, не оглядываясь, пошел прочь.

— И ты меня не замечаешь, — раздалось сзади.

Когда Фома добрался до лагеря, погонщики уже тушили костры и собирали верблюдов в дорогу. Сим делал какие-то распоряжения, но заметив Фому, поприветствовал его возгласом: «Браво, Фома!» Подошел, снял с него заплечный мешок и приказал Хмурому Погонщику прибавить его к поклаже.

Всю дорогу Фома клевал носом, то засыпал под мерный шаг своего ослика, то вздрагивал чуть ли не с криком. По этой ли, или по какой иной причине к обеду решили сделать привал возле живописного озера. Там Фома смог, наконец, выспаться на зеленой травке. Проснувшись, он увидел, что в лагере нет Тита. «Тит пошел в соседний монастырь за горстью любви к ближнему», — сказал Сим. Чтобы скоротать время, он предложил Фоме посетить Город Мертвых, который, по его словам, находился за соседним холмом. Фоме показалась, что Сим пытается загладить свою вину за прошлую ночь, и чтобы не огорчать его отказом, согласился. Такой был характер у Фомы, он чувствовал себя неловко, если был причиной неловкости кого-либо.

Конечно же, Город Мертвых оказался не за соседним холмом, но разговаривая, они доехали до него довольно быстро. Город этот представлял собой полузасыпанные землей руины. Побродив немного среди них, Сим прилег в тени разбитой башни отдохнуть. Пока он лежал, пожевывая былинку, Фоме посчастливилось найти среди полуистлевшего хлама присыпанные песком свитки древней рукописи.

«И пришли беды… пришли изнутри… все переменилось…» — пытался разобрать надписи Фома. Одну строку прочел вслух: «И тот, кто не имел худой коровы, стал владеть тучными стадами».

Он оторвался от свитка и спросил:

— Нищие разве могут стать богатыми?

— Очень хороший вопрос, — сказал, жуя былинку, Сим. — Нищие как были, так и останутся нищими, ибо нищие рассчитаны на совсем иные эмоции, и эмоций богатых им не осилить. Написанное здесь следует читать как: «Мелкое ворье, стремившееся к богатству, разбогатело, а бывшие богачи лишились всего на потеху Хозяину».

— Какой Хозяину смысл обогащать мелкое, как вы изволили выразиться, ворье?

— Польза в сборе энергии зависти окружающих, — ответил Сим. — Ведь каждый думает: «Такое ничтожество, а, поди ж ты, разбогател».

Фому такой ответ не удовлетворил. Разложив свитки на камне, он продолжил чтение, но теперь уже не вслух, а лишь беззвучно шевеля губами.

Наконец Сим проявил ленивый интерес:

— Прочти-ка, что там в начале написано?

— В начале неразборчиво, но вроде сказано, что пал некий император...

— Что тут неразборчивого, — выплюнул былинку Сим, — император перестал выколачивать горе и негатив из своих подданных, и Хозяин заменил его на более жестокого императора, или лучше, на народного вождя. — При этом Сим пояснил, что народный вождь лучше тем, что выбирается из простых смертных, которых всегда в избытке. И единственное, что нужно, так это снабдить его энергией для пламенных речей.

Фоме такое объяснение было не совсем понятно, видимо сказалась вчерашняя бессонная ночь. Он встал с травы, намекая тем самым, что пора возвращаться.

— Я хочу кое-что тебе рассказать, — нехотя поднялся вслед за ним Сим. — Месяц назад проезжали мы через место, похожее на это, то были руины Города Разврата, что на том конце Великой Пустыни. Хозяин испепелил его.

— Но с разврата не ему ли прибыль? — удивился Фома.

— И с разврата, и особенно с его последствий, — ответил Сим. — Но у Хозяина есть одно незыблемое правило: «Чем больше ты приносишь ему пользы, тем тяжелее твоя участь». К тому же, кто может поручиться, что у жителей не наступит всеобщее прозрение и покаяние. Покаяние, надо сказать, для него вещь крайне неприятная. И потому разбудил он соседний вулкан. Вмиг набил я тогда свои тюки энергией ужаса. Хотя до сих пор все считают, что город тот за разврат засыпал пеплом Творец. А теперь посмотри на меня, — усмехнулся Сим. — Творец даже меня не наказал.

Из Города Мертвых ехали молча. Сим впереди, важно покачиваясь на верблюде, позади на ослике Фома. Ничего не замечая вокруг, он был увлечен чтением рукописи.

— Выброси этот хлам, — сказал Сим, — история никого ничему не учит, об этом уж тот, кому надо, позаботился. Передел власти и денег движется по спирали, при этом каждый рожденный позже мнит себя умнее рожденного ранее и не учится на его ошибках.

— Разве история состоит лишь в побуждаемом завистью переделе богатства и власти? — спросил Фома.

— Та, которая ничему не учит, именно в этом и состоит, — ответил Сим.

Фома промолчал и снова погрузился в изучение рукописи.

Сим повернулся к нему раз, повернулся другой, затем с хитрым видом, подражая голосу Тита, сказал:

— История, друг мой, это великий учитель.

Фома встрепенулся, глянул по сторонам, ища Тита. Это позабавило Сима, и он сквозь смех некоторое время не мог сказать ни слова. Затем снова заговорил, передразнивая Тита, постепенно повышая голос:

— История учит, если это история искусств, философии, но не история ВЛАСТИ и ДЕНЕГ! — рявкнул он.

Фома смутился. Это позабавило Сима еще больше. Всю обратную дорогу он находился в приподнятом настроении. Фома старался не обращать внимания на его шутки, а всецело сосредоточился на изучении рукописи.

— Я вижу, ты вынашиваешь грандиозные литературные планы, — наконец серьезным голосом обратился к нему Сим. — Если хочешь популярности среди большинства, напиши о том, что во имя справедливости не грех отнять чужое имущество. И на всех языках зазвучит твой труд.

— Ваш Хозяин поможет, — оторвался от рукописи Фома.

— Конечно, — кивнул Сим, — паразитирующие на поте и паразитирующие на крови, все наши люди! И когда будешь писать, не бойся витиеватых фраз, это создаст впечатление научного труда. Или вот еще, напиши изящно словесную и оттого как бы умную книженцию, из которой каждый должен усвоить, что он центр планеты и что жизнь — это миг, за которым нет ничего, и потому отказывать себе нельзя ни в чем. И по всей планете, на всех языках зазвучит труд твой. И станешь ты богат. В общем, не мне тебя учить, ты малый умный, опять же, времени у тебя уйма, амбиций только маловато.

— Я подумаю, — ответил Фома, чтобы отвязаться. К счастью, впереди показалось озеро, а возле него стоящий на отдыхе караван. Сим потерял желание давать наставления, с гиканьем и хохотом он погнал верблюда вперед и загнал его в озерную воду по брюхо.

Ночью, отойдя от лагеря, Фома уселся на берегу. Долго смотрел на звезды, вспомнил разговор с Симом. «Почему нужно оправдывать завистников, желающих отнять чужое? — думал он. — Ведь чужая собственность интересует не большинство, а лишь тех, кто сам ничего не может создать. Гораздо большее количество людей интересует: что же по ту сторону жизни?» Фома вспомнил, как когда-то спросил своего деда о том, что такое душа.

— О душе можно говорить бесконечно, — ответил дед.

Фома хотел запомнить все, что скажет дед, и слово «бесконечно» его расстроило.

— А можно это «бесконечно» выразить в трех фразах? — спросил он.

— Хорошо, — усмехнулся дед, — вот тебе три фразы: «Первая, душа — это энергия жизни. Вторая — после смерти душа, как и всякая энергия, не исчезает. И последняя — душа не имеет памяти прожитых лет, но имеет окраску от поступков и помыслов, которыми красит ее человек при жизни и которые после выхода души из тела дают ей покой или терзания».

— Тер-за-ни-я, — повторил Фома. Задумался ненадолго над непонятной ему «энергией жизни», затем сказал, улыбаясь: — Если выразить эти три фразы в трех словах, то получается: «Храните души чистыми». Дед благосклонно усмехнулся. Он выделял Фому среди других внуков, хоть относился ко всем с одинаковой любовью. «Душа при зачатии вдыхается Творцом, — сказал он незадолго до своей смерти. — Зло мира не должно запятнать твою душу». Фома многого тогда не понимал и многое отдал бы за возможность поговорить со своим дедом теперь.

«Нет такого человека, которого не интересовал бы круговорот жизни», — размышлял Фома. Он интуитивно понимал, что бояться этого круговорота не следует. «Но как, допустим, объяснить рождающемуся, что рождение есть благо для него? — думал он. — Как сказать рождающемуся, что это продолжение жизни. Он не знает человеческого языка и пребывает в страхе, когда его привычный мир рушится и пуповину, без которой его существование было немыслимо, отсекают за ненадобностью! Но ребенок делает первый вдох, проходит время, и он уже улыбается миру и маме. А со смертью снова ужас, и как ранее пуповина, теперь все тело отсекается за ненадобностью. И опять совершается переход в неизвестность. Как из этой неизвестности дать человеку утешение? О, если бы рождающийся мог понимать наш язык,

а умирающий — язык душ, все было бы не так страшно. А что значит страшно? Кто-нибудь помнит страх потери пуповины? Так же и душа вряд ли будет помнить страх потери телесной оболочки.

Записал все это Фома просто: «Не бойтесь». И означало это: «Не кормите Хозяина страхом». Он вспомнил вчерашнюю ночь, и ему стало стыдно за то, что наполнил своим страхом мешочек для Сима.

Треснула ветка.

Фома вздрогнул, обернулся. Позади стоял Сим.

— Чего боимся? — спросил он. — Бояться не надо, помоги мне лучше рыбки к ужину наловить.

Сеть забрасывали несколько раз, но неудачно.

— Рыбка в своей стихии, — кряхтел Сим, вытягивая сеть, набитую тиной, — попробуй ее поймай. Но как полагают ученые мужи, рыбка, следуя каким-то лишь ей ведомым законам, вышла на сушу и превратилась в кролика, которого может поймать даже самый ленивый хищник.

Бросив затею с рыбой, он без особого труда поймал пару диких кроликов.

Сим испек кроликов на костре и сам же съел их. Сидящие у костра Тит и Фома в трапезе не участвовали. На сытый желудок Симу захотелось поразглагольствовать.

— Я хочу выпить вина за кролика, который когда-то вышел из моря на сушу, чтоб я теперь мог его легко поймать, — сказал он. — Но самое интересное: почему, зародившись в океане, морские твари полезли на сушу? Допустим, морской зверушке захотелось поесть мха на кромке прилива, и это при том, что в ее родном океане полно водорослей. — Сим отхлебнул вина из бурдюка и продолжал: — Или, может, в воде морскую зверушку очень уж донимали хищники, и она решила спасаться на берегу. Да, но отращивая ноги вместо плавников, зверушка теряла проворность и становилась еще более легкой добычей. По большому счету, если отключить ученость и включить логику, то полуплавники-полуноги — это путь в никуда. — Сим остановился, давая сказанному осесть в головах слушателей. — Но ученые мужи считают, что суша, мол, наступала на океаны, и потому пришлось морским тварям выбираться на берег. Разумно. — Сим снова отхлебнул вина и добавил шепотом: — Это при том, что на планете воды всегда было больше, чем суши.

Тит и Фома молчали. Вдруг Сим встал на ноги, прочистил горло и громко крикнул, будто они что-то замышляли:

— Не троньте ученых мужей! Они кормят свои семьи! — Затем снова сел, подумал, подумал и изрек: — И опять же, отдыхают вдали от своих семей на понятных лишь им одним собраниях, где-нибудь в других городах. Хлеб их тяжел. Но, — пристально посмотрел он на Тита, — мы-то с тобой знаем, как все было. Творец, создав кролика, почему-то не обрастил его, как ежа, колючками, не дал ему ума, как крысе. Кролик всю жизни дрожит, теша Хозяина страхом. Защиты у него нет никакой. Ученые мужи считают, что его защита в быстром размножении. Да, но размножаясь, он лишь множит страх.

Стало тихо. Костер потрескивал, легкий ветерок уносил искры в небо, где они смешивались со звездами.

— Друзья, — сказал после паузы Сим, — снимите перед кроликом шляпы.

Он с минуту пил из бурдюка, запрокинув голову, затем завалился навзничь, затянул было пьяным голосом песню про обиженного дочками короля, но после первого же куплета стал путаться в словах, пробормотал что-то о своей тяжкой доле и заснул.

— В природе кролик не противоречит круговороту жизни, — глядя в костер, заговорил Тит. — Он подобен траве, которую косят, выжигают пожары, но она все равно восстает из пепла. Страха в этом милом существе не больше, чем в других. У него дрожит нос, это верно, но гораздо хуже, когда дрожит и поджат хвост.

Сим вдруг сел, будто и не спал вовсе. Широко раскрытыми глазами уставился на Фому.

— Ты понял, что сказал Тит? — спросил он. — А я не понял ни-че-го. — Он завалился на бок и снова заснул.

Караван мерно двигался вперед, Сим дремал, покачиваясь в такт шагам своего верблюда, Тит вел разговор с Фомой о богачах и богатстве. Фома, развернув перед собой свиток бумаги, записывал все, что ему казалось важным. И хоть писать было трудно, и буквы ложились неровно из-за движения ослика, Фома утешал себя тем, что все подправит на ближайшем привале. Сим на секунду раскрыл глаза и тоже вставил реплику, касающуюся богатства. Фома тут же ее записал. Еще Сим сказал: «Если ты в деньгах видишь смысл жизни, то можно смело их тебе доверить, ни на что хорошее их не потратишь». Фома сунул руку в карман, нащупал тощий мешочек с одной монеткой, чудом завалявшейся там после покупки кувшина, и задумался.

— Фома, — понял его смятение Тит. — Насчет своей монетки не волнуйся. Волнуйся, когда вдруг попрет к тебе золото со всех сторон.

— Волнуйся, друг мой, в любом случае, — окончательно проснувшись, сказал Сим. — Праведнику, если хочешь им стать, иметь деньги не пристало. Ты же метишь в праведники, так знай: чем больше капитуляций перед материальным, тем скуднее душа. В общем, готовься ходить ободранным и гонимым. Да и без материального все равно не обойдешься. Крысе, чтоб согреться, не нужно разводить костер, а самому большому праведнику приходится для этого загубить дерево.

— Но можно насобирать сучьев, — вмешался Тит.

— Ой, с кем я разговариваю, — махнул рукой Сим.

— Ни от жизни, ни от смерти праведника твоему хозяину никакой прибыли, и потому это тебя раздражает, — заметил Тит.

— Ну и каков урожай с праведников? — указал на его котомку Сим. — Если занимает много места, могу предоставить верблюда.

— Верблюд мне ни к чему, ибо качество нашего товара разнится. Уж ты-то знаешь, что капля добродетели нейтрализует тюк злобы.

Сим повернулся к караванщикам и в шутку закричал, указывая на Тита:

— Держитесь от него подальше!

Проезжая мимо пшеничного поля, Сим похвалил урожай. Работавший на поле крестьянин выпрямил спину и, приставив ладонь козырьком к глазам, посмотрел на проходящий караван.

— Хороший урожай, говорю, — повторил Сим.

— Да ничего особенного, — пожал тот плечами.

— Ладно-ладно, не волнуйся, работай дальше, — махнул Сим рукой и обратился к едущему рядом Фоме: — Вот тебе пример того, что люди называют «не говори о своем счастье вслух». Кто их этому научил, не знаю. Но предрассудок этот распространен по всей планете. Иной раз пытаешься вызвать такого вот «жучка» на откровенность, чтоб знать, что для него дорого, на что порчу наслать. А он упрется, как скарабей в шар с дерьмом, жизнь,

мол, как у всех, ничего особенного. «Да у тебя ж овечки плодятся, как кролики». — «Ничего, — говорит, — не плодятся, к тому ж худые все и в парше». А ты ему: «Да у тебя же дочь красавица». — «Обыкновенная дочь, не лучше других, далеко не красавица, конопата и глупа», — стоит он на своем. Вот и попробуй к нему подступиться.

— Хозяин слышит слова, Творец — мысли, — пояснил Фоме Тит.

— И кто их этому научил? — покосился на него Сим. — Невозможно стало работать

В это время на дороге повстречался им сборщик податей.

— Вот так же, как этот сборщик собирает подати с каждого человека, Хозяин собирает подати с целых народов, — сказал Фоме Сим. — На тех, кто веселится сегодня, не страшась завтра, насылает чуму сегодня. На тех, кто боится завтра и копит сегодня, насылает страх потери накоплений. А в стране, что страдает от сумасбродного короля, посылает королю отменное здоровье. Свою долю энергии Хозяин не упустит взять с любого народа. Кстати, о сумасбродных правителях…

— Тут Сим вспомнил об одном бывшем первом королевском министре, который сверг своего короля и теперь сам сумасбродствовал на престоле. Королевство это находилось неподалеку, и он решил туда заглянуть. Тем более что нужно было передать бывшему министру требования Хозяина, который дал ему трон не для того, чтобы тот обрастал наложницами и крал золото в собственной казне.

— Последний срок дает ему Хозяин на разжигание вражды меж его подданными, с хорошей резней под занавес. Повод пусть придумает сам. Не то его же соратники, его же подушкой, его и задушат. Преемник уже имеется, — сказал Сим и исчез, сделавшись невидимым.

Караван остановился, спешился. Тит и Фома сели у дороги в ожидании Сима. Раз уж разговор зашел о сумасбродных правителях, Тит рассказал Фоме историю о тиране, в стране которого вдруг завелась смешинка, сперва робкая, но набиравшая силу день ото дня, и когда все от стражников до министров рассмеялись над тираном, его не стало. Конечно, история Фоме понравилась, но как практически такое могло произойти, он представить себе не мог.

— Смех — это эмоция, а страх — нечто врожденное, природное, — рассудил он вслух. — А данное природой не сильнее ли эмоции?

— Твой вопрос показывает, что ты многому научился, — похвалил его Тит. — Я думаю, ты сам можешь связать одним предложением тирана, эмоцию и природный страх, который ученые мужи зовут «инстинктом».

— Тиран приходит к власти на эмоциях, а правит на инстинктах, — выпалил Фома.

— Поздравляю, — хлопнул в ладоши Тит, — я думаю, тебе в Городе Академиков нечему будет учиться.

В ожидании Сима разговор их продолжался о королях и подданных, о тех, кто получает дань и кто ее платит, иными словами, об «обладающих и обладаемых».

— Люди не поумнели, уже судя по тем, кто ими правит, — размышлял Тит, — самое интересное, что большинство понимает, что их обманывают, но при этом верит, что обманывают для их же блага. А я тебе, Фома, так скажу: каждый в ответе за ложь, которой опутал разум свой. Ложь наказуема. Человеку дана голова для мысли, а не для принятия удобных кому-то догм.

Тут разговор у них зашел о жадных до полководческой славы самодурствующих монархах, и Фома вдруг задал неожиданный вопрос:

— Что, если власть в стране возьмет пират, уставший от вечной резни и бессонных ночей. Кто, как не он, будет гарантом спокойствия в стране?

— Когда бывший пират становится плантатором, — ответил Тит, — плантация процветает, и дюжие работники выпалывают сорняки, приумножая богатства хозяина. Когда бывший пират становится властелином, страна чахнет, ибо «дюжие работники» «выпалывают» всех, кто составляет конкуренцию его власти.

Фома понял, что спокойной жизни ждать не приходится ни от королей, ни от пиратов.

— Так устроена эта планета, — развел руками Тит, — или ты из кого-то давишь энергию, или ее давят из тебя. На других планетах все, конечно же, иначе.

«Если уж все так устроено, — подумал Фома, — то лучше самому быть обманутым, чем обманывать кого-то, лучше самому страдать, чем быть причиной чьих-то страданий».

— Ты прав, — прочел его мысли Тит. — Как бы тяжело тебе ни было, всегда оставайся Человеком, чтобы не превратиться, не ведая того, в рекрута антимира.

Сим вернулся довольный собой.

— Явился ему в полуденном сне и нагнал в душу холода, — гордо сказал он. — Слуги теперь его перину сушат, а по государству пополз слух, что его хотели отравить. В общем, дело принимает неплохой оборот. На обратном пути нужно будет сюда заглянуть, — кивнул он Хмурому Погонщику.

— Нет, что ни говори, — не мог унять возбуждения Сим, — а хорошая тирания — лучший вид правления. Каждый знает свое место. Это как в муравейнике или в пчелином улье. И вот к какому выводу я пришел: если бы у пчел были защитники справедливости, то пчелы бы уже давно вымерли. А за ними и муравьи, будь у них чувство юмора.

— Да, но в улье или муравейнике ты не сможешь подкупить верхушку, чтобы она действовала во вред колонии, — перебил его Тит.

— Верно, — согласился Сим. — У них такое не пройдет, но их модель в человеческом обществе дает мне отменную жатву.

Караван двигался дальше без остановки. Лишь после того как дошли до большой реки, от которой было уже рукой подать до Города Академиков, сделали привал. На поляне у воды развели костры. Стемнело.

Теплая ночь разостлала свое сверкающее звездами до горизонта покрывало. Хмурый Погонщик, стоя у огня, читал сказки, вынимая их наугад из сундука. Сим, Тит и Фома слушали, иногда пропуская сказку без внимания, иногда спорили или объясняли Фоме то, что для него требовало объяснения.

Первая сказка была краткой. Хмурый Погонщик прочел ее на одном дыхании: «Сказка про человека, который регулярно посещал храм и очень тем гордился, радуя Хозяина чувством скрытого превосходства над окружающими».

— Это сказка из тех, что вроде и раскрывают на что-то глаза, но никогда никого ничему не учат, — тут же поделился со всеми своими мыслями Сим.

Следующей была «Сказка про четырех скрипачей». Рассказывалось в ней о том, как молодые скрипачи собрались в квартет и стали вместе играть и петь, да так здорово, что все девушки, когда-либо их слышавшие, теряли голову от любви к ним. Обычные парни, дабы походить на них, тоже стали собираться по четыре и брать в руки скрипки. Кое-кто добился успеха, но в основном это было потерянное время. Многие из них отбились на всю жизнь от своих ремесел и так ни к чему путному впоследствии не прибились. Они

остались навсегда полу-музыкантами, полу-неизвестно кем, согреваемые, однако, воспоминаниями о весело проведенной молодости.

— Ну, хоть воспоминания о веселом прошлом у людей остались, — прокомментировал сказку Сим.

— Если у них нет при этом претензий к настоящему, опять же, тебе на пользу, — добавил Тит.

А Фома подумал: «Зачем брать скрипку с целью покорения всех девушек, когда нужна любовь всего одной».

Хмурый Погонщик тем временем достал из сундука свиток, развернул его и прочел: «Сказка про царство, в котором били своих, чтоб чужие боялись, но чужие не очень-то боялись, что настораживало своих, и они теснее сплачивались вокруг тех, кто их бил».

— И без всякой войны собирал с того царства Хозяин постоянную жатву страха, — закончил за него Тит.

Затем прозвучала сказка про планету, на которой разрешено было возводить тысячи храмов в честь разных богов, но нельзя было проповедовать общность учений всех пророков. Сказка интереса ни у кого не вызвала. Даже Фоме было ясно, что речь шла о планете, где он сейчас лежит у потрескивающего костра. На других же планетах, вращающихся вокруг других светил, все, конечно же, было иначе.

Сказка, про человека, который постоянно что-то подозревал, но догадываться себе не позволял, вызвала положительные эмоции Сима.

— Молодец! — отметил он. — Есть вещи, о которых догадываться можно, а есть о которых нельзя. Себе дороже.

Следом шла сказка про человека, который пил годами, валялся на улицах, и никто его не замечал. Но лишь только он решил начать трезвую жизнь и ходить в храм, то всякий встречный стал предлагать ему выпить.

— Почему раньше, когда он пил, ему не предлагали? — спросил Фома.

— Видимо, раньше он Хозяину был неинтересен, — ответил Тит. — Зачем совращенного совращать? Начинающий же новую жизнь является мишенью особенной.

— И чем закончилась сказка? — спросил Фома.

— Тут что-то неразборчиво, — ответил Хмурый Погонщик, пытаясь при свете костра разобрать написанное.

— А я тебе скажу, чем закончилось, — сказал Сим. — Он запил снова и, выражаясь сказочной терминологией, «запил пуще прежнего».

— Не обязательно, — возразил Тит.

— Обязательно, — махнул рукой Сим, давая понять, что даже и спорить тут не о чем.

Хмурый Погонщик начал следующую сказку: «Сказка про человека, который к концу своей жизни с ужасом обнаружил, что Творец не наделяет его богатством и не разит его врагов».

— А разве Творец распределяет богатства и наказывает одних в угоду другим? — спросил Фома.

— Этого никто не знает, — ответил Тит. — Заметь, ни я, ни Сим никогда не говорим, да и не можем сказать, как поступит Творец в той или иной ситуации. Хотя, логически разбирая только что услышанную сказку, можно предположить, что Творец здесь изначально ни при чем. И претензии данного сказочного персонажа к Творцу, скорее всего, несправедливы. Вот если бы он проснулся поутру, а на планете не наступил рассвет, вот тогда можно было бы предъявлять претензии.

— Скажи тщеславному, что творец внутри него, и он тут же в морду даст за непочтение к своей особе, — вступил в разговор Сим.

— Сим, мы сейчас не об этом, — оборвал его Тит.

Но шутовское настроение уже овладело Симом, и он, вмиг изобразив испуг, озираясь, сказал Фоме:

— Друг мой, какие у людей могут быть претензии к Творцу, когда Он дал им небо, землю, воду, а они поделились на ватаги, посадили себе на шею вождей и стонут под их гнетом. Даже в волчьей стае вожак думает о том, что лучше для стаи, а вожаки людей часто заняты лишь сами собой.

— Король шутов! — крикнул ему со смехом Тит.

Хмурый Погонщик хотел было спросить, читать ли дальше, но Тит и Сим схватились уже в потешной борьбе, катаясь по траве, как два медвежонка. И хоть была им не одна тысяча лет, Фома почувствовал себя старшим среди всех, кто был на поляне. Дождавшись момента, когда они успокоились, Фома задал им неожиданный вопрос, надеясь, что хорошее настроение обоих принесет ему откровенный ответ:

— Может ли истина быть кому-то выгодна?

— Вот хитрюга, — указал Сим на Фому. — Пока мы тут забавляемся, он думает, как застать нас врасплох.

Фома смутился. Тит пришел ему на помощь.

— Можно поднять эту тему в толстых книгах, чтение которых, как правило, дорого обходится вдумчивому читателю, — начал он. — При этом каждый интуитивно будет выделять для себя те книги, которые, как ему кажется, ведут к истине.

— Значит, истин много? — спросил Фома.

— Заблуждений много. Истина одна, — ответил Тит.

— Лучше ты, Фома, послушай сказку, — вмешался Сим. — Жил-был один жрец, который говорил всем, что только его храм истинный и что только на алтарь его храма нужно нести дары. А если кто-либо несет деньги в иной храм, то это грех. Даже подавать нищим есть «грех сребролюбия», говорил жрец, потому что подающий думает, что уже совершил доброе дело, в грехе успокаивается и денег на алтарь жреца не несет. Когда его государство захватил воитель из страны степей, то жрец предложил ему принять его веру. «В чем же выгода твоей веры?» — спросил воитель. «В том, что я буду делить храмовые прибыли с тобой, мудрый воитель, и тебе не нужно будет больше воевать», — ответил жрец.

— Ну и как ты думаешь, что ответил воитель жрецу? — посмотрел Сим на Фому.

— А справедливо ли за поклонение Творцу брать плату? — ответил вопросом на вопрос Фома. — И справедливо ли, используя человеческий страх смерти, заманивать человека в тот или иной храм, гарантируя ему бессмертие в обмен на платное участие в обрядах?

— Но без денег ты не построишь храма на площади. Как без храма обратишься ты к Творцу? Разве сможет Он тебя услышать средь шума уличной толпы? — спросил Сим.

Растерянный Фома не знал, что ответить. Тит, глядя на него, понимал, что в его обучении он все больше и больше проигрывает Симу. Сим за тысячелетия общения с людьми научился разговаривать с ними в тон их логике, в лад с законами окружающего их мира.

— И что же ответил жрецу воитель? — наконец спросил Фома.

— Воитель забрал деньги и ничего не ответил. Кому нужна религия побежденных, — рассмеялся Сим, да так громко, что эхом отозвался смех

его в дальних скалах за рекой. Даже вечно Хмурый Погонщик и тот не смог сдержать улыбки. Фома тоже заулыбался. «Они самые сильные существа на планете, — думал он, — но совсем не заботятся о поддержании своего статуса. Им не надо постоянно пребывать в мрачной торжественности, дабы не уронить его. Они могут дурачиться, как дети, и при этом шутя превзойти в силе самого могущественного короля и без труда поставить в тупик самого искушенного мудреца. Да и Хмурый Погонщик, похоже, милое существо», — пришел к выводу Фома.

Ночью, при свете костра, Фома стал приводить в порядок свои записи. То, что говорил Тит прошедшим днем о богатстве, заняло целую страницу. Фома переписал все набело, и получился аккуратный список наставлений. Начинался он понятным Фоме примером, в котором Тит говорил о Симе:

— Когда копишь, то набиваешь тюки Сима жадностью. Когда боишься потерять накопленное, то набиваешь тюки Сима страхом. Когда при смерти все теряешь, то набиваешь тюки Сима горем расставания с накопленным.

Далее шли мудрости общего порядка:

— Стремление к богатству от неуверенности; имея в собственности всю планету, человек кует себе золотую клетку.

— Человек обкрадывает себя духовно, когда добивается богатства.

— Идти в богатый дом делить богатство — все равно что идти в чумной дом делить болезнь.

— Богатство дается лишь на время и странам, и людям.

— Людское богатство планете ничего не дает.

— Богатство бессонницы не лечит.

— Давая деньги богатому, Хозяин дает зависть бедному.

— Богатство отвлекает от главного, ибо требует много времени на охрану и преумножение.

А вот что ответил на все это Сим:

— Если человека не связать имуществом, он дичает.

Фома перечитал несколько раз весь лист, подумал, почесал в затылке и написал: «Тит беден, а Сим богат, и этим все сказано». Затем спрятал рукопись в кувшин и лег спать. Некоторое время спустя, осаждаемый мыслями, он встал, достал рукопись из кувшина и дописал: «А тех, кто сразу все деньги раздаст бедным, Творец почему-то богатством не испытывает». После этого лег спать, вполне удовлетворенный собой, гоня, однако, это удовлетворение прочь, дабы гордыня не обуяла.

— Впереди Город Академиков, столица тех, кто образован сверх ума, — указал Сим на городские ворота, видневшиеся вдали. Там все такие умные, такие умные, разве что по небу не летают.

Караван, отправился в путь рано утром и к обеду подошел уже к конечной цели путешествия Фомы. Тит и Сим решили задержаться в городе на пару дней, чтобы убедиться, что с Фомой будет все в порядке, он поступит в университет, найдет пищу и кров. После этого караван должен был отправиться в дальнюю страну, лежащую за великим морем.

— Да, Город Академиков место необычное, — сказал Тит, — там на вопрос, как найти какую-либо улицу, первый же встречный награждает тебя пустой лекцией на непонятную ему же самому тему. Каждый мнит себя академиком.

— Все вокруг академики, — согласился с ним Сим, — кроме нас с тобой. Хмурый Погонщик академик: сказки читает. И Фома в академики лезет. А мы

с тобой, Тит, так и помрем не академиками. Хотя нет, в отличие от академиков, в этом мире мы бессмертны, — он громко рассмеялся. И вновь отозвался эхом его смех, но уже от возвышавшихся на горизонте зданий города.

В город вошли, спешившись, вчетвером: Сим, за ним Тит с котомкой через плечо, Хмурый Погонщик с пустым мешком и Фома с кувшином.

На Набережной Правосудия Бродячий Шут, окруженный кольцом зевак, отвечал на любые вопросы. Бросивший монетку спрашивал о чем угодно, и в миг, когда монетка касалась мостовой, у Бродячего Шута уже был готов ответ. Ответ краткий, длящийся ровно столько, сколько звенела упавшая монетка. При этом, если вопрос был в рифму, в рифму был ответ.

— Приветствую тебя, Уличный Оракул, — поздоровался с ним Тит.

Бродячий Шут улыбнулся, кивнул в ответ, не пропуская летевшего к нему с монеткой вопроса. Кто-то, явно обеспокоенный своим здоровьем, интересовался:

— Кому молиться за больную печень?

— Творец за печень не в ответе, — сказал Шут.

— Согласен, — тихо произнес Тит, — болезни часто посещают прозревших.

— Нашедших истину в вине, — тихо пояснил Фоме Сим.

— А чем лечить израненную душу? — интересовало какую-то даму.

— Доктором Природой, — был ответ.

Затем кто-то задал вопрос:

— Что есть душа?
И что есть в ней?
Разнятся ль души у людей?

— Здесь даже среди зевак философы-поэты, — прокомментировал вопрос Сим.

Ответ Бродячего Шута не заставил себя ждать:

— Имеется у каждого душа,
В душе одних живет Творец,
В других — лишь тень Творца.

— В чем различие людей? — зазвенела вопросом следующая монетка.

— Одни могут просто любоваться речкой, другие должны в ней что-то поймать, — улыбнулся Шут.

Человек, скрывавший под капюшоном свое лицо, бросил целую горсть монет.

— Как нейтрализовать пророка? — спросил он.

— Дополнить его учение, — сорвался ответ у Сима.

Можете собрать монетки, — обратился Бродячий Шут к Симу. Но тот жестом дал понять, что в награде не нуждается.

Следующим к Шуту прилетел с монеткой вопрос:

— Отчего так бедны ученые мужи?

— Те, чьи идеи губят планету, бедными не умрут, — снова ответил за него Сим.

Бродячий Шут, с улыбкой указав на Сима, представил его толпе:

— Мой ассистент.

Сим демонстративно повернулся к Шуту спиной, давая понять, что не станет ронять себя разговором со всякой мелочью. Важно, как королевская галера, двинулся он вдоль набережной. За ним последовали Тит, Хмурый

Погонщик и Фома, который, если бы это зависело от него, простоял бы здесь весь день. Пройдя несколько улиц, вышли они на Площадь Бытия. Посреди площади шел спор на тему: кто создал мир, разум или хаос? Пока один из спорящих пытался вставить хоть слово, другой, не слушая его, громко доказывал стоящим вокруг и жаждущим знаний, что хаос случайно собрал из неживой природы первую частичку жизни, от которой впоследствии произошло все, что ползает, ходит, летает и плавает.

— А откуда эта первая частичка жизни, вышедшая из неживой природы, знала, как нужно размножаться? — задал вопрос Тит.

Ответа не последовало. Но все жаждущие знаний обернулись к нему.

— Не надо спорить, — сказал Тит. И хоть говорил он спокойно, но голос его был хорошо слышен в воцарившейся на площади тишине. — Даже если не разум, а хаос создал мир, то уже ввиду совершенства созданного нельзя отрицать, что такой хаос разумен.

— А где энергия, необходимая для созидания? — крикнул кто-то из толпы.

— В тебе, во мне, в спутниках твоих и моих, — ответил Тит.

— Мы так никогда никуда не доберемся, — дернул его за рукав Сим. Затем, обратившись к толпе, крикнул:

— Продолжайте спорить, добрые люди! — Кивнув Хмурому Погонщику, чтобы тот остался, шепнул: — Как дойдет до драки, собирай урожай.

От Площади Бытия по Улице Аргументов Сим, Тит и Фома вышли на Площадь Всех Конфессий, от которой в разные стороны расходилось несколько улиц с философскими названиями, среди них Улица Благоразумия и отходящий от нее Тупик Греха. Именно в этом тупике находился трактир с гостиницей, куда направлялись наши путники. Но из-за скопления народа на площади добраться туда было непросто. Толпа вокруг гудела, бурные споры вот-вот грозили перейти в потасовку.

— Жаль, что оставил Хмурого Погонщика на Площади Бытия, — сказал вслух Сим.

От этих слов грусть охватила Фому, ибо, по его разумению, противоборство духовного не должно питать Хозяина. А тем временем на площади выяснение, чье видение Творца истиннее и древнее, все накалялось.

— Допустим, если народ не пьет и бережлив, — кричал бедно одетый человек, — то предания у него сохраняются тысячелетиями. Но те, кто пьют и не бережливы, как раз бессребренностью своей не ближе ли к Творцу?!

От рева толпы у Фомы чуть не заложило уши. «Люди, верящие в разум, лежащий в основе мира, не должны воевать из-за храмовых ритуалов», — печально вздыхая, думал Фома. При этом он крепко держал кувшин над головой, боясь, что его раздавят. На возвышении посреди площади богато одетый господин сменил бедняка. Заговорил о том, что у бедных одна цель — добраться до жертвенных сундуков в его храме и что Творец для них это лишь отговорка. Бедняк тут же крикнул в ответ, что если в храме верят, что деньги распределяет Творец, значит, там верят не в Творца…«Уймись, голодранец! Творец может все!» — «Да! И потому Он созданного людьми не делит!» — «Делит!» — ревел сытый бас. «Не делит!» — визжал голодный фальцет.

Сим, Тит и Фома выбрались, наконец, из людского водоворота.

На Улице Благоразумия народа не было.

— У всех своя истина, свои старейшины, свои уставы, — сказал явно раздосадованный Тит, — но придет Пророк, который поймет, что над душами людей всегда найдутся самозваные поводыри, а над каждым отдельным

сердцем — нет. И скажет тот Пророк каждому обратиться к сердцу своему и наполнить его любовью.

— Я не сомневаюсь, что такой Пророк придет, — ответил на это Сим. — Даже не сомневаюсь, что он оставит после себя учение и учеников. Но я глубоко сомневаюсь, что если через тысячу лет он захочет вернуться, то сможет это сделать.

По взгляду Фомы Сим понял, что требуется пояснение, и рассказал ему нехитрую притчу про некого Пророка, который, уйдя в мир иной, оставил после себя множество храмов во славу имени своего. Но чем больше проходило времени после его ухода, тем более и более враждовали меж собой храмы. И когда Пророк решил, что пришло время вернуться, то не знал, в каком храме явиться своим последователям, дабы никого не обидеть. Он хотел уже было собрать всех в чистом поле, но передумал, ибо «более достойные» могли перекалечить «менее достойных» за место рядом с ним. И выходило из этой притчи, что пророкам некуда возвращаться. Оставалась, однако, надежда, что на других планетах все иначе. Тит даже раскрыл рот, чтобы это сказать, но передумал, видимо, встав на место Пророка.

В думах о несовершенстве мира проделал Фома остаток пути до трактира, где думы эти вытеснили житейские хлопоты. Лучшие комнаты были заняты проезжими купцами, и потому всех троих разместили в каморке над обеденным залом. Но никто из троицы не протестовал. Титу было все равно где спать. Сим сомневался, что вообще будет тратить время на сон. Фома же был рад, что есть место, где можно поставить кувшин, к тому же, устав спать на голой земле, он обрадовался хоть какой, но кровати.

Время перевалило за полдень. Выйдя из трактира, каждый занялся своим делом. Фома пошел в университет, благо тот находился неподалеку. Войдя в университетские ворота, он спросил, где записываются на экзамен. Получив объяснение, что это нужно делать у секретаря в левом крыле главного корпуса, Фома нырнул под своды указанного корпуса, прошел удивительно прекрасным внутренним садом, вошел в левое крыло и… спустя минуту, вышел обратно. Как ему сказал секретарь, на экзамен записываться он опоздал. Конечно, всему виной были остановки каравана в пути, но он не винил себя, что пристал к каравану, более того, был счастлив, как бывает счастлив писатель, который во время работы над книгой познал нечто ранее ему недоступное. И не беда, что редактор отклонил его труд, он благодарен уже самому процессу работы за возможность хоть на шаг приблизиться к истине.

Во внутреннем саду Фома сразу же почувствовал, что что-то нарушает общую гармонию. Оглянулся. На скамейке медведем в цветнике сидел Сим.

— Ну, сын садовника? Приняли тебя в университет?

— Я не переживаю, — ответил, запинаясь, Фома, — что до меня, то я хотел бы остаться с караваном.

— Понимаешь, дружок, мы должны идти в заморские страны, это значит пересекать водную гладь, невидимо скользя над волнами. Ты так не сможешь.

Сказав так, Сим, сделал знак Фоме никуда не уходить, сам же пошел по дорожке меж цветов в левое крыло здания. Что он задумал, Фоме было неизвестно, но походка у него была недружелюбная. Сим, обычно принимавший вид этакого доброго малого, теперь был натуральным медведем, причем медведем раздраженным.

Вначале секретарь взглянул на грозди перстней на пальцах Сима и подумал: «Толстосум хочет пристроить сынка в университет». Затем секретарь под-

нял лицо и посмотрел Симу в глаза, вернее, в один глаз, другой у него был прищурен. Первобытный холод пробежал по спине секретаря. То, что перед ним не человек, он понял сразу. «Вы опоздали, экзамен уже завтра», — едва пискнул секретарь, но осекся. Это как если бы вы шли по тропинке через свой собственный садик и вдруг столкнулись с огромным медведем, да еще смотрящим на вас, прищурив один глаз. Вы вряд ли стали бы настаивать, чтобы он уступил вам дорогу, а рады были бы пуститься наутек хоть по верхушкам деревьев.

Сим секретаря видел насквозь.

— Если экзамен завтра, а я пришел сегодня, то это не опоздание, — начал он.

Секретарь трусливо кивнул.

— Как недавно выяснилось в вашем уважаемом университете, не Вселенная вращается вокруг нашей планеты, а наоборот.

Секретарь на всякий случай снова кивнул.

— И, естественно, ваш уважаемый университет не является точкой отсчета времени на планете и тем более во Вселенной.

— Нет-нет, что вы, — поддержал разговор секретарь.

— Значит, ваше «сегодня» для одних жителей планеты — это уже «завтра», а для других — пока еще «вчера». Принимая во внимание расстояние, которое я проделал до университета, я пришел из «вчера», и потому у меня два дня в запасе.

Сбитый с толку секретарь кивнул особенно подобострастно.

— Вопрос относительности времени, — сказал Сим, — требует изучения. Вот вам средства, — и он высыпал на стол из кожаного мешка с полсотни золотых монет. — Уверен, — добавил он, глядя на груду лежащего золота, — со временем здесь будет точка отсчета времени. А пока, — поднял он уже оба глаза на секретаря, — допустите одного молодого человека к завтрашнему экзамену.

Ошарашенный секретарь, который ожидал худшего, теперь, когда все обошлось, да еще с неожиданной прибылью, немедленно добавил в список экзаменуемых имя этого молодого человека.

Когда Сим снова появился в садике, где его ждал Фома, то уже не был похож на грозного медведя. Фома был рад этой перемене даже больше, чем тому, что его допустили к экзамену.

Возле университетских ворот находилась небольшая лавка, где продавали воду и сладости. Фома остановился там утолить жажду, но задержался, чтобы послушать стоявшего рядом человека, судя по одежде, университетского профессора. Профессор, держа в одной руке бокал из тонкого стекла, наполненный водой, читал нечто вроде лекции. Ни к кому конкретно не обращаясь, он говорил хорошо поставленным голосом: «Нельзя в отрыве от той или иной ситуации сказать, что тот, кто считает бокал наполовину полным, лучше того, кто считает тот же бокал наполовину пустым. Нельзя также сказать, что в первом случае оценку наполнения бокала дает оптимист, а во втором — пессимист. Как и нельзя судить, что наполовину полный бокал — это как бы хорошо, то есть много, а наполовину пустой — плохо, то есть мало. Все зависит от того, что в бокале, ибо даже для оптимиста наполовину наполненный водой бокал в жару — это мало, а наполовину пустой, с горьким лекарством — это много…»

Все это время Сим терпеливо стоял в стороне, ожидая, пока Фома утолит жажду, но не жажду знаний, и когда Фома раскрыл было рот, внимая профессору, Сим оборвал лекцию словами:

— Важен не абстрактный бокал, а конкретный объем. Пойдем отсюда, — сказал он Фоме, — я тебе таких лекций тысячу прочту.

Когда проходили мимо университетской библиотеки, Фома умоляюще посмотрел на Сима.

— Хорошо, — согласился Сим, — можешь зайти, только не думай, что в этом городе есть место, где тебе дадут умную книгу, скорее всего, тебя наградят очередной глупой лекцией. К тому же, Фома, если ты учишься, учишься, учишься, пора бы тебе что-то уже и знать, — с раздражением заметил он. — Надеюсь, обратный путь найдешь.

Довольный Фома, перепрыгивая через три ступеньки, поднялся по широкой мраморной лестнице в библиотеку.

Сим был прав, на просьбу Фомы дать ему самую умную книгу горбун-хранитель книг, сидящий за стойкой, узнав о том, что он занимается поиском истины, тут же прочел Фоме краткую лекцию. Была она о человеке, на которого вдруг снизошло озарение. Человек озарение то записал и, придя к выводу, что оно гениально, решил поведать о нем людям. Но ему тут же явилось новое озарение, которое также могло быть полезно людям. И тогда человеку захотелось дойти до истины и положить ее затем в законченном виде к ногам человечества. Он так и не поведал никому ни о чем. Он сошел с ума.

— Молодой человек, — многозначительно посмотрел горбун на Фому, — будьте осторожны в поисках истины, особенно если на вас начнут сыпаться озарения. Их, дабы посеять в вашем пытливом уме хаос, может послать Враг Света.

— О, как хорошо я вас понимаю, — услышал Фома голос позади себя. Обернулся и увидел, что кроме него горбуна слушает еще один посетитель библиотеки. Посетитель начал свой рассказ, из которого Фома узнал, что человек этот давно и осторожно, «без всяких озарений», занимается поиском истины. Но всякий раз, как он делает в своем поиске хоть малый шажок вперед, на него тут же начинают сыпаться житейские неурядицы. А если продвижения нет, то жизнь течет обычным порядком.

«Кого-то он мне напоминает, — подумал Фома. И вспомнил: — Беглого Мужа».

Поздно вечером Фома вернулся в трактир. В библиотеке ему, в конце концов, удалось получить несколько толстых книг. Те, что касались науки, были ему непонятны, а вот роман о любви поглотил его настолько, что он не заметил, как пролетело время. В трактире, в комнате наверху, он нашел Тита, тот при свече читал какую-то книгу. «Наверное, тоже что-то о любви, раз так увлечен», — подумал Фома. Книга оказалась о движении звезд. Тит сам ее когда-то написал, но теперь решил кое-что дополнить. Фоме хотелось есть, и они спустились в обеденный зал. Там было довольно много народа, но для них нашелся небольшой столик в углу. На вопрос Тита, что ему заказать, Фома ответил, что рад был бы тарелке бобов и кружке молока.

— Что ж, скромно и питательно, — похвалил его выбор Тит.

Фоме принесли его ужин. Взяв в руки ложку, он вдруг спросил Тита, почему он никогда ничего не ест. Тит ответил, что пища его не людская и энергию он берет из других источников.

— Тогда почему Сим ест и пьет?

— Чревоугодие, — ответил Тит. — Симу людская пища тоже не нужна, но ему нравится ее вкус и хмель вина.

— А что, «чревоугодие», судя по звучанию слова, есть нечто неприличное? — запив бобы молоком, спросил Фома.

Тит напомнил ему слова Бродячего Шута: «Одни могут просто любоваться речкой, другим нужно обязательно в ней что-то поймать». — Одним достаточно скромной пищи, другим нужна изысканность в еде и сервировке, — сказал он. — Каждому свое, не в обиду друг другу.

— И все-таки мне кажется, — пробубнил с полным ртом Фома, — что само слово «чревоугодие» обидное и подразумевает, что тот, кого оно характеризует, тратит больше времени на утехи желудка, нежели на развитие ума.

— Фома, — молвил наставительно Тит, — никогда не наклеивай ярлыки на людей. Суждения твои субъективны, а каждый человек непредсказуем.

— Непредсказуем, это понятно, — согласился Фома. — Но, все-таки, если бы вам нужно было дать определение человеку вообще, как бы вы его охарактеризовали?

— Человек существо самонаказуемое, — ответил Тит.

А где-то в глубине Вселенной, на третьей планете от звезды, именуемой Солнце, великий философ по имени Платон, на подобный вопрос ответил: «Человек — существо сухопутное, бескрылое, эмоциональное…»

На следующее утро Фома отправился на экзамен. Тит, сделавшись невидимым, решил сопровождать его на всякий случай. Что до Сима, то он со вчерашнего вечера исчез неизвестно куда, сказав, что ему требуется отдых. Экзамен в университете состоял из двух частей: сперва на одном листе бумаги нужно было письменно решить математическую задачу, затем на другом листе объяснить возникновение планеты и жизни на ней. Едва Фома приступил к решению задачи, как невидимый Тит шепнул ему на ухо:

— Как можешь ты браться за математику, не зная, сколько будет один плюс один.

— Два, — шепнул в ответ Фома.

— Это ответ теоретический, — сказал Тит, — а в жизни один плюс один будет две единицы с плюсом. Результат показывает стремление данных чисел к росту.

— А один минус один будет две единицы с минусом? — спросил сбитый с толку Фома.

— Нет, — ответил Тит. — Это будет ноль с минусом.

Фома задумался. Тит принялся объяснять:

— Ноль с минусом или с плюсом, являясь результатом того или иного действия, дает нам некоторое право на предположения о дальнейшем поведении ноля. Например, возьмем двух бедных молодых людей: один из них студент, другой гуляка и плут. По деньгам они оба на нуле, но личностно один ноль со знаком плюс, а другой ноль со знаком минус.

— То есть ваш метод исчисления определяет будущие возможности чисел, — подытожил Фома.

Тит одобрил ответ и сказал, что теперь Фома сам, без дальнейших подсказок, может запросто решить экзаменационную задачу.

Что ж, вооруженный новыми знаниями Фома взялся за уравнение и довольно быстро выдал несколько возможных ответов. Тит хранил молчание.

Сдав лист по математике, Фома приступил ко второй части экзамена.

«Планета возникла…» — написал он и задумался.

— Эй, давай лучше подскажем ему, как все было, — из внезапно появившегося облака винных паров раздался шепот невидимого Сима.

— И ты здесь? — удивился Тит.

— Извиняюсь, что опоздал к математике, но могу быть полезен в объяснении сотворения мира.

— Да, но примут ли такое объяснение в университете? — усомнился Тит.

— Пора бы уже им что-то толковое принять, — заговорщицки прошептал Сим.

— Ну что ж, будь что будет. Пиши! — весело сказал Фоме Тит. — Пиши заглавие: «Сотворение мира в семи действиях». — Действие первое. В космосе из облака пыли и газа следует образовать ядро и кору, причем сделать так, чтобы ядро вращалось, это создаст магнитное поле.

— Здесь требуется пояснение, — вступил Сим, — так как одному сделать все это крайне тяжело, то сперва следует подобрать хорошую команду помощников.

— Действие второе, — продолжал Тит. — Образовавшуюся планету следует осветить, но не постоянным светом, а чередованием света и тьмы, и достичь приемлемую для будущих организмов температуру.

Действие третье. Распределить по планете разные вещества. При этом особенно следите за тем из ваших помощников, кто проявит интерес к закладке месторождений золота, — Тит сделал паузу, видимо, посмотрел на Сима. Тот молчал. — Действие четвертое. Сотворите воду. Поселите в ней первые микроорганизмы, и от простых сразу же переходите к более сложным. Посылы, идущие от частички к частичке многосложного организма, дадут вам первый, хотя и несильный, но самовоспроизводящийся источник энергии.

Перед действием пятым Тит сделал небольшую паузу.

— Вчера, — прошептал он, — я подсказал идею движения нервной волны одному старому профессору этого университета. Подсказал не из любви к науке, а чтобы не страдали зря подопытные животные. Думаю, что пришло время написать об этом в твоем сочинении, тем более, что иначе не объяснишь дальнейшее.

Итак, действие пятое: если вы поняли идею получения энергии от движения нервной волны живого организма, то дальнейшее несложно. Можно заселить планету гигантскими существами и снимать энергию нервной волны, идущей от хвоста до головы, и наоборот. Но лучше пожертвовать длиной нервных путей в пользу развитого мозга, работа которого даст вам гораздо больший приток энергии, за счет энергии эмоций.

Фома с трудом успевал записывать, дивясь известным Титу словам и выражениям. «На всей планете, — думал Фома, — никто такого не слышал, и уж как должны этому обрадоваться в университете».

Тит между тем диктовал действие шестое.

— Создайте существо, которое сможет не приспосабливаться к условиям природы, а изменять их под себя. Существо это, обладающее способностью творить, станет вечным кузнецом чувств и эмоций. И вот тут, внимание! Тот, кто в действии третьем проявил интерес к закладке на планете золота, предложит вам…

— Наделить это существо способностью выделять эмоцию под названием «зависть», — продолжил Сим.

Фома оторвался от листа, поднял голову, не ослышался ли.

— Пиши, не отвлекайся, — отвесил ему невидимый, но ощутимый подзатыльник Сим. — О зависти напиши, что эмоция эта, раз вспыхнув, уже горит сама по себе, заставляя мозг кипеть, выделяя энергию денно и нощно.

— Действие седьмое. Отдых, — сказал Тит. — Позвольте теперь венцу вашего творения самому решать, что для него благо, а что нет. Оставьте за ним право на выбор: родить энергию для света или тьмы.

— В результате вы получите ошеломляющий поток энергии, неиссякаемой, пока существует жизнь, — закончил Сим.

Фома поставил точку, вытер пот со лба и, не перечитывая, сдал лист экзаменатору.

На обратном пути он зашел в библиотеку и дочитал начатый им вчера роман. Роман закончился-таки встречей влюбленных, пусть даже после сорокалетней разлуки. В отличном настроении Фома пошел в трактир. Об утренних экзаменах он благополучно успел позабыть. Теперь его интересовал вопрос: «Смог бы он хранить любимой верность столько лет?» Представил Дочь Горшечника и понял, что смог бы, даже если для этого потребовалась бы вся жизнь. В трактире, в обеденном зале, Тит сидел в углу за тем же столиком, за которым они сидели вчера, и читал все ту же книгу. Фома устроился рядом, заказал свои бобы с молоком. Вокруг было довольно людно. Народ разный: мастеровой, чиновный, торговый. Играла скрипка. Ей в такт бил бубен. За соседним столом сидели двое, судя по одежде, чиновники из королевской канцелярии. Румяные от хмеля, они хлопали в ладоши в такт музыке.

— Очищение народом, — кивнул Тит в их сторону. — Чиновники довольно часто заходят в какой-либо дешевый кабачок, смотрят на танцы, слушают незатейливые песни. Это помогает отдохнуть от крючкотворных дел.

К их столику подошел молодой человек, спросил, можно ли сесть рядом.

Тит кивнул. Юноша присел возле Фомы, поставил на стол кружку меда диких пчел. На дружелюбный вопрос Тита, не рано ли ему пить такие напитки, ответил, не менее дружелюбно, что пивал напитки и покрепче.

Разговорились. Оказалось, что молодой человек когда-то учился в университете.

— Это было замечательное время, — вспоминал он, — днем я мог учиться, а всю ночь напролет сочинять стихи. Стихи приходили ко мне отовсюду, я едва успевал их записывать. Но однажды на лекции одного очень важного профессора я услышал, что в этом мире выживают сильнейшие, именно они получают самые лакомые кусочки жизни и занимают самые видные посты. «Сильнейшим можно себя воспитать, — говорил профессор. — Всему, если есть усердие, можно научиться и во всем преуспеть». — «А как же поэзия?» — спросил я. «И поэзии можно научиться, как любому другому ремеслу», — был ответ важного профессора. «Допустим, люди не знали, что такое колесо, — сказал я тогда профессору, — но после того, как его изобрели, любой мальчишка может запросто его смастерить. А великие поэмы, сколько ни изучай, так не напишешь. Может, здесь замешано что-то неподвластное терпеливому изучению, неподвластное простому ремеслу? Может, имя этому талант!?» Меня подняли на смех, — продолжал поэт, сделав глоток из кружки, — а какой-то школяр, чтобы доказать, что творить поэзию доступно всем, написал корявый памфлет в мой адрес. С тех пор в университет я не хожу. Я пью вино в этом трактире. Не совершенствую свой слог, не изучаю поэтические шедевры, но стихи приходят ко мне тысячами, а я гоню их от себя, не давая им проникнуть в сердце. Иногда люди заказывают мне написать посвящение любимой. Тем и кормлюсь. Много раз я хотел лишить себя жизни, выпить ядовитого зелья… То, что сейчас в моей кружке, по существу яд, только не такой быстрый.

Ответная краткая речь Тита стоит того, чтобы привести ее полностью, ибо под конец его слов в трактире стихли разговоры, и слышно было, как

открывший от изумления рот вышедший из кухни повар уронил крахмальную салфетку на пол.

— Таланта нет, говорят те, кто имеют душу ущемленную, — начал Тит. — Талант — продукт широкой души. Талант не дом, не имущество, и отнять его нельзя, потому таланта вдвойне не прощают. Яркость травят, нападая стаей. Знает серость, что если не объединится, то даже среди немногих талантов не выживет. Бездарность ратует за равенство, подменяя равенство по возможностям равенством по способностям, дабы в равенстве этом растворить свое бессилие. Поэты, как цветы, делают жизнь ярче. Когда уходят поэты, вянут краски жизни. Их не срывает до срока Творец, их выпалывает Хозяин. И ты, поэт, не помогай ему в этом. Не дай серому цвету восторжествовать. Терпи и твори.

В воцарившейся в трактире тишине прозвучал чей-то вопрос:

— Кто этот хозяин?

Тит не ответил. Тогда встал Фома. Ему еще ни разу не доводилось говорить перед таким большим количеством людей. Он с трудом скрывал волнение.

— Хозяин — это тот, кто копит ваше золото, тот, — Фома запнулся, покраснел, — тот, кто разобщает вас, тот, — он снова запнулся, отчего речь его стала совсем неубедительной, — тот, кто питается вашей завистью и злобой, — закончил он едва слышно.

Но непонятны были слова Фомы для притихшего трактира, потому что невозможно было соединить отдаленное зло, именуемое «Врагом Света» с домашним, обыденным словом «хозяин». Лишь немой вопрос летал над притихшим трактиром: «Где мог юноша нахвататься таких глупостей?» Тит молчал. Не спешил Тит объяснять трактиру известные вещи, потому что нет ничего неблагодарнее, чем объяснять очевидное.

А в это время где-то во Вселенной, подхваченные космическим ветром, кружились слова мудреца Аристотеля, произнесенные им на третьей планете от звезды, именуемой Солнце: «Известное известно лишь немногим».

Недолго пребывал в молчании трактир. Снова зазвучали музыка и людской гомон. Лишь Поэт хранил молчание. И кружка перед ним была пуста.

Ночью, когда посетители трактира разошлись, а обитатели комнат наверху спали, по ступенькам прогрохотали сапоги. Обладатель их по ошибке сунулся было в чужую дверь. Женский визг. Пьяные извинения. Снова грохот сапог, остановка у двери Тита и Фомы. Ввалившись в комнату, Сим, не раздеваясь, плюхнулся на кровать и мгновение спустя насыщал уже воздух густым храпом и винными парами. Из паров тех, будто из облака, возникла пустыня, а в ней тень Хмурого Погонщика, которая направилась к нему…

Хмурый Погонщик остановился, глядя перед собой в землю. «Хороших вестей не будет», — понял Сим.

— Что? — коротко и нервно спросил он.

Хмурый Погонщик молчал.

— Хозяин хочет меня видеть лично?

— Хозяин недоволен, — сказал Хмурый Погонщик.

— Понимаю, — ответил Сим, в упор глядя на него, — я был слишком откровенен с человеком.

Хмурый Погонщик кивнул.

— Можно заставить его замолчать навсегда, — левая рука Хмурого Погонщика указала на спящего Фому, правая легла на рукоятку торчащего из-за пояса Фердорийского кинжала, разящего плоть видимую и невидимую.

— Мы не станем этого делать, — остановил его Сим, — он безопасен.

— Но он понесет свои знания людям.

— Кто ему поверит? — Сим сделал несколько шагов в темноту ночи. Хмурый Погонщик хотел идти за ним, но Сим дал ему понять, что хочет остаться один.

Мысль Сима быстро работала в поисках выхода, не тратя энергию на разные «вдруг». Он понимал, для чего его ждет Хозяин. «Ну что ж, — подвел он итог, — тысячелетняя жизнь закончилась. Но почему не греют ни богатства, которыми обладал, ни воспоминания о тысячах женщин».

Мысль неслась стрелой, искрилась молнией и, наконец, вонзилась в точку единственно правильного решения. Он направился к каравану. Подошел к верблюду, сгибавшемуся под тяжестью тюка с завистью. Накинул на него веревку. Отвел от лагеря. Ножом вспорол тюк. Пусть видит Хозяин, что зависть выпущена на волю. «Уж он-то, подлое существо, не ожидал такого, — рассмеялся Сим, — в подлости я его превзошел. Это он оценит. Кого ж, как не меня, пошлет он вдогонку разлетевшейся зависти. Потому что нет у него теперь его любимого лакомства! Нет у него энергии драться со мной!» — хохотал Сим, глядя на тусклые звезды.

Но тихо подходил к нему сзади Хмурый Погонщик, правая рука которого все еще лежала на рукоятке кинжала. Сим обернулся, но не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, а лишь кричал в отчаянии.

— Сим! Сим! Открой глаза, — тормошил его за плечо Тит, — весь дом поднял хохотом и криком.

Сим сел на кровати.

— Ну, заговорщик! Метит на мое место! — погрозил он кулаком в темноту, — еще имел наглость мне присниться!

Некоторое время он сидел, глядя в темноту, будто что-то обдумывая, затем лег, отвернулся к стене и вскоре снова захрапел. Тит, так ничего и не поняв, долго прислушивался к нему и лишь под утро смог, наконец, с тревогой уснуть.

А Фома спал не просыпаясь. И снился ему сон из тех, что потом повторяются в жизни, когда тщетно стараешься припомнить, где и когда подобное с тобой было. Сон был яркий, живой, осязаемый. По пустынной дороге шел Фома, держа за руку Дочь Горшечника... И звезды над ними удваивались в числе. И тьма отступала.

На следующий день Сим вызвался сопровождать его за результатами экзамена. Тит остался ждать их в трактире.

В университете собрались и будущие студенты, и те, кому не повезло. Сим с Фомой сели в самом конце огромной аудитории, которая ступеньками уходила от кафедры вверх. Списки поступивших зачитывал стоящий у кафедры декан. Фомы в них не было.

Сим встал и спросил, не ослышался ли он насчет Фомы. Декан сказал, что не ослышался и что представления Фомы о математике и о сотворении мира настолько дремучи, что ему нечего делать в стенах университета.

— А не могли ли вы объяснить, что именно вас не устроило, — вежливо спросил Сим.

— Лишь два дня назад один из наших ученых, — сказал декан, — предложил термин «движение нервной волны». Мы еще не решили, как к этому отнестись, а этот молодой человек из провинции уже уверенно использует новый термин в целях, далеких от науки, в целях доказательства существования некого Творца мира. Для нашего университета это в корне неприемлемо!

— Я, конечно, извиняюсь, но чему такому особенному в вашем университете могут научить о сотворении мира, если верят, что все живое произошло из неживой природы? — спокойно сказал Сим. — Ведь, как образованный человек, вы не можете не задать себе вопроса: зачем неживой природе, которая практически вечна, производить то, что распадается часто в один миг, и тратить на это энергию?

— Кто вы такой? — раздалось с кафедры. — Представьтесь.

— Я профессор Сим, проездом в вашем городе.

— Профессор Сим? — пожал плечами декан. — Не припоминаю.

— Я же сказал, я здесь проездом.

— Ну, и с чем вы не согласны? — спросил декан.

— Лично вы своим отрицанием Творца мне глубоко симпатичны, — начал Сим с комплимента, — однако я не согласен с тем, что вы не прислушались к мнению молодого человека, такого же жителя планеты, как и вы. А ведь в отличие от ваших догм, которые вы периодически пересматриваете, он показал не только как, но и для чего возникла планета. Взяв на вооружение его виденье мира, можно объяснить все, что на планете происходит, в то время как, следуя вашему видению, невозможно даже ответить на простой вопрос: почему кошка одомашнилась?

Тут Сим почувствовал, что завладел вниманием аудитории, и решил немного поразмяться в красноречии.

— Кто такой кот? — задал он сам себе вопрос и сам же ответил: — Кот — это хищник, созданный дикой природой, чтобы греться у очага.

— Не созданный греться у очага, — поправил его декан, — а первобытный человек, скорее всего, случайно поймал и приручил котенка…

— И кот привык не к человеку, а к его дому. Кот привыкает к дому, это знают все, — обвел рукой аудиторию Сим, призывая присутствующих в свидетели. — Но так как первобытный, как вы говорите, человек жил в пещере, значит, кот привык к его пещере, — продолжал Сим. — И что он там делал? Ловил мышей? Он мог ловить мышей в пещере и без человека. Тем более что первобытный, как вы говорите, человек, сам не прочь мышь съесть, да и кота тоже, — сказал Сим уже под хохот аудитории. — Нет, все было не так, — поднял он руку, успокаивая аудиторию. — Кошки, сидя в лесу или в камышах, ждали момента, когда человек займется земледелием, у него появятся амбары с зерном и там заведутся мыши. Тогда кошки и предложили свои услуги.

Этот ответ, похоже, удовлетворил всех, даже декан не протестовал.

— А если б человек не занялся земледелием? — вдруг спросил Сим. — Для чего тогда кошки?

— Это возмутительно, — сказал декан, — вы навязываете нам выгодное для вас виденье вопроса.

— Я навязываю вам здравый смысл, — парировал Сим, затем примирительно приложил руку к груди, — извиняюсь, поговорим о земледелии. Допустим, зерна какого-то дикого растения заметил первобытный, как вы говорите, человек, попробовал их на вкус и решил зерна эти смолоть, хоть раньше зерен не молол. Но так как муку есть невозможно, то он развел ее водой и забыл на время, пока природные дрожжи не сделали подобие теста. Но он и теста есть не стал, а засунул его в огонь, даже не в огонь, ибо прямой огонь хлеба не испечет, а раскатал тесто в лепешки и засунул в специальную печь. Так, случайно, он испек хлеб. Однако вряд ли это было так. — Сим посмотрел на декана и, не дожидаясь ответа, продолжал: — Скорее всего, ободрав зерна, первобытный, как вы говорите, человек сунул их в рот и пошел

дальше. К тому же из диких зерен испечь что-либо путное даже хорошему кулинару невозможно. С другой стороны, если следовать мнению, что человек сам начал культивировать пшеницу, то логически это звучит так: человек, не зная вкуса хлеба, решил развивать какое-то дикое растение, чтобы его далекие потомки могли съесть нечто, о чем человек не имел ни малейшего представления.

Аудитория молчала.

— Или, может, колос появился сам собой? — задал вопрос Сим. — Тогда подумайте: зачем природе тратить силы на изобретение пшеницы, если она без рук человеческих тут же будет задушена любым сорняком?

В аудитории стало слышно, как, выражая свое недовольство, подчеркнуто громко задышал декан.

Сим мгновенно разрядил обстановку:

— Все происходило неизвестно как, но случайно, — сказал он с невинной улыбкой.

Слово «случайно» всем понравилось.

— Слово это, между тем, заслуживает того, чтобы воспеть ему хвалу. Воистину спасительно оно в среде ученых мужей, когда объясняют они основу основ, происхождение жизни. При этом свои умозаключения они считают разумными, а происхождение жизни ни в коем случае не разумным, а случайным. — Сим стал неторопливо спускаться между рядами к кафедре. — Почему разумный человек в объяснении сложнейшего механизма отдает предпочтение чему угодно, только не разуму? Видимо, случай более вероятен. А если цепь случайностей создает разумные творения? Можно ли тогда считать такую цепь случайностей разумной? — Сим вплотную подошел к кафедре. Декан молчал. На его лице играла гамма эмоций, и ни одной положительной, гнев струился из ноздрей. Сим ловко достал из кармана пустой мешочек, который тут же раздулся. — Благодарю вас, — сказал он декану. Быстро завязал мешочек, и обратился к студентам со словами: — Если внутри небесного тела вдруг завертелось ядро, обезопасив тем самым это тело от космического ветра, то можно ли предположить, что там готовится поле для будущей жизни? Можно, — сам же ответил он. — Иначе для чего ставить заслон космическому ветру, который безжизненному небесному телу не страшен? Логично? — Аудитория молчала. — Что же касается жизни, то заводится она не забавы ради, а как источник неиссякаемой энергии. Дерзайте, друзья! — Он подмигнул студентам и вышел из аудитории.

Пробежав между рядами, кашлянув, чтобы скрыть неловкость, следом из аудитории выскочил Фома.

— Несчастный, не смог достойно мне ответить. Вот что бывает, когда врожденный лавочник лезет в науку, надеясь за ученым званием уважение обрести, — охарактеризовал декана Сим.

— Но зачем в споре с ним вы защищали Творца? — спросил Фома.

— Я не защищал, — возразил Сим, — я напугал его Творцом. Мешочек, глянь, какой тугой. Ему, трясущемуся за жалование, любой поиск истины угроза. К тому же в головах будущих студентов я посеял сомнение и зародил массу вопросов, главный из которых: «Можно ли верить тому, кто пытается убедить вас в правоте каких-то идей, если он кормится за счет этих идей?»

Они вышли из здания университета.

— Не горюй, — хлопнул Сим Фому по плечу, — зачем тебе учиться и тратить лучшие годы жизни, если любой профессор отдаст все свои титулы и регалии за твою молодость.

На обратном пути зашли в трактир. Тит все знал. Фому это не удивило, он за время общения со своими спутниками привык уже ничему не удивляться.

— Ну, Фома, — сказал Тит, — начинается для тебя трудовая жизнь, и ты должен сделать выбор: жить за счет людей или работать самому. За счет людей живут или те, кто предлагают свое посредничество меж людьми и Творцом, или те, кто отрицают Творца, предлагая себя в качестве поводыря на пути к счастью для всех.

— Мне это не подойдет, — ответил Фома.

— Ты выбираешь труд. Хвалю. Только запомни, трудись, даже если придется работать за мизерную плату, честный труд отпугивает Хозяина. И не стремись к богатству. Жизнь в разумном достатке лучше, чем жизнь, в которой Творец испытывает тебя богатством. Испытывает, значит, не уверен. Что может быть хуже?

— Не порть мне ребенка, — буркнул Сим.

Фома забрал свой кувшин, и расплатившись за постой, все трое направились в сторону городских ворот. Когда проходили Площадь Всех Конфессий, слышно было, как некий оратор громко кричал окружающей его толпе: «И ответят дети за грехи отцов своих…» — «Потому что унаследуют черты их характера», — добавил, не сбавляя шага, Сим. «Отсюда и отношение к жизни», — подумал Фома. Ему вдруг стало жалко всех людей. Он почувствовал такое ко всем сострадание, что слезы выступили на глазах. Захотелось все изменить, всем помочь, даже показалось, что ему известно как, и он обратился к Симу:

— А вот представьте себе, уважаемый Сим, что чувства жителей некой страны перестанут давать вам жатву. Даже если их захватит вражеское племя, они не будут воевать, а улыбнутся врагу и поделятся хлебом. Ведь не будет же враг уничтожать того, кто делится с ним хлебом.

— Хлебом и женщинами, — добавил Сим.

То, что нужно делиться еще и женщинами, об этом Фома как-то не подумал. С минуту поразмыслив, он сказал:

— Допустим, женщины этого племени врагу неинтересны.

— Допустим, — кивнул Сим.

— Значит, — победоносно посмотрел на него Фома, — с этой страны вы не возьмете и кармана эмоций.

— А в этой твоей стране каждый человек сам себе и пахарь, и пекарь, и кузнец, и ткач, и портной, и сапожник? — спросил Сим, не сбавляя шаг.

— Нет, одни пашут, другие шьют, третьи куют что-то, как в любой стране, — начал объяснять, казалось бы, естественные вещи Фома.

— Тогда, — сказал Сим, — родится в этой твоей стране умник и скажет, что это нечестно, одни работают больше, а другие меньше, но главное — живут богаче, и начнется такая драка, знай набивай тюки.

— Нет-нет! — замахал руками Фома, — все будут жить и трудиться одинаково.

— И рабов не будет? — спросил Сим.

— Рабство изживает себя. Люди начинают понимать, что свобода — дар Творца, — вступил в разговор, молчавший до того Тит. — Бегущим из рабства помогает Творец. Рассказ об исходе из рабства может украсить летопись любого народа.

— Рабство изменит название, но не суть, — в глазах Сима мелькнул лукавый огонек. — Как только зайдет оно в моральный тупик, а необходимость в нем останется, на свет появится идейка, что человек произошел, например,

от… — он на секунду задумался, — от обезьяны. И тогда считающие себя «произошедшими раньше» присвоят себе право патронировать «произошедших позже».

— Что-то я не пойму, как из обезьяны может получиться человек? — удивился Фома.

— Путем труда и развития мышц, — сказал первое, что пришло на ум, Сим.

— Но это невозможно! — остановился Фома.

— Почему? — тоже остановился Сим.

— Потому что у самого трудолюбивого человека мышцы хуже развиты, чем у самой ленивой обезьяны.

— Довод логический, но не академический, — бросил с пренебрежением Сим, при этом пренебрежение было в голосе, но не в глазах.

На Площади Бытия все та же толпа. Оратор на трибуне. Непонятно о чем говорит. Крик из толпы: «Дайте нам хоть намек на то, что на сегодня следует считать истиной!»

На Набережной Правосудия Бродячий Шут под звон монетки отвечал кому-то на вопрос о том, кто самый несчастный. И выходило из ответа, что самый несчастный есть тиран, ибо он покупает друзей на время, врагов же плодит навсегда. А когда опустилась у его ног монетка с вопросом «Кто самый счастливый?», ответ был лаконичен: «Тот, кто способен любить».

Вышли к городским воротам. «Прощай, Город Академиков. Я многому здесь научился», — поклонился Фома последней городской улице.

У постоялого двора стоял верблюд Сима, рядом осел Тита, немного в стороне щипал травку ослик Фомы. На сундуке со сказками сидел оставленный присматривать за животными караванщик. На вопрос Сима, где остальные, сказал, что весь караван уже два дня как невидимым маршем ушел в город, где теперь и пребывает, и что увел его туда Хмурый Погонщик. Сим поднял было от удивления бровь, но затем вспомнил, что сам же приказал Хмурому Погонщику на Площади Бытия «собирать урожай».

— Грузи сундук со сказками на моего верблюда, — приказал Сим. — Когда вернется караван, пусть идет по нашим следам к побережью.

По холмистой дороге Тит, Сим и Фома направились в сторону моря. И если бы кто-то наблюдал за ними, то три диковинных силуэта мог бы видеть на фоне заката. Один плотный, широкий в плечах, в чалме, восседающий на верблюде с сундуком, привязанным сзади. Рядом с ним, на ослике, некто долговязый, с котомкой через плечо. Третий, с развеваемыми ветром кудрями волос, ехал с другой стороны на маленьком ослике, к боку которого был привязан огромный кувшин.

Многое понял и многое узнал Фома, за то время, что они были вместе. Остался один последний вопрос, который давно хотел и вместе с тем боялся задать Фома: «Что же по ту сторону жизни?» Вот и теперь он открыл было рот, но снова не решился спросить. И тут, прочтя его мысли, Тит и Сим сказали в один голос, будто размышляли вслух: «С исчезновением мира для тебя ты не исчезаешь для мира».

Долго звучали их слова в голове Фомы. Вспомнил он своего деда, который считал смерть лишь переходом в иное измерение. И дивная легкость наполнила Фому от осознания себя как вечной частички Вселенной.

Поднимаясь по дороге, они достигли вершины большого холма и увидели раскинувшееся до горизонта море, ослепительно блестевшее в лучах

заката. Никогда раньше Фома не видел моря. Соленый ветер принес оттуда запах, вроде незнакомый, но вместе с тем волнующий каждую клеточку тела, в тысячах поколений хранимый и передаваемый по наследству всем живым, населявшим планету.

Сгущались сумерки, когда на берегу их нагнал караван. Фома заметил, как сгибались верблюды под тяжестью поклажи. Хмурый Погонщик, гордый собой, доложил Симу: «Здесь жатва с городских площадей, судов, тюрьмы, королевской оперы…»

— Добавь и это к поклаже, — оборвал его Сим и бросил ему небольшой мешочек, что наполнил утром в университете.

Поймав мешочек, Хмурый Погонщик поклонился. В поклоне сквозила едва заметная издевка, мол, я работал, а вы развлекались, господин. Но Сим на него не смотрел, он перевел взгляд на Фому. «То, что собрано в тюках, будет хорошим топливом для готовящейся там войны», — указал он на горизонт за морем. Страшен был черный горизонт, даже зажигавшиеся на небе звезды, казалось, избегали светить там.

Разожгли костры. Сим ушел готовить караван к переходу. За ним и Тит исчез куда-то. Темнота сгустилась такая, что в двух шагах от костра не было ничего видно. Фома, освещенный пламенем, перебирал листы своей рукописи. «Нужно донести это до людей. Кому-то все это покажется смешным, но кому-то может и пригодиться», — думал он. Но тут его пронзила мысль: «Что если с ним что-нибудь случится и его рукопись попадет в нечистые руки?! Вдруг кто-нибудь захочет перекроить ее на потеху публике? Тогда Сим вполне может получиться героем. Он остроумен и симпатичен. В материальном мире его логика более приемлема, она понятна и проста. Да, но это когда речь заходила о сущем видимом, в сущем же невидимом главенствовал Тит. Но как понять сущее невидимое? Кто, например, видит магнитное поле? И кому вообще есть дело до магнитного поля, если одним нечем кормить больного ребенка, других же гложет зависть к богатому соседу?»

От пламени ли костра, или от напряжения мысли у Фомы выступили капельки пота на лбу. «Что делать с рукописью? Оставить все как есть? Но это значит романтизировать того, кто стоит за Симом». Он долго не отрываясь смотрел на пылающий костер. Наконец, очнувшись, сгреб исписанные им листы в одну стопку. «Не через меня», — сказал Фома и бросил рукопись в огонь.

— Он сжег рукопись, — отметил наблюдавший на ним Сим, — ну что ж, Фома, добро пожаловать в сан озаренных, тех, кто сжигает труд своих прозрений, бросая в пламя страницы, главы и законченные книги к недоумению потомков.

Утомленный долгим днем, Фома вскоре заснул, чтобы встать с рассветом и проводить караван.

В полночь к его костру подошли Сим и Хмурый Погонщик.

— Он многое узнал. Хозяин будет недоволен. — Одной рукой Хмурый Погонщик указал на Фому, другая рука легла на рукоятку его знаменитого Фердорийского кинжала.

— Дай мне кинжал! — приказал Сим.

Хмурый Погонщик немедленно повиновался. Сим швырнул кинжал далеко в темноту.

— Он тебе ни к чему. Готовь караван к отходу. Отправляемся немедленно.

Хмурый Погонщик с поклоном удалился. Сим некоторое время смотрел на спящего Фому. Затем сделал шаг в сторону, раздавил ползущего рядом скорпиона и растворился в темноте.

Мгновение спустя из темноты вышел Тит.

— Прощай, Фома, — сказал он тихо. — Ты возвращаешься в свою жизнь. Избегай же тех, в ком увяла совесть, тех, кто, чуя свою смерть, в бессильной зависти и злобе хотят забрать весь мир с собой. Будь с теми, кто творит на благо жизни даже перед лицом смерти.

Караван, не дожидаясь рассвета, двинулся в путь, растаяв в морском тумане. Сундук со сказками остался на берегу.

Может, для кого-то расставание получилось грустным, но было существо, которое вздохнуло с облегчением. Для ослика Фомы с исчезновением пугающих призраков жизнь снова стала простой и ясной.

Невидим и невесом, скользил караван над волнами. И если бы можно было сопровождать его, слышно было бы, как в темноте звучат два голоса.

— Что будет с ним, когда понесет он свои знания людям? — говорил один.

— Я думаю о том же, ведь я к нему привязался, как к сыну, — вторил другой.

— Я не ослышался, Сим? Впервые за тысячи лет ты кого-то полюбил?

— Не ставь мне ловушек, Тит, ведь ты так и не ответил, что есть истина.

— По-моему, это ты не смог опровергнуть вечность души…

А Фома спал, завернувшись в плащ. И снилось ему, как к народам гор пришел Пророк и сказал: «Любите друг друга». К народам пустынь пришел Пророк и сказал: «Любите друг друга». К народам страны Высоких Трав и Густых Лесов пришел Пророк и сказал: «Любите друг друга». И еще тысячу пророков ожидали своей очереди, чтобы передать миру эти волшебные слова Творца. Ведь озаренная любовью душа не может быть поглощена тьмой. Энергия любви зажигает звезды.

Василь МАКАРЕВИЧ

И помнится нам!

Хаты

1

Как только начнут пятистенки крениться
Средь белых берез и багряных рябин, —
Мне, плотнику бывшему, надо ль хвалиться,
Что ставил я их и когда-то рубил.

Взяв из кошелька или из «портмонета»,
Торжественно в угол смолистый иль в паз
Мы клали при всех золотую монету,
Как будто жемчужину или топаз.

Для тех, кто в семье не имел золотовок, —
И где их хозяин найдет средь зимы? —
Меж бревен из мощных тугих волотовок
Отщедрить могли медяков мы взаймы.

Когда горбыли в сруб сосновый не лезли
И стены потом покорежить могли,
Кузнечное в дело пускали железо
И — скобами туго скрепляли углы.

И помнится нам! Не забыли с годами,
Что ровно стоят, как в селе городьба,
Как часто в застолье рядили-гадали —
Какими их будут и жизнь, и судьба?

2

Для нас пятистенки, с венцами литыми,
Навек оставались, чтоб счастье иметь,
С одной золотовкой — всегда золотыми,
И медными те, где имеется медь.

То печка гудела вовсю кочегаркой,
То ругань семейная, с матом крутым,
Согласие жгла, словно огненной сваркой,
Во всех пятистенках, с углом золотым.

А медные с медью, в березах и травах,
Которые стужа брала в оборот,
Стоят и гудят, как звоны, под ветрами —
Их черт никакой и сейчас не берет!

И хаты с железом, под кровлей простою,
Где гостем бывает то холод, то чад,
Не тронула цвель и во время застоя,
И, кажется, стали с годами крепчать!

Домашний в нем дух не пропал и не выстыл.
На месте метла, что все лихо смела.
Была у нас каждая хата смолистой,
А все же — куда подевалась смола?

Баллада

Мне рвать бы зубами средь ночи подушку,
А утром реветь бы в трубу иль дуду!
«Ты жить оставайся на свете, дочушка,
А я за тебя в крематорий пойду».

Соседке сказала так матушка Бровки
В концлагере том, где стоял дым и смрад.
Храпели печей крематорные бронхи,
Из труб извергая и пепел, и чад.

Домой, как во сне, возвратилась соседка,
Давай головой всем сельчанам кивать.
А утром вспорхнула внезапно на ветку
И ну куковать, как железо ковать!

Среди головешек, военных огрызков,
Приехав в село, чтоб найти тут строку,
Узнал Бровка голос родной материнский,
Стоял, как пронзенный, тем жутким «ку-ку».

* * *

Почему ушла Немига
Вглубь веков и под асфальт,
Ото всех и благ, и выгод,
Льгот почетных нарасхват?

Вербы ей совсем недавно
Говорили: потерпи!
Ведь негаданно-нежданно
Оказалась взаперти.

Ждать чего еще подольше?
Как по воле колдуна,
Погружая в торф подошвы,
Вдоль пошли вставать дома.

Если праведно и честно
О Немиге и судьбе, —
Разве ей сейчас не тесно
В круглой каменной трубе?

Разве ей совсем не больно,
Если вдруг наискосок
Молоток стучит отбойный,
Бьет без устали в висок?

Времена, людей сближая,
Не забыв, видать, ку-ку,
Бьется, плещется, живая,
В вещем «Слове о полку…»

Пешеходам не мешая,
На Немиге, там и тут,
Экскаваторы ковшами
Землю роют и грызут.

Тетерева

Возле Бобра иль Беседи,
В лощине трын-трава.
А в ней лютуют, бесятся
С утра тетерева.

Земля аж ходит ходырем,
И рябь укрыла пруд.
До хрипоты, до одури
Сплошь глухари орут.

Хоть тетерев чуть держится,
На вид с зимовки тощ, —
Откуда сила с дерзостью,
Откуда эта мощь?

Слетевшись, как на острове,
У высохшей тропы,
Их крылья, дуги острые,
Сверкают, как серпы.

Кому и как доверится
Вот в этой схватке злой?
Крылом заденут деревце
И срежут, как пилой.

И пары, в узел свитые,
Закатывают за
Подлобье, как в соитии,
Безумные глаза.

Неважно, что растения
Повил, опутал пух.
Очнутся и растерянно
Глядят они вокруг.

Тут в поединке свадебном,
Изведав сласть и страсть,
Лететь тетеркам надобно
В гнездо яички класть.

* * *

Слышите, мурзатыми растрепами
Из делянки, словно из депо,
Стежки с перепутаными тропами
Ломятся, идут на водопой.

К роднику ползут сквозь лозы ницые,
И как будто близкая родня,
Цедят воду, пьют, пока не выцедят
Весь родник до капельки, до дна.

* * *

А лес, наверно, спятил,
Перед зимой опять
Желтеют, как заплаты,
Сплошь тысячи опят.

Грибник, а не грабитель,
Он в толчее забот,
Как граблями, с грибницы,
С рассвета их гребет.

* * *

Ах, сорока-белобока,
Опустившись на балкон,
Поведет горячим оком,
Как блесной, сверкнет белком.

Замахнется ветер плетью —
Может быть, что из гостей
Принесла не весть, а сплетню
По привычке на хвосте.

* * *

Приятно заикаясь,
В дверь постучала весть —
Какая-никакая,
А деревенька есть.

Я про одно толкую
С родной мне толокой,
Что честь иметь такую,
Чем вовсе никакой!

* * *

Мне, ученые, скажите
С откровенностью земной,
Я, планеты этой житель,
Жить смогу ли на иной?

Распри, споры, потрясенья —
День за днем, за ночью ночь.
О каком переселенье
Воду нам тогда толочь!

* * *

Ударил за бугром,
Про ливень беспокоясь.
И сразу в землю гром
Ушел по самый пояс.

Разбить смог каланчу,
Тряхнуть масонов ложе.
Ему же, силачу,
Кто выбраться поможет?

Перевод с белорусского автора.

Сергей КЛИМКОВИЧ

Раскладушка

Рассказ

Старая раскладушка окончательно погибла под телом очередной бабушкиной подруги, оставшейся ночевать. Рано утром раскладушка скрипнула жалобно, крякнула, треснула, и тетя Валя, охнув испуганно, оказалась на полу. Ромка сразу все понял. Раскладушке конец. Как же он терпеть не мог эту тетю Валю, которая вечно торчала у них на кухне, болтая с самого своего прихода и до ночи!

Когда Ромка вышел в коридор, бабушка помогала своей подруге выбраться из простыней, одеял и подушек. Обе хихикали. Ромке было не до смеха.

— А где же папа теперь спать будет? — прислонившись к косяку двери, спросил он.

— Что ты? Что ты? Иди одеваться! — бабка развернула его и слегка хлопнула сзади. — Давай, давай! Быстренько! И умываться! Я полотенце свежее повесила тебе. Розовенькое.

— Не хочу розовое. Оно для девочек, — буркнул Ромка, решив не прикасаться к полотенцу и потихоньку вытереться бабкиным махровым, хотя оно неприятно пахло сыростью.

Бабка, казалось, не слышала его. Она вообще редко обращала внимание на Ромкины капризы, требования и замечания. А если слышала, то только то, что хотела слышать. Она всегда была занята — готовкой, шитьем, вязанием, глажкой белья, просмотром эстрадных концертов и сериалов, разговорами с подругами. Она всегда куда-то спешила, что-то искала, что-то убирала, раскладывала, переставляла и из-за этого тут же забывала, где лежит необходимая вещь. Вот тогда в фокусе ее внимания появлялся внук Ромка, приходивший на помощь в поиске очередной бабкиной потери.

— Ромочка, солнышко, а ты не видел, куда я дела шкатулку с нитками? — задумчиво спрашивала баба Лида, предварительно перерыв всю квартиру вверх дном. Ромка молча подходил к старому комоду и вытаскивал из нижнего ящика требуемое.

— Ух ты, мой глазастый! — бросалась она к нему радостным коршуном и целовала в светловолосую макушку. — Что бы я без тебя делала?

Действительно, без помощи наблюдательного внука Лидия Михайловна давно бы пропала в собственной квартире. Единственная комната, а также кухня, прихожая и два встроенных шкафа были забиты одеждой, коробками, корзинками, пакетами и тюками. Старая неудобная мебель загромождала проходы, выпирала неудобными выступами, которые Лидия Михайловна постоянно задевала и потому ходила с синяками. Раз в полгода бабка героическими усилиями делала «генеральную уборку», но результатом этого хозяйственного подвига было всего лишь распихивание домашнего скарба по углам, что

позволяло кое-как пропылесосить ковер на полу. А через неделю все вещи каким-то непостижимым образом, словно живые, опять выползали из своих углов и антресолей и занимали в квартире все свободное пространство. Ромка не любил «генеральной уборки». Во-первых, потому, что бабка во время ее проведения становилась злой, крикливой и потной. Во-вторых, сразу после «генеральной» квартира казалась пустой и непривычной. Играть в ней было неинтересно. Ее надо было заново исследовать.

Перестановка мебели была маниакальной страстью бабы Лиды. Она либо замышляла очередное перемещение комода, либо просчитывала, как будет смотреться у окна большой шкаф, стоящий ныне у двери. Может быть, именно от этих непрестанных беспокойств и физических усилий Лидия Михайловна выглядела подтянуто и бодро. Хотя сама она всегда говорила, что это только благодаря «травкам», отвары которых она испытывала на себе десятками, иной раз забывая, в какой склянке и от какой хвори у нее настаивается очередное зелье. Именно на почве траволечения баба Лида и тетка Валя стали закадычными подругами. Они на пару изобретали новые причудливые составы и сами их пили. Иногда бабке становилось от них дурно, и она подолгу не выходила из туалета, однако по телефону всегда информировала свою соратницу по траволечению, что «настой очень эффективный, дааааа», но лично ее организм немножко взбунтовался.

Ромка недолюбливал эту тетку Валю еще и потому, что бабка была при ней другой — более суетливой, чем обычно, более смешливой и менее склонной слушать Ромку.

Вот и сейчас она пропустила мимо ушей его вопрос о папе. Снова забегала, засуетилась, провожая свою тетку Валю. С торопливым раздражением, непривычным Ромке, принялась подгонять его с умыванием и одеванием. Он надулся и заперся в ванной. Там потихоньку вытащил козюльку из носа, показал своему отражению язык и включил воду. Мыться ему не хотелось. И зачем по утрам мыться, если все равно за целый день опять станешь грязным? Другое дело вечером… Ромка вздохнул и все же набрал в ладошки чуть теплую воду. Но потом вспомнил слова отца о том, что по утрам надо мыться только холодной водой, завернул кран с горячей и вздрогнул невольно, потому что струйка стала почти ледяной. Когда Ромке было что-то неприятно, отец всегда трепал его по макушке и говорил: «Терпи, казак, атаманом будешь!» Ромке нравились эти слова, хотя он не совсем понимал, что они значат. И нравились чуть грубоватые ласки отца. Даже его невнимание, когда он смотрел телевизор или читал газету, было приятно. В отличие от раздерганного, беспокойного невнимания бабушкиного.

Они ждали его со дня на день. Отец работал дальнобойщиком на большой машине и пропадал иногда на целые недели. К тому же у него была другая семья и он не мог быть у бабушки и Ромки все время. Ночевал отец на старой раскладушке. И теперь эта тетка Валя все испортила. Ромка подумал, что было бы неплохо не открыть ей однажды дверь. Особенно он терпеть не мог ее огромную бородавку у острого носа, за которую хотелось схватить хорошенько и крутнуть.

Пока бабушка готовила на завтрак манку, Ромка уселся у склеенного им самим несколько дней назад домика. У домика открывалась крыша, а внутри был диванчик, шкаф, буфет и телевизор, сделанные из спичечных коробков. Бабушка еще не знала, что весь ее запас спичек из этих коробков оказался в полотняном мешочке, в котором она обычно хранила хлебные сухарики. И ей это очень не понравится. Настолько очень, что следовало ожидать хорошей взбучки. Но Ромка как-то не думал об этом. Он мало беспокоился о бабуш-

кином гневе. Ну отшлепает, отругает: «Господи, что за дите?! Покоя мне нет от него на старости лет! В мамочку характер упрямый! В мамочку свою дурную! У той тоже все фантазии, выходки разные… все не как у людей! Вот где она теперь?» Этого Ромка не знал. Мать свою он почти не помнил. Когда был совсем маленьким, спрашивал о ней, но бабушка либо сердилась из-за этого, либо говорила о чем-то другом. Одно он знал, что мама — «негодяйка», «поваляка», «богемная фифа». Бабушка не любила говорить о ней, но почему-то его, Ромку, всегда с ней сравнивала. Причем не в лучших для Ромки обстоятельствах — когда он разбивал что-то, ронял, проливал, падал, упрямился или его ловили на лжи. «Вот, вот! — торжествующе восклицала баба Лида. — Будешь таким же поврякой, как мать!»

Несмотря на всю бабушкину хулу, он не считал мать таким уж ужасным созданием и научился пропускать мимо ушей все живописания мамочкиных недостатков. Бабушке вообще было свойственно все преувеличивать и обобщать. Если от соседей она слышала, что подорожает мука, то тут же начинала причитать и сетовать на то, «куда катится мир». Мир в ее устах должен был неизбежно скатиться в пропасть с минуты на минуту. Между тем, эти страшные пророчества не мешали ей мирно пить чай с теткой Валей или вязать шарф.

Делая перестановку «спичечной» мебели в своем картонном домике, Ромка думал о том, какой была бы у них жизнь, если бы мама все же появилась. Бабушка спит на тахте, на которой днем обычно лежит скрученный запасной матрац (из которого Ромка тайком выщипывал вату). Ромкина кровать маленькая и находится за ширмой между шкафом и дверью. Возле балконного окна разместилась бабушкина швейная машинка, заваленная ее халатами, свитерами, юбками и нижним бельем. Слегка упираясь в балконную дверь, у стены стоит старый комод, переезжающий с места на место по всей комнате чаще всего. Посреди комнаты — журнальный столик, скрытый под ворохом одежды, не влезающей в шкаф. Рядом со шкафом на тумбе телевизор. Тут же коробки со старыми журналами «Здоровье» и «Крестьянка», поздравительными открытками, лентами, пуговицами, древними брошками, значками, чеками, проездными билетами и другой интересной чепухой, которую бабушка любовно собирала долгие годы. Ромка обожал рыться в этих коробках и ящиках. Не умея еще читать, он с любопытством рассматривал каждую вещь. Этих вещей было так много, что мама среди них ну никак не уместилась бы. Мама была безнадежно лишней. Даже папа вынужден был спать на раскладушке в прихожей. Ради него несколько коробок бабушка переносила в комнату и ставила под Ромкину кровать. И теперь эта раскладушка, сломанная вредной теткой Валей, очень беспокоила Ромку. Где же спать папе? Он прикидывал и так и эдак, и все равно выходило, что надо покупать новую раскладушку.

Бабушка позвала Рому кушать манку. Он оставил свой домик и пошел на кухню. Там уже пахло бабкиным цикорием, разогретым сливочным маслом и молоком.

— Ну, ты умылся, горе луковое? — как всегда спрашивала она, глядя на него сверху вниз. И конечно, не дожидалась его ответа, а усаживала на табурет и подвигала тарелку с кашей.

Посреди манки аппетитно желтело маленькое озерцо растопленного масла. Ромка любил расширять его ложкой и представлять, что это пиратское море, по которому скользят галеоны, роль которых исполняли кусочки батона.

— Да ешь ты уже! — замечала бабушка задержку. — Остынет! Батон весь искрошил… Ох, нет моих сил! Мне что, из ложки тебя кормить?

— Я сам, — хмурился Ромка и погружал ложку в рот.

— Сам, сам… час над этой кашей несчастной сидишь! Сам! Что на обед готовить? Курицу с макаронами или с картошкой? — спрашивала она.

— С гречкой, — предлагал Ромка ради смеха.

— Значит, с макаронами, — задумчиво отзывалась бабуля, прихлебывая цикорий. — Картошки мало осталось. Надо бы на рынок съездить. И морковка кончилась. А денег — шиш! Пенсия моя только через неделю. А Валера не знаю, когда приедет.

— Нам еще раскладушку надо новую, — сказал Ромка, с тоской ожидая, что ответит бабка.

— И эта сойдет! Там только материя порвалась. Мы ее зашьем, и будет отлично.

Бабка говорила преувеличенно бодрым голосом всегда, когда не была в чем-то уверена. Было бы хуже, если бы она сказала: «Может быть, и так сойдет». Сомнения, все эти «может быть», «наверное», «я еще подумаю», «кажется», всегда значили, что она уже приняла решение и намерена его исполнять. Ромка взглянул на нее с надеждой и не стал капризничать, боясь разозлить. Он даже доел кашу и выпил свой чай с кусочком ненавистного желтого сыра.

Бабуля вымыла посуду, после чего они полчаса потратили на поиск катушки с толстой капроновой нитью. Ради этого включили все три лампы в большой комнате, что случалось редко. Тяжелое, сырое, блеклое декабрьское утро проходило оживленно из-за этих хлопот.

Они нашли нить и иголку и подступили к несчастной раскладушке. При ближайшем рассмотрении даже Ромке стало понятно, что эти инструменты не очень-то помогут. Центральная алюминиевая ножка-дуга пришла в совершенную негодность. Но бабушка упрямо начала сшивать порванную брезентовую ткань раскладушки. Когда-то прочная, со временем она порвалась во многих местах. Баба Лида сейчас заделывала самую большую «пробоину» посередке, проделанную ее подругой. Когда закончила, пригласила Ромку опробовать. Но стоило ему лечь на скрипучую шаткую раскладушку, как ткань треснула на месте нового бабкиного шва. А через секунду с грохотом окончательно развалилась.

— Я же говорил, что надо другую покупать! — радуясь в душе, веско сказал внук и пнул ногой остатки раскладушки.

Бабка была явно смущена и озадачена. Она поскребла нечесаную голову и скорчила гримасу.

— На какие шиши, Ромочка?

— А папе на чем спать? — возмутился внук.

— На полу постелим…

— Вот сама на полу и спи! Всегда у тебя денег нет! А мы что, каждый раз новую раскладушку покупаем?

— Да, не каждый, — согласилась Лидия Михайловна, удивленная такой сообразительностью и настойчивостью внука. — Ну, ладно. Посмотрим.

Прошло несколько дней. Отец все не приезжал.

Ромка, всегда гулявший после обеда, неприкаянно бродил по обледенелому двору. Красивые машины, припаркованные у обочины, его не занимали. Не веселили глаз перемигивающиеся огоньки новогодних гирлянд в окнах. Было так морозно, что даже вороны не появлялись у мусорных баков. Люди спешили к подъездам торопливой рысцой.

Бабка поставила Ромку перед выбором — или гулять, или учить новые буквы. Он выбрал прогулку, потому что уроки азбуки делали бабу Лиду кем-

то непонятным и чужим для него. В обычной жизни она была рассеянна и не очень сообразительна, что, в общем, Ромку, устраивало. Всякая другая роль его бабке не шла. Особенно когда в ней обнаруживалось знание вещей, недоступных ему пока.

Он отломил с низкой крыши почти разрушенного домика на неприютной детской площадке сосульку и осторожно лизнул ее. Во рту появился вкус резины и зимы. Откусив кусочек, покатал ледяной хрусталик горячим языком.

— Ромка! — выстрелом грянул бабкин голос. — Сосульки жрать?! Я вот тебе! Ну! Кому говорю! Мне потом с твоими температурами не спать ночами?

— Я только посмотрел, — соврал Ромка, нахмурившись.

— Видела, видела я! Наказание мне какое! Ну… Я на рынок. Со мной поедешь? — Бабушка была груба, но сейчас ее, видно, занимало что-то другое, иначе разбирательство продолжилось бы. И возможно, не к Ромкиной пользе.

— Поеду, — буркнул он и взял ее протянутую в варежке руку.

Ромка не любил походы по магазинам и рынкам, но и сидеть дома одному не хотелось. Его утомляло долгое приценивание бабы Лиды к товарам, утомляли ее блуждания между рыночных рядов или мимо магазинных полок. Вот и в этот раз они битый час промыкались у рядов, за которыми стояли торговцы картошкой. Бабка разве что не надкусывала грязные клубни и пытливо выспрашивала, не разваливается ли картошка при варке. Точно так же они покупали морковку. Наконец после всех покупок она приобрела «баловство» — три апельсина и пару бананов, сказав при этом продавщице: «Мне уже ничего в этой жизни не надо. Вот все ему, Ромочке моему, внуку. Пусть поест витаминов. Пока могу — покупаю. А то что ни день, то новая цена. Куда придем? Что будет? Как жить?» Дебелая тетка за прилавком в синем халате поверх шубы улыбалась и поддакивала: «Ох, и не говорите, женщина! Не говорите!»

Ромка почему-то всегда испытывал при этих разговорах стыдливое беспокойство, потому что бабка опять не походила на себя с этим своим слезливо-жалобным голосом. И с облегчением вздохнул, когда, наконец, направились к выходу из рынка.

На полпути к метро баба Лида вдруг словно опомнилась.

— Давай-ка в мебельный зайдем!

Ромка почувствовал волнение. Надо отдать бабуле должное — она никогда и никуда не ходила только для того, чтобы на что-то поглазеть. Обязательно с какой-то целью.

Они вошли в огромный магазин, заставленный разнообразной мебелью. Шли мимо шикарных мягких уголков и спальных гарнитуров, кровати из которых заняли бы собою всю их большую комнату. Ромке стоило трудов представить себе жилье, куда могла бы поместиться вся эта неудобная роскошь.

Они прошли мимо компьютерных столиков и целого ряда мягких стульев, вытянувшихся, будто солдаты в строю. Ромка тут же представил себя генералом, принимающим парад. Идя за бабулей, он втихомолку заважничал, нахмурил брови и стал немножко чеканить шаг. Одному стулу-солдату даже сделал строжайший выговор за слишком кривые ножки и вообще несерьезный вид.

— Ромка! — позвала его баба Лида. Он подошел.

…На небольшом возвышении стояли раскладушки. Маленькие и большие. С мягким поролоновым матрацем и просто из ткани. И все дивных рас-

цветок. Их старая раскладушка в сравнении с этими казалась доисторическим чудовищем.

— Ну, какую будем брать? — заправив в пуховый платок выбившуюся седую прядь, спросила бабушка, словно она была джинном, а он — Аладдином в пещере сокровищ.

Ромка улыбнулся и приступил к выбору. Он осмотрел и ощупал каждую раскладушку. Принял во внимание жесткость ткани, расцветку, цену…

Покупка совершилась как-то уж очень быстро. Через несколько минут им принесли со склада завязанную и упакованную в целлофан раскладушку и сказали «спасибо, приходите еще». Несмотря на то, что нести ее оказалось неудобно, Ромка был счастлив.

Так вдвоем, спотыкаясь и задевая углы, они внесли новую мебель в квартиру. Ромка тут же принялся срывать упаковку.

— Да погоди ты, оглашенный! Разденься-то хотя бы вначале! — смеялась баба Лида. — Слышишь, что говорю? Потом, потом! Успеешь еще! Ну вы посмотрите, что делается!

Раскладушка уже стояла на своем месте в прихожей возле трюмо. Ромка с криком рухнул на нее. Она и пружинила замечательно, без оглушительного скрипа, как прежняя, и выглядела как настоящая кровать. Новая раскладушка была чудо как хороша. Ромка представлял, какой сюрприз выйдет для папы, когда он приедет, как удобно и уютно ему будет на ней спать, как они устроят на ней шуточную возню утром и как бабушка их будет бранить и разгонять…

Прошло еще несколько дней. Приближался Новый год. Собранная раскладушка покоилась за шкафом.

Ромка подолгу простаивал у окна, уткнув нос в холодное стекло. Иной раз, увидев мужскую фигуру, идущую из-под арки к их подъезду, он переполнялся восторгом, сердце начинало биться нестерпимо… Но, рассмотрев хорошенько идущего, задыхался от обиды, глаза его наполнялись слезами, и он забирался под стол, укрытый до пола толстой скатертью с бахромой. Он скулил в теплом пыльном полумраке до тех пор, пока бабка не обнаруживала его и не одаривала конфетой.

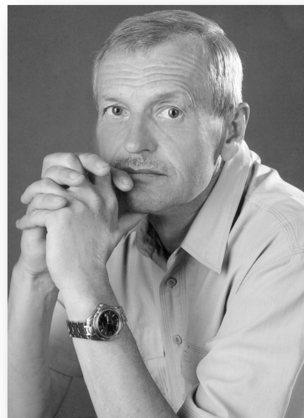
В их доме что-то происходило. Что-то тайное, неприятное, что скрывалось в бабкиных разговорах и недомолвках. Ромка ничего не мог понять. «Что ты себе думаешь? И что?.. А ребенок? Ты хотя бы подумал, как теперь?» — иногда слышал он обрывки бабушкиных телефонных переговоров с кем-то за плотно закрытой кухонной дверью.

А однажды, рано вернувшись с прогулки, он подслушал бабкин разговор с теткой Валей.

— Ох! Валечка, я уж не знаю, как ему объяснить. Вот ждет же… Каждый день ждет. А что я могу объяснить? Что папка его в Германии этой жить остался? Что женка его дурная и слышать о мальце не хочет! Выдра поганая! Ты ее видела? Кобылища здоровая, пахать на ней надо, а у нее ногти, как вот эти ножи. Вцепилась в него ими… Уволокла моего Валерочку… А Ромка в чем виноват? Дитя ж его, кровное! Приеду, говорит, только в мае или июне. И то — как получится… Вот жизнь! Мать художницу из себя строит где-то… Мой обалдуй за этой поганкой хоть на край света готов ускакать… А о ребенке никто и не подумает! Господи, господи…

Услышав тихий звук за дверью, бабушка выглянула в коридор и наткнулась на внука.

— Ты чего под дверью сидишь? Ну, что за нюни такие? Кто обидел моего Ромочку? Опять этот архаровец из шестой квартиры? Не плачь, солнце мое, не плачь… Я ему уши надеру, поганцу этому!

Юрий МАТЮШКО

Я снова болен тишиной

Размышления об утрате гордости

Г. В.

Опять уходит год очередной
Куда-то вниз, в забвение архивов...
Грудь колесом, а все-таки спиной
Ты чувствуешь себя, как прежде, хилым.

Чего достиг? Что нового открыл?
Что всколыхнул в самом себе и в мире?
Для пыльных дел растрачивая пыл,
Не потерял ли всуе силу крыльев?

Что толку, что однажды твой накал
Вдруг высветил тебя для тех и этих...
Теперь тошнит от всяческих похвал,
Когда твои творения не светят.

Пора бы сделать что-то на века,
Убив и спесь, и гордость, чтобы следом
Исчезла небывалая тоска
От горечи незначащей победы.

* * *

Я снова болен тишиной,
Той удивительной, заразной,
Когда несказанные фразы
Проститься не хотят со мной.

Сметая прожитые годы,
Приподнимаясь, словно вал,
Подходят к горлу и отходят
Невыразимые слова.

Они копились в чувстве старом,
Но, возрождаясь в этом дне,
То обжигают прежним жаром,
То леденят сознанье мне.

И сквозь обилие реалий,
Где жизнь течет путем иным,
Прилив пронзительной печали
Выносит боль из глубины.

Замкнулся круг, неясен выход,
Наружный мир и слеп, и глух,
И все вокруг так тихо-тихо...
Так тихо-тихо все вокруг.

* * *

Река покрыта тонким льдом —
Морозы не крепки.
Зимуют лодки кверху дном
На берегу реки.

Жгуты поземки озорной,
Змеясь, скользят по льду,
А ветра заунывный вой
Зовет сюда беду.

И хоть морозы не близки,
И снег идет сейчас,
Понятен страх и всплеск тоски
Из круглых рыбьих глаз.

Тихонечко подходит ночь,
Не видно ни шиша.
Рыбешкам хочется помочь
Окошко продышать.

Зимы погибельная суть
Нащупывает путь,
И всем охота как-нибудь,
Не сдохнуть, а вздохнуть.

* * *

Огонь устал дожевывать дрова,
Кусты, сойдясь плотнее, стали стенами...
Ночь предъявила все свои права
На тягостную жуть и запустение.

Костер погас. Чай медленно остыл...
Кто б ведал — до чего ж сейчас не хочется
Перебирать тягучие часы
Холодного ночного одиночества.

Луна зайдет за облачный проем,
И чернотою тут же станет серое...
Посветишь в тьму внезапно фонарем —
Глаза блеснут ответно из-за дерева.

От этой вспышки шевельнется лес.
Почувствуешь почти одномоментно
Неясное присутствие чудес
И странно-неуместный запах «Кента»...

Быть может, это кошка, может — рысь...
Но ты себя сомненьями не мучай
И вслед за словом «Брысь!» перекрестись.
(На всякий случай.)

* * *

Рыбалка без удачи —
И ужин без ухи.
Нехитрый быт бродячий
Не может быть плохим.

Привычен и обычен
Вечерний слой забот.
Нет дождика — отлично!
Безлуние — не в счет!

Волна стучит по лодке,
Посаженной на цепь.
Костер, закуска, водка...
Но хмель — не самоцель.

И нужно так немного
Для ясности лица.
Была бы лишь дорога,
Которой нет конца,

И песни, и стихи, и
Огни походных дней.
Мы сучьями сухими
Раскрасим жизнь огней.

А там, за разговором,
Глядишь — и ночи нет...
И время вбросит хворост
В алеющий рассвет.

* * *

Прикарпатский пейзаж
Мне уже позабыть не дано!
Тяжесть снега на елях
Немного смущает, однако...
От мороза не гнутся
Дымки от соседних домов.
Каждый домик на склоне
Стоит с восклицательным знаком.

Эх! Какая зима!
Ну а в полдень — тепло, как весной,
Только снежные шапки
На крышах лежат и не тают.
Здесь особенный воздух.
Мир пахнет сосновой смолой...
И красиво настолько,
Что, кажется — так не бывает...

* * *

Едва поток тепла и света
Взволнует почвенный покров —
Из глубины тысячелетий
Возникнет первородный зов.

И ставши стимулом к побудке,
Давая силы для начал,
Все тайны стартовых минуток
Доверит солнечным лучам.

Стремленье к жизни умножая
На еле различимый звук,
Он переполнит ожиданьем
Поля озимые вокруг.

Пусть утвержденье небесспорно,
Что зерна могут говорить,
Но под землей шептались зерна:
«Пора всходить, пора всходить...»

* * *

Порядком не отмечен мир подлунный,
А впрочем, это было так и встарь:
Спешат-бегут апрели и июни,
И вовсе не торопится январь.
И даже среди мелких дней недели
Нет равенства в секунде ни в одной:
Плетется, как побитый, понедельник,
Стремительно проходит выходной.
Неравномерны дни и годы наши.
Пойми, терпи, не жалуйся, не плачь,
Когда опять строптивый день вчерашний
Несется от тебя куда-то вскачь.

* * *

Ну, да — так да. Ну, нет — так нет.
Все честь по чести...
Пусть мотыльки летят на свет.
Финал известен.
Осталось жить, скулить и петь,
И, по наитью,
Стараться больше не кипеть
В котле событий.
Но все еще глядишь вперед
Неосторожно,
И кажется, уйти в полет
Совсем не сложно,
Взлететь, не ведая куда,
И в миг запарки
Подумать: «Падшая звезда
Сгорает ярко».

* * *

Узнать бы истину простую,
Увидеть бы от Бога знак.
Спросить — зачем мы существуем?
За что мы существуем так?

Ушел бы по дороге к Богу,
Просить прощения за грех.
Но скручена в спираль дорога,
И не понять, где низ, где верх.

Георгий ЗАХАРОВ

Будни уголовного розыска

Документальная повесть

Утро в УГРО

В осенние дни начала октября 1926 года Минск был тих и спокоен. Город приходил в себя после долгих лет революций и войн. Пестрели вывески открывшихся с началом НЭПа всевозможных магазинов и мастерских. На Нижнем рынке вовсю шла торговля. Озабоченно спешили по улицам пешеходы. Деловито позвякивала конка.

Инспектор уголовного розыска Константин Стельницкий, с удовольствием вдыхая прохладный осенний воздух, шел по засыпанной опавшими листьями улице. Уже пять лет он работал в милиции, и служба нравилась ему все больше. Правда, последнее время ему поручали дела о разных хозяйственных и финансовых правонарушениях, а это было скучнее грабежей и разбоев, расследованием которых он занимался раньше, но так решило начальство, исходя из его гимназического прошлого, а начальству, как известно, всегда виднее.

Ему было двадцать девять, он был симпатичен и остроумен, хорошо сложен и модно одет. Жизнь виделась ему в розовом свете. Девушки его любили, пиджак английской шерсти хорошо облегал его стройную фигуру, а кольт приятно оттягивал кобуру под пиджаком.

Управление милиции и уголовного розыска НКВД БССР, где работал Константин, находилось на улице Ленинской.

Утро в управлении начиналось как обычно. Из репродуктора вещало Белорусское радио, которое впервые вышло в эфир меньше года назад. Диктор бодро зачитывал республиканские новости.

Регистратор Настя Балбашевич с увлечением распространяла среди сотрудников всевозможные городские и учрежденческие сплетни.

Агент первого разряда хозяйственный Фома Грибов пытался получить у заведующей складом Фриды Ароновны, крупной и шумной женщины, дополнительные к положенным на обмундирование сапоги, пуская для этого в ход все свое мужское обаяние, но пока безуспешно.

Юрисконсульт управления Василий Лукич Лукин, работавший еще в минской полиции и привлеченный сейчас в милицию как специалист, солидно пил чай и изучал статью с осуждением политики Юзефа Пилсудского в газете «Звязда».

Заместитель начальника уголовного розыска Исаак Чертов и инспектор Иосиф Майзельс готовили на партсобрание вопрос о внутрипартийной дискуссии. При этом они спорили и часто употребляли фамилии Троцкий, Сталин и Зиновьев.

Агент второго разряда симпатичная Мария Некрасова обсуждала наряды Марлен Дитрих из последнего немого фильма, просмотренного в кинотеатре «Интернационал», с хорошенькими машинистками Зоей Петрашкевич и Зоей Шапиро.

Константин, проходя мимо Некрасовой, подмигнул ей: «Сегодня вечером встречаемся!»

«Если будет время», — улыбнулась в ответ Маша.

День начинался неплохо.

Пятиминутка

В кабинете начальника уголовного розыска как всегда с утра проходила пятиминутка, которую местные остряки называли пятидесятипятиминуткой. Все пять инспекторов уголовного розыска на этот раз были на месте. Каждый из них возглавлял группу, куда входило по несколько агентов и субинспекторов. Теперь им надо было отчитаться по делам и получить задание на сегодня.

Начальник управления — Виктор Иванович Бальзовский, эту должность занимал недавно. Прежний начальник — авторитетный Ефим Моисеевич Король летом пошел на повышение, возглавив всю Главмилицию, а Бальзовскому еще предстояло завоевать авторитет в УГРО. Виктор Иванович был человеком мягким и любил своих подчиненных. Но ему казалось, что в эти суровые послереволюционные дни он должен проявлять строгость, и поэтому, слушая их отчеты, он периодически ворчливо повторял: «Вот видишь, как у тебя все получается», что должно было означать, что получается плохо.

— Якутик! Николай! — начинал он обычно. — Ну-ка расскажи нам, как ты расследуешь изнасилование и убийство Яхи Мармур. Уже три месяца ты возишься с ним и не можешь передать следователю. У тебя что, нет подозреваемых, или ты просто не можешь разобраться?

Добродушный Коля начинал оправдываться и докладывать, что сделано уже очень много, но он думает, что это дело рук не местных, а «залетных», которых найти будет трудно. Накануне убийства свидетели видели потерпевшую в городском театре в компании каких-то приезжих «крутых» мужчин.

— Так работай! Вот еще одно твое нераскрытое дело! — распекал подчиненного строгий начальник. — Заявление гражданки Энгельсон Сони Самуиловны. Читаю. В 11 часов вечера к ней в лавку на улице Ленинской, 21 ворвался неизвестный с револьвером. На зов Энгельсон прибежали соседи, которые впоследствии отдали ей куртку на вате, оставленную злоумышленником при побеге. И где, спрашивается, преступник?

— А это тоже, скорей всего, приезжий, — отвечал Николай, — меня и самого последнее время беспокоит, что наша минская преступная «гвардия» ищет связи с иногородними коллегами. Об этом и секретные осведомители доносят.

— Ему просто везет на революционные фамилии, — решил пошутить Костя Стельницкий, — у него и подозреваемые были братья Колонтай.

— Очень остроумно, — переключился на Стельницкого Виктор Иванович. — Ну что ж, заслушаем остряка. Я, конечно, понимаю, Константин, что кругом много симпатичных девушек и что приятнее улыбаться Маше Некрасовой, чем разбираться с жуликами, расхищающими народное добро. Но что делать, дорогой друг. Раз ты выбрал нелегкую милицейскую службу, то

иногда надо и поднапрячься! Ну-ка, расскажи, как ты работаешь со статьями рабкоров в газетах и почему у тебя так много фактов из заявлений и печати не подтверждается. Ты знаешь, сколько на тебя жалоб со стороны авторов сигналов? Вот пенсионер Эпельбаум хочет жаловаться на тебя самому товарищу Менжинскому!

— Ну, это они не правы, Виктор Иванович! — бодро противоречил Константин. — Например, возьмем заявление Эпельбаума. Ему на улице Школьной незнакомый гражданин предложил купить какао по неприлично низкой цене, и тот с удовольствием купил, а потом приходит к нам в уголовный розыск и заявляет, что ему продали не какао, а «дрянь». Что ж, мы задержали в Первой советской гостинице агента по распространению ленинградской фирмы «Ленкофпром» Кайгородцева, который это какао Эпельбауму продал. И еще трех его коллег. Они пояснили, что продавали не порошок какао, а суррогат какао «Какао-Велло», как и было написано на коробке. Я препроводил порошок в Белорусский Пастеровский институт для химического исследования, и он был определен именно как суррогат какао, приготовленный из так называемой шелухи какао, без вредных для здоровья веществ. Вот я в возбуждении дела и отказал, а пенсионер требует вернуть деньги. Мне, конечно, жаль уважаемого Иосифа Израйлевича, но ему надо было смотреть, что он покупает.

— А как же с сигналом завдомами первого района Минсккомхоза товарища Плавина? — не сдавался Виктор Иванович. — Он сообщил, что профессор Яцентковский — заведующий Станцией по охране растений и борьбы с вредителями, при внесении оплаты за квартиру представлял ему сомнительные справки о размере заработной платы, исходя из занимаемой квартиры в семь комнат и мизерной оплаты труда. Вот товарищ Плавин и проявил бдительность, а ты в возбуждении дела снова отказал.

— А я проверил, и все оказалось правильно. Профессорам, наверно, надо больше платить, а товарищу Плавину меньше завидовать. С рабкорами у меня, кстати, тоже все в порядке. Где есть преступление, передаю следователю, а нет, так отказываю.

— Ну, ты, Стельницкий, как всегда самый умный. В своем репертуаре, — подвел итог Виктор Иванович.

— Стараемся, — тихо пробормотал Костя.

Но Бальзовский уже не слушал его и перешел к следующей жертве.

— Товарищ Майзельс! — продолжал Виктор Иванович. — Ты же знаешь, Иосиф, какое значение придает партия борьбе с беспризорностью, как по этому поводу высказывался товарищ Дзержинский. Ты же ответственный член партии. А что у тебя получается? Ничего не получается у тебя. Вот, пожалуйста, сводка за последние два дня. В Комиссии помощи детям, путем взлома висящего на шкафу замка, совершена кража вещественных доказательств! Хорошо еще, что это не настоящие пистолеты, а пугачи, но для вооруженных нападений подходят. И кто совершил кражу? Несовершеннолетние беспризорники Щербович, Пугачев и Довнар. У Щербовича пугачи изъяли, он дружков выгораживает, а те в бегах. И как их ловят, я спрашиваю? Или вот кража кинопленки из шкафа в кинотеатре «Интернационал». Задержан беспризорный Гусаров Иван, а Микулич Антон с пленкой скрылся. Крадут что ни попадя!

— А почему им не красть? — горячился Майзельс. — Они смотрят на разжиревших нэпманов — буржуев, и им завидно. Правильно говорит товарищ Троцкий, что введение НЭПа большая политическая ошибка. И я думаю, эта точка зрения победит в партийной дискуссии.

— Но-но Иосиф! Ты в политические дебри не лезь, а с беглыми беспризорниками разберись, — поставил точку в дебатах демократичный руководитель.

— И кстати, разберись с проникновением в квартиры без взломов. Это тоже твое направление. Ты видишь, сколько таких краж в последнее время. Я чувствую, что это наши городские «тихушницы» — Маня Каган и Ксения Потапенко активизировались. Поработай с ними! Давно мы не были «в общежитии воров» в Добромысленском переулке. Курилюку тоже не мешает побывать там, вот вместе и сходите.

Не трогал на совещаниях Бальзовский только инспектора Рызвановича, солидного мужчину за пятьдесят, который работал судебным следователем еще в царское время, а теперь был привлечен как специалист. Рызванович своей группы не имел. С ним консультировались по сложным вопросам юриспруденции, криминалистики и оперативной работы, а кроме того, он проверял все заключения работников розыска на предмет их законности и юридической грамотности.

Пропесочивание оканчивалось на инспекторе Григории Курилюке, группа которого занималась сельскими и карманными кражами, бандитизмом и хулиганством.

Тут уж Виктор Иванович проявлял всю иронию и буквально разливался соловьем, живописуя многочисленные кражи на Нижнем рынке, в транспорте и в учреждениях. Некрасноречивый Григорий — бывший кронштадтский матрос, обычно ничего не отвечал на критику, внимательно изучая пол.

Теперь Виктор Иванович приготовил убийственный факт — кражу шинели часового из приемной Совнаркома. Действительно, там из дежурной комнаты украли плащ постового милиционера первого отделения Минской окружной милиции — и только случайно похитившего плащ рецидивиста Рогозина задержал на Виленском рынке субинспектор Лаппо.

— Это же надо! Докатились! Скоро украдут одежду у товарищей Червякова, Адамовича и Голодеда! Вот как мы работаем! — возмущался Бальзовский. — А вот случай не лучше. На прошлой неделе ответственный дежурный по уголовному розыску товарищ Алешкевич получил от осведомителя секретные сведения о том, что в конце Коммунальной улицы находится неизвестный конокрад с краденой лошадью. Твои люди, Григорий, выбывали туда — Гильденгирш и Берман, но конокрада не задержали. Хорошо, что задержали хотя бы лошадь, но и тут уже неделю ищете ее хозяина. На конке проехать опасно — могут обокрасть, автобус пустили, и тут карманники орудуют! Хулиганство расцветает пышным цветом. Одинцов Александр двенадати лет и Филиповский Георгий четырнадцати лет в Александровском сквере сели на скамейку возле потерпевшего Круглова и без каких-либо причин начали наносить последнему всякие словесные оскорбления. Это что — борьба с хулиганством? Это касается и Иосифа Майзельса с его несовершеннолетними.

Кстати, на последнем совещании в НКВД ставился вопрос о том, что борьба с хулиганством ведется слабо, и оно приняло широкие размеры, особенно среди сельской молодежи, — перешел к общим вопросам Бальзовский. — Как всегда на совещании указывали, что дознание проводится с недостаточной полнотой и мало уделяется внимания выявлению фактов преступлений, имеется волокита, — продолжал он. — Судьи жаловались на то, что дела направляются к ним неравномерно, что милиция не обеспечивает своевременно доставку подсудимых в суд. Подсудимые требуют доставлять их в суд на телегах, а гужевого транспорта не хватает, вот и срываются засе-

дания судов. Обращалось внимание начальников милиции, что совсем плохо ведется «барацьба з таемным брагаварэннем», — прочитал выдержку из протокола Бальзовский.

И вспомнив «родную мову», Виктор Иванович продолжил накачку подчиненных уже по другому важному вопросу тех лет — вопросу «белорусизации».

— На прошлой неделе по этому поводу поступило очередное секретное указание из ЦК. Вы его читали. Там черным по белому написано, что надо немедленно перевести всю переписку на «беларускую мову». В разговорах между собой и с посетителями использовать исключительно белорусский язык. Доносить о сотрудниках, которые не знают «мовы» и не хотят ее учить. Начальники должны сами в первую очередь «ведаць мову» и служить примером. А у нас что получается? Если подчиненные уже в большинстве перешли на «мову», то вы, товарищи инспектора, явно скромничаете. Особенно это касается Стельницкого и Курилюка. Вы ж сами белорусы. Почему такое отношение? У тебя, Константин, все подчиненные пишут на белорусском, а ты нет. Красиво и подробно пишет Филанович, старается парень. Он, правда, иногда перебарщивает. Вот написал в заключении «дакладная писулька загадчыка склада Пупкина». Смешно. Но лучше писать так, чем вообще игнорировать партийные решения о переходе на белорусский язык. Вот вам прямое указание. Со следующей недели все заключения и другие документы только на «беларускай мове». И это не обсуждается. В ближайшее время будет проведена проверка. Кто не примет мер, будут сделаны надлежащие выводы.

Стельницкий и Курилюк что-то бурчали себе под нос. И если слова Константина были непонятны, то у Григория явно прослеживалось «заниматься ерундой».

— Совещание окончено. Работайте, товарищи! — дал последнее напутствие подчиненным Бальзовский.

И они пошли «ветром гонимые и солнцем палимые», как образно выражался Стельницкий, выполнять поручения любимого начальника.

Впрочем, Виктор Иванович явно сгущал краски.

Созданная в 1917 году минская милиция в начале 20-х годов повела наступление на преступность, которая пышным цветом расцвела в городе во время революционной неразберихи, немецкой и польской оккупации. Удалось почти ликвидировать массовый бандитизм, успешно раскрывались кражи и грабежи, пресекалось хулиганство, расследовались факты мошенничества и хищения народного добра. И с «белорусизацией» все обстояло совсем неплохо. Уже почти все документы писались на белорусской мове.

Николай Якутик

Инспектор первой группы. Группа специализировалась на тяжких преступлениях — грабежах, разбоях, изнасилованиях, убийствах. В группу входили агенты Бронислав Ольховка, Александр Адамович, Невах Марголин.

Коля Якутик родился в Минске в Завокзальном районе. Дом его родителей находился на улице Красивой. Улица и правда была красивой, но абсолютно сельской, а не городской. Вдоль нее стояли деревянные дома с сараями во дворах, садиками, огородами. Вокруг росли огромные клены, тополя, березы и сосны, красивые декоративные деревья. Дороги и окрестности летом

зарастали травой. Здесь держали коров, коз, свиней, кур. Зимой все засыпало снегом так, что было трудно не только проехать, но и пройти. Из домов доносился стук ткацких станков — кросен. Хозяйки ткали холсты. Все это очень напоминало деревню, и единственным отличием было то, что воду брали не из колодцев, а из стоявших на улице колонок.

Коля и рос как деревенский ребенок — на приволье. Любил играть с соседскими детьми в «чижа», салочки, бегать в догонялки. Нравилось ему купаться и ловить рыбу, хотя река была далековато. Его приучили помогать родителям и старшим братьям работать на огороде, ухаживать за скотом. Повзрослев, Коля пошел в начальную школу. Он увлекся спортом, ходил на стадион в городской сад и упражнялся на гимнастических снарядах. Особенно ему нравилась борьба. Занимался он в атлетическом товариществе «Sanitas», где не только боролись, но и поднимали гири и штангу. В 1914 году на Всероссийской олимпиаде в Риге чемпионами по поднятию тяжестей стали члены товарищества Александрович и Сакалдинский. Шестнадцатилетний Коля пытался бороться с взрослыми чемпионами, но безуспешно. Неизменно он оказывался на лопатках, однако это его не огорчало. Ему нравился сам процесс.

Потом Николай устроился учеником на чугунолитейный завод «Энергия» на Нижней Ляховке. Вскоре началась война. В армию его не призвали, не хватило возраста, а потом вообще наступила революционная неразбериха. Коля, как сознательный рабочий, ходил на митинги и демонстрации. Слушал и большевиков, и эсеров, и кадетов. Большевики ему нравились больше, их лозунги были просты и конкретны.

Власть в Минске часто менялась — Временное правительство, немцы, Рада, большевики, поляки и снова большевики. Николай записался в Красную Армию и успел повоевать на польском фронте.

Когда после Варшавы был подписан мир, он поступил на службу в милицию — в уголовный розыск. Сначала работа была очень неспокойной. Преступность расцвела пышным цветом. Убийства, разбои, грабежи, кражи стали обыденным явлением. И в Минске, и в окрестных районах осталось много банд. Граница с Польшей была рядом, охранялась она плохо, и бандиты спокойно перемещались через нее. Царили разруха, голод, и как следствие — спекуляция, самогоноварение, контрабанда.

Милиция училась работать, и Николай учился вместе с ней. Якутик был крепким парнем, знал приемы борьбы, неплохо стрелял. Поэтому его в основном использовали для борьбы с бандитизмом, и не только в Минске, но и на периферии.

Несколько операций запомнились ему хорошо.

Около четырех лет в Минском, Борисовском и Оршанском округах свирепствовала банда Минича и его подручного Заковского, совершая нападения на небольшие населенные пункты, где грабила местное население, не останавливаясь и перед убийствами. После нападений бандиты уходили за рубеж, где отсиживались, а потом появлялись снова.

В апреле 1924 года бандиты численностью до пятидесяти человек между станциями Крупки и Бобр разобрали железнодорожное полотно и остановили курьерский поезд, следовавший в Маньчжурию. Перебили охрану и сопротивлявшихся проводников и начали грабеж пассажиров и багажного вагона.

По тревоге были подняты части особого назначения и милиция. Якутик командовал группой милиционеров. Когда они на особом составе приблизились к остановленному поезду, бандиты стали отступать к лесу. Завязалась

перестрелка. Пули посвистывали вокруг, но в азарте боя страшно не было. Николай по приметам знал Монича и искал его в толпе отступавших к опушке леса. Наконец увидел Монича и несколькими выстрелами уложил его. Вскоре все было кончено. Часть бандитов были убиты, а часть сдались. Но Заковского среди них не оказалось, он успел улизнуть.

Заковский опытный преступник, на его счету было уже три побега из мест заключения. Отсидевшись в одной из деревень, он сколотил новую банду и снова начал грабежи в окрестностях Крупок. Его объявили в розыск.

Прошел почти год, и вдруг к Николаю поступили агентурные сведения о том, что родственник Заковского выдает дочь замуж за одного из бандитов и что почетным гостем на свадьбе будет сам Заковский. На этот раз решили взять его во что бы то ни стало. Тщательно разработав план операции, группа Минского уголовного розыска выбыла на станцию Славное. Туда же прибыл и конный эскадрон милиции. В группе у Николая были крепкие проверенные парни — Фома Грибов, Броник Ольховка, Алесь Адамович, Невах Марголин. На станции их уже ждали местные милиционеры. Опытный в таких делах Грибов пошел с ними в разведку на хутор, где планировалась свадьба. «Все нормально, Заковский там, охраны нет», — вернувшись, доложил он.

В полночь, под покровом темноты милиционеры окружили хутор. Ярко освещенные окна были распахнуты настежь. Слышались пьяные крики и песни. Повизгивала гармошка. Свадьба «пела и плясала». Когда кольцо окружения сомкнулось, Николай, Фома и Невах ворвались в дом: «Руки вверх! Всем стоять на месте! Бросай оружие!» Снаружи в окна просунулись ружья. Гармошка смолкла. Девчата пугливо озирались на милиционеров. Бандиты остолбенели, подняли руки и начали сдавать оружие. Однако в этот момент в лампу полетела табуретка, стало темно, и началась неразбериха. Девушки визжали, мужчины матерились, снаружи послышались выстрелы, милиционеры стреляли в воздух. Никому из дома вырваться не удалось. Николай с товарищами фонариками осветили комнату, приказали хозяину принести лампу. Бандитов стали выводить из дома, однако Заковского среди них не оказалось. Фома Грибов в шкафу нашел бекешу Заковского с маузером в кармане. Значит, он где-то затаился. Ольховка, Адамович и Марголин стали осматривать дом и над печкой нашли лаз на чердак. Увидев это, хозяин диким голосом заорал: «Уцякайце, у яго бомбы!» — предупреждая спрятавшегося родственника. Схватка на чердаке была короткой. Заковского, разгребавшего солому в крыше, Ольховка и Адамович повалили на пол. Он отчаянно сопротивлялся, но Марголин и Грибов связали его. «Жалко, пистолета не было, всех бы вас положил!» — в запале кричал он. Но когда его спустили с чердака и он понял, что это конец, с бандитом произошла разительная перемена. Заковский рухнул на колени, завыл и стал униженно молить о пощаде, сваливая все на Монича. Да, жалкое зрелище, а сколько горя принес людям! — подумал Николай и скомандовал: «Вяжите бандитов и грузите на телеги!» Потом этот «груз» разместили в товарном вагоне и доставили в Минский дом предварительного заключения, который, как и до революции, располагался в красивом памятнике архитектуры — «Замке Пищало».

Теперь, в 1926-м работать стало спокойней. Бандитизм пошел на убыль. Убийства и разбои были редкостью. Работа милиционеров, как и окружающая жизнь, входила в бытовую, прозаическую, а порой и бюрократическую колею. Заедала текучка и писанина. К этому Николай привыкал трудно. Ему проще было немного пострелять.

После совещания у начальника он собрал свою группу, чтобы передать

ей «положительный» импульс, полученный от руководства. Кроме того, надо было подготовиться к отчету на большом совещании в НКВД на следующей неделе. Группа стала вспоминать, чем же она занималась с начала года. В основном это были бытовые преступления. Часто они совершались в окрестностях Минска.

«Что у нас было серьезного, вспоминайте! Бронислав — дело Польгунова».

Да, было у Ольховки такое дело. В апреле произошло нападение на кассира совхоза «Лошица» Уельского и счетовода Киселя. Несколько мужчин с револьверами остановили подводу, на которой они ехали, и забрали у них 102 рубля совхозных денег. Ольховка выяснил приметы нападавших, установил лиц, которые могли знать о том, что кассир вез с собой такую сумму денег, но дальше не продвинулся. Потерпевшие приметы грабителей запомнили плохо, проверка подозреваемых тоже ничего не дала, и дело приостановили. Однако в августе Уельский увидел в Минске мужчину, похожего на одного из преступников, и проследил за ним. Тот зашел в артель «Красный труд», торговавшую плугами и другими сельхозорудиями. Как оказалось, он там и работал. Ольховка установил, что это Григорий Польгунов, двадцати девяти лет, бывший милиционер второго участка гормилиции, полгода назад уволенный за пьянство. Подозреваемого негласно показали Киселю, и тот его тоже опознал. За Польгуновым начали следить, выяснили его связи. Брать его надо было осторожно, так как он был вооружен. Сделали это Ольховка и Марголин неожиданно и аккуратно, тот даже не успел опомниться. Сразу же его стали активно допрашивать. Польгунов вину признал и выдал сообщников.

В той же Лошице местного жителя Пашковского избили односельчане Жук и Жигалко, да так, что потерпевший попал в больницу. А Гурского Игнатия в деревне Цнянка отделали местные крутые мужики братья Колонтай Дмитрий и Федор под руководством своего отца Ивана, да еще и забрали 20 рублей. (Остроумный Костя Стельницкий поэтому и шутил, что Якутику везет на революционные фамилии и у потерпевших, и у преступников.) У одного из потерпевших, ограбленных односельчанами на дороге между деревнями Колодищи и Старина, кстати, тоже была своеобразная фамилия — Предатель.

Все это были обычные крестьянские разборки за землю и имущество, за неосторожное слово и косо брошенный взгляд, не требовавшие мастерства в их рассмотрении. Но эти факты надо было документировать, делать осмотры места происшествия, брать объяснения, изымать вещественные доказательства, получать заключения судебных медиков. Это была та рутинная работа, которая не слишком нравилась Николаю.

Последнее время рассмотрели несколько ложных заявлений. Люди уже научились их писать.

Из ГПУ поступило заявление красноармейца Маргелова о том, что на улице Ново-Мясницкой в Минске на него было совершено разбойное нападение. Красноармеец рисовал совершенно жуткую картину. В то время как он разговаривал со своей девушкой Пучок Марией, его окружили трое бандитов в масках с револьверами в руках и закричали: «Руки вверх!» Потом его обыскали, но, не найдя ничего, грабители удалились. Такой красивый рассказ сразу вызвал у Якутика подозрение, к тому же, по его сведениям, в окрестностях Ново-Мясницкой лиц, склонных к совершению таких действий, не было. Николай вызвал Пучок и спросил: «Что, Маня, страшно было, когда бандиты вас с Иваном грабили?» Девушка сконфузилась: «Да нет, товарищ

начальник, никто нас не грабил. Это Ванька из увольнения опоздал в часть и все выдумал».

А потом из ГПУ пришла информация и посерьезнее. Мол, у гражданина Сергейчика Ивана, который проживает в деревне Рудково, хранится оружие и польская литература. Когда Алесь Адамович приехал в деревню и стал беседовать с жителями, те сразу сказали ему: «Так гэта ж Сямен Баранаў піша са зла. Яго жонка да Івана бегае!» Все так и оказалось, а Семена Баранова послали подальше, разбираться в своих семейных отношениях.

Народ начинал понимать, каких заявлений ждут в компетентных органах. Правда, время их еще не пришло, пока еще разбирались объективно.

Сейчас Якутика беспокоило дело об убийстве и изнасиловании Яхи Мармур. Ее труп нашли подростки в Свислочи около Оранского моста (как раз в тех местах, где Николай в детстве любил удить рыбу) еще в июле. Судебно-медицинское вскрытие показало, что девушка была изнасилована и в бессознательном состоянии попала в воду. Смерть наступила от асфиксии, а проще — она захлебнулась. Подруга Яхи Нехама Шафир, с которой они вместе снимали комнату по улице Школьной, рассказала, что видела ее накануне вечером в гостеатре с несколькими хорошо одетыми «молодыми людьми мужского пола». Этих молодых людей она не знала и в городе до этого не встречала. Кто они были и как с ними познакомилась погибшая, Николаю и Ольховке установить не удалось. Дело приостановили, но Якутику не нравилось, что такие залетные личности действовали, а может, и сейчас находятся, в городе.

Якутик закончил совещание и пошел к своему коллеге и приятелю Косте Стельницкому, обсудить очередную «накачку» начальства.

Константин Стельницкий

Инспектор второй группы. Группа специализировалась на экономических и должностных преступлениях. В нее входили агенты Александр Емельянов, Алексей Филанович, Данила Странбурский.

Константин Стельницкий родился и вырос в центре Минска на Захарьевской улице. Достаточно просторная квартира его отца — известного в городе инженера, находилась в доме на пересечении с Петропавловской. Рядом располагалась «Константинопольская» кондитерская, популярная у минских детей и девушек. Это обстоятельство очень радовало маленького Костю, который неоднократно посещал данное заведение, сначала под присмотром родителей, а потом уже и самостоятельно. С удовольствием он разглядывал на витрине всевозможные восточные сладости и пирожные, а затем еще с большим удовольствием наслаждался их вкусом.

Константин учился в правительственной мужской гимназии на Губернаторской улице, совсем близко от дома. Ходил он в гимназию по Захарьевской, а потом по дворам мимо Лютеранской кирхи. Состав учеников казенной, как называли ее в просторечии, гимназии, был демократичнее, чем в частных учебных заведениях. С Константином учились и дети служивших дворян, и дети из разночинной среды. Много было юношей из застенковой шляхты, татарских дворянских родов. Конечно, гимназисты его гимназии враждовали и дрались с богатенькими отпрысками городских вельмож, которые предпочитали отдавать своих чад в частную гимназию Зубакина и Фальковича,

стоявшую на углу Скобелевской и Магазинной улиц. (Интересно, что в наше время примерно на этом же месте находится средняя школа № 4, где во времена СССР учились дети уже советской номенклатурной элиты.) Наряду с этим драки соучеников Константина происходили и с «реалистами», учащимися реального училища — учебного заведения попроще и победнее. Короче говоря, как сказали бы в наше время, Костя рос типичным представителем «среднего класса». Учителями в гимназии были порядочные и высокообразованные интеллигентные люди, поэтому Стельницкий получил прекрасное образование и воспитание. Правда, прививали им слишком идеальные понятия и представления, но повседневная жизнь ставила все на свои места, а последующие война и революция лишили эту часть минской молодежи остатков иллюзий. И все же порядочность всегда оставалась с ними.

Приобрести университетский диплом Стельницкому помешала начавшаяся в 1914 году война. Он пошел в школу прапорщиков, но на фронт не попал — началась революция. Константин всегда был сам по себе, ему не по вкусу были большевики, но еще меньше ему нравилась болтовня буржуазных партий и патриотический бред националистов. Стельницкий долго соблюдал нейтралитет. Появлялись мысли об отъезде за границу, но он всегда был очень привязан к Минску.

После долгих сомнений Константин все-таки поступил на работу в милицию, которую формировали большевики. Милиция по большей части боролась просто с преступниками, а не с политическими противниками коммунистов. Это все-таки было приемлемым для Стельницкого. Константин был хорошим спортсменом. Еще гимназистом занимался боксом, играл в лаун-теннис, неплохо стрелял. Костя был компанейским парнем, остроумным, приветливым, коммуникабельным. Это помогало в милицейской работе, давало возможность установить нужный контакт с людьми.

Благодаря гимназическому образованию Константина сразу назначили следователем и направили в транспортную милицию. Там он получил неплохой опыт, так как железная дорога во время Гражданской войны была чуть ли не центром жизни. Потом Стельницкому захотелось немного пострелять, и его включили в сводный отряд для борьбы с бандой Махно. На Украине Константину понравилось. Махновцы, с которыми он воевал, были даже как-то симпатичны ему своей вольницей. Но он скучал по Минску и при первом удобном случае вернулся в родной город. Его направили в уголовный розыск, и эта работа пришлась ему по душе, пожалуй, больше всего.

Кроме всего прочего Стельницкого привлекало в работе на Советскую власть и то, что она весьма неплохо содержала сотрудников своих учреждений. А Константин любил жить с комфортом — хорошо питаться, пить дорогой алкоголь, красиво одеваться, приятно отдыхать. И все это власть ему давала — приличное жалованье, продовольственные пайки в спецраспределителе, даже деньги на посещение ресторанов в оперативных целях.

Теперь, во времена НЭПа, вообще наступила некоторая оттепель по сравнению с военным коммунизмом. В партию его вступать не заставляли, от политических дел он уклонялся. Так что его почти все устраивало.

Правда, участок работы, который ему поручили в последнее время — экономические и должностные преступления, сначала не совсем пришелся ему по вкусу. Новая экономическая политика была в расцвете. Казалось, что капитализм вернулся. Была разрешена частная торговля, возвращены под управление коммерсантов некоторые ранее национализированные предприятия. Как грибы росли всевозможные акционерные общества, товарищества на паях,

кооперативные организации. В эту прореху ринулись предприимчивые дельцы и просто проходимцы. Служащие многочисленных советских учреждений тоже поняли и оценили возможности, которые им дало это время.

Стельницкий постепенно привык к общению с разного рода жуликами, мошенниками и аферистами, какими являлось большинство новоявленных советских буржуев («совбуржуев») — нэпманов. Люди эти были нахрапистыми, энергичными, но в то же время довольно легкими в общении. Работа с ними давала ироничному Константину пищу для юмористических наблюдений. А вывести на чистую воду взяточника и расхитителя с партийным билетом вообще было для него удовольствием. Не любил он работать по газетным статьям рабочих корреспондентов (рабкоров) — полуграмотным доносам малограмотных представителей пролетариата, дорвавшихся до пера.

В группу Стельницкого входили молодые агенты Емельянов и Филанович — толковые, ответственные и честные ребята. Они писали длинные, грамотные заключения и другие процессуальные документы, в последнее время на белорусском языке, как этого требовали партийные указания. Стельницкий же пока писал на русском. Не потому, что он не любил мову, а просто из духа противоречия. Ему не нравилось, когда его насильно заставляли что-то делать.

Его группа занималась делами разной сложности.

Были тут многочисленные факты присвоения и растраты денег руководителями разных организаций. Этой осенью попались заведующий трудколлективом «Красный химик» Финкельштейн А. А., заведующий трудколлективом «Белорусская светопись» Анфатер Ю. М., «загадчык саўгаспадаркі імя Лекерта» Дилов Т. П.

Особую категорию составляли материалы проверок о должностных преступлениях. Тут Стельницкий и его подчиненные проявляли принципиальность.

Последнее время начали поступать заявления о хищениях, совершаемых у заключенных служащими Минского центрального исправительного дома.

Филанович долго разбирался со старшим надзирателем этого учреждения Яном Рыжковским, который подозревался в хищении конверта с сорока рублями, принадлежащими заключенному Григорьеву. Конверт направлялся в исправдом следователем вместе с задержанным и бесследно исчез. Долго не признавал вины Рыжковский, ссылался на сменщика Николайчика, делопроизводителя Шмакова, но после очной ставки с ними не выдержал и сознался.

Завление Чернушкевича о пропаже десяти рублей, высланных отцу, осужденному за самогоноварение, в исправительный дом, Стельницкий проверил сам. Заключенный Чернушкевич Семен к этому времени был уже освобожден, а деньги исчезли. В бухгалтерии пояснили, что указанная сумма была передана в магазин на счет заключенного, так как они не знали о его освобождении. Обнаружили квитанции с расписками о приобретении в магазине продуктов. Расписки, естественно, оказались поддельными. Заведующий кооперативным магазином исправдома «кандидат коммунистической партии» Ячковский Иосиф Антонович ничего путного пояснить не смог. Когда Стельницкий беседовал с ним, Ячковский доверительно сказал ему: «Я думаю, мы поймем друг друга как члены партии». — «Не поймем, — ответил Константин, — я не член», — и отправил материалы следователю.

А коллег предупредил, чтобы имели в виду: исправдом место ненадежное.

Вообще-то советские служащие («совслужащие») все время стремились найти путь к сердцу веселого, но неподкупного инспектора и его подчиненных, однако безуспешно. Уж как старался всучить ему взятку 500 рублей заведующий центральной регистратурой Наркомзема Лютынский, похитивший более 200 рублей. «Василий Захарович, — удивился Константин, — это же для вас экономически невыгодно. Я вообще удивляюсь, как можно украсть такие деньги на вашем месте. Наверное, вы талантливый человек». Конечно же материалы оказались у следователя.

Но были дела и посложнее. Осенью 1926 года в угрозыск поступило сообщение, что в здании госбанка у клиента похищен портфель с деньгами и документами.

Начальник розыска находился в отъезде, а его заместитель Исаак Чертов поручил заниматься этим случаем Стельницкому, подключившись и сам, чтобы не терять оперативные навыки.

Потерпевший был взволнован и бледен, у него тряслись руки и дергались уголки губ.

— Мне необходимо было внести по векселю три тысячи рублей, — взволнованно рассказывал пострадавший. — Посетителей в банке было мало. У приходной кассы в очереди стояло несколько человек. Портфель все время не выпускал из рук. Но когда я открыл портфель, чтобы вынуть деньги, в нем, кроме свертка газет, ничего не оказалось. От волнения я даже сразу не понял, что произошло. Потом обнаружил, что портфель подменили. Теперь наш кооператив разорится! Что мне делать? — трагически завершил он.

— Ну, прежде всего, успокоиться и довериться советской милиции, — обнадежил его Константин. — И постараться припомнить детали, которые нам помогут!

— Вспомнил, — обрадовался мужчина, — на одной из десятирублевых купюр я написал цифры 66 химическим карандашом.

— Это уже немало, — иронично улыбнулся Константин. Но преступника надо было искать.

Такие трюки проделывала определенная категория уголовников, причем довольно квалифицированных, каких в Минске на тот момент не было.

Опрос находившихся в банке клиентов ничего не дал.

Стельницкий и Чертов, обсудив ситуацию, решили, что нужно искать иногороднего гастролера, который постарается после успешной операции поскорее уехать из города.

Немедленно установили наблюдение за пассажирскими вокзалами (а их в Минске стало два, так как совсем недавно вновь торжественно открылся восстановленный Виленский вокзал, разрушенный белополяками в 1920 году) и ближайшими железнодорожными станциями.

При проверке камеры хранения ручного багажа на Брест-Литовском вокзале кладовщик пояснил, что около 12 часов дня (через час после хищения портфеля) какой-то гражданин, получив чемодан, стал обвязывать его ремнем. Ремень оказался коротким, и пассажир попросил у кладовщика шпагат. Он так спешил, что второпях забыл подобрать упавший на пол ремень.

Решили усилить наблюдение за вокзалом и задержать предполагаемого преступника. Чертов при проведении оперативных мероприятий доверял собственной интуиции, а сведущий в криминалистике Стельницкий предложил использовать розыскную собаку, дав обнюхать изъятый ремень.

Питомник служебно-розыскных собак размещался во дворе Минской школы милиции на Долгобродской улице. Он существовал при полицейском

управлении города еще при Российской империи, и десять хорошо обученных служебных собак исправно делали свое дело. Но в 1920 году, после освобождения Минска от белополяков, первый начальник созданного уголовного розыска Рутинский приказал распустить питомник, который перешел в его ведение, чем, собственно, и прославился.

«Видимо, он считал, что собаки, проникнутые духом проклятого царизма, да еще пережившие немецкую и польскую оккупацию, весьма подозрительны и опасны для Советской власти, и скорее всего, потеряли свой нюх, — рассказывал Стельницкий эту историю Маше Некрасовой. — И пошли собаки искать лучших хозяев», — заканчивал он свое печальное повествование.

В 1923 году питомник пришлось открыть вновь, а Соломону Ехову и Иосифу Гильденгершу обучить новых трезоров и тарзанов собачьей науке розыска.

Сейчас почетную роль дрессировщиков собак в УГРО исполняли Казимир Павловский и Николай Майоров. Они-то и дали обнюхать найденный ремень самой умной собаке Герде.

На вокзале перекрыли все основные и запасные выходы, Чертов и Стельницкий внимательно следили за проходящими пассажирами.

К выходу на перрон степенной походкой приближался солидный мужчина средних лет, по виду похожий на представителя иностранной торговой фирмы. Однако Чертов заметил какую-то тень тревоги на его лице. «Смотри, это он», — шепнул он Константину.

Собака с рычанием набросилась на мужчину. В дежурной комнате вокзала подозреваемый держался важно и спокойно, даже чересчур спокойно. Теперь ни один мускул не дрогнул на его лице. «Это недоразумение. Я в Минске по торговым делам и готов остаться на несколько дней, пока все выяснится», — говорил задержанный. Однако при обыске у него изъяли билет до станции «Борисов» и квитанцию на сданный в камеру хранения Брест-Литовского вокзала чемодан. В этом-то чемодане и оказался похищенный в банке портфель с документами и деньгами. На сторублевой купюре химическим карандашом было написано 66. «Позвольте, это же 99», — попытался оправдаться подозреваемый. «Ну, это уже совсем мелко!» — разозлился Константин, и мужчина сдался.

Задержанным оказался известный уголовному розыску СССР международный вор Абрамович. Уроженец Харькова, окончивший университет в Варшаве, где и был первый раз арестован за мошенничество в 1911 году, он еще до революции уехал для «усовершенствования» в любимой профессии в Соединенные Штаты Америки. Там он связался с одним из разветвлений мафии, куда входили преступники, специализировавшиеся на подмене чемоданов и саквояжей, портфелей и дамских сумочек. Среди своих американских собратьев по профессии Абрамович, несмотря на явные успехи, долгое время пребывал на положении мелкой сошки. Руководители организации оплачивали его «работу» по самому низкому тарифу. А поскольку он стал часто попадаться в руки полиции, то почти все «заработки» тратились Абрамовичем на подкуп правоохранителей для освобождения из-под стражи.

Так и не разбогатев, Абрамович в середине двадцатых годов вернулся в Одессу, где у него были и дом, и семья. Вот теперь, вырвавшись из-под опеки своих американских хозяев, он решил развернуться и показать, на что способен настоящий мошенник.

«Честно трудиться? Позвольте, а разве я не работаю? Думаете, это так просто — «увести» чемодан, да еще чтобы его владелец ничего не заметил?

Такая тонкая, можно сказать, ювелирная работа под силу только истинному, прирожденному таланту», — без ложной скромности рассуждал Абрамович.

Разъезжая по городам страны, он на практике, и небезуспешно, применял весьма богатый американский опыт.

Свою последнюю «банковскую операцию» в Минске Абрамович провел, как сам он выразился, с шиком.

Клиент, стоя у приходной кассы, положил портфель возле себя и оперся на него. Подошел незнакомый гражданин. Вежливо улыбаясь, извинился, спросил, который час. Клиент полез за карманными часами. Этого было достаточно. Подошедший поблагодарил, сказал, что вот хорошо бы сейчас прокатиться за город на тройке посмотреть на золотую осень, и, заняв очередь в кассу, не спеша отошел. Клиент, по-прежнему опираясь на портфель, ждал своей очереди.

Надзиратели тюрьмы после ареста своих коллег очень зауважали Стельницкого и стремились предоставлять ему самую подробную информацию о заключенных. Теперь они докладывали об Абрамовиче.

В тюремной камере уголовники окружили именитого мошенника вниманием и почетом. У него просили консультации, делились своим опытом. Особенно любили слушать сокамерники его красочные рассказы о незабываемых американских похождениях.

Подстегивая себя безудержной фантазией, Абрамович врал напропалую. Начал он, мол, рядовым, но очень скоро благодаря своим выдающимся способностям выбился в заправилы мафиозной организации. Его избрали членом руководящего совета крупнейшего в США синдиката преступников. Вращался он в кругу знаменитых гангстеров. Был в приятельских отношениях с начальником нью-йоркской полиции. И конечно же, сколотил приличное состояние, которое в английских фунтах хранится в одном из швейцарских банков. Когда у него кто-то спрашивал, зачем же он вернулся в Россию, если за океаном ему было так хорошо, Абрамович с артистизмом разыгрывал отчаявшегося, обуреваемого ностальгией человека. Обычно, прослезившись, он объяснял: «Домой потянуло, на жену посмотреть захотелось, детишек приласкать. Эх, кореш, разве ты можешь понять это чувство тоски по родине?»

И став перед ошалевшими от восторга уголовниками в картинную позу, декламировал нараспев: «И дым отечества нам сладок и приятен».

Неудавшийся мафиози стал предлагать Стельницкому очень большие денежные суммы за освобождение, но получил отказ. Как писал в своих мемуарах, рассказавший историю мошенника уважаемый ветеран минской милиции П. Хадыка: «Абрамович знал, что выкупить его не удастся. С советской милицией шутки плохи, ничего общего с нравами американской полиции она не имеет». И он писал правду. Преступник действительно получил свое.

Сейчас Стельницкий сидел в своем кабинете в предвкушении вечерней встречи с Машей Некрасовой. До конца дня предстояло побеседовать с несколькими посетителями.

В дверь испуганно заглянула молодая девушка. «Входите! Не бойтесь!» — приветливо пригласил ее Константин. Вошедшая барышня вполне соответствовала определению «кровь с молоком». На ее симпатичном лице отражались простодушие и беспокойство. Это была студентка Белгосуниверситета Богдан Софья. Бдительная администрация учебного заведения заметила подчистки в справке об освобождении от платы за право обучения, выданной Слуцким окружным сельсоветом, и естественно, информировала органы. «Что, Софья Фоминична? Хочется учиться, а денег нет? Ладно, не огорчайся,

пиши объяснение, и что-нибудь придумаем!» — обнадежил привлекательную провинциалку галантный инспектор розыска.

Следующим был информатор Стельницкого Герасименко Иван — солидного вида мужчина, председатель Минского инвалидного кооперативного объединения. Когда-то Стельницкий не дал ему обирать бедных инвалидов, но при этом не посадил в тюрьму. Теперь проворовавшийся руководитель отрабатывал свою свободу, исправно снабжая Константина разными интересными сведениями.

Он поведал, что ему поступило предложение продавать водку в столовых по повышенным ценам, ввиду отсутствия и прекращения продажи этого необходимейшего напитка в магазинах Минска. Инициатором этой «выгодной сделки» был представитель «низовой кооперации», крестьянин местечка Осиповичи Бобруйского округа Секрежицкий Антон Викентьевич, служивший помощником заведующего буфетом железнодорожной станции Руденск Западной железной дороги.

Константин на заметку эти сведения взял и поручил разобраться опытному агенту Даниле Странбурскому.

Тут вне плана Емельянов привел в его кабинет хорошо одетого представительного и импозантного, но совершено пьяного мужчину.

— Вот, Константин Андреевич! Товарищ очень просится с вами побеседовать.

— Ну, так назови нашего гостя, — попросил Константин.

— Зинкевич Николай — завхоз сада профсоюза «Раброс». Нам поступило сообщение ГПУ о том, что он ведет нетрезвый образ жизни, расходует выручку из буфета на свои нужды. И все подтвердилось. Недостача у него на сей день 231 рубль. Закончил консерваторию по классу флейты. Был директором провинциального театра. Короче говоря, деятель культуры.

— Я исправлюсь и брошу пить! Приглашаю вас в сад на все концерты, — заплетающимся языком начал свой монолог разложившийся руководитель. Но на большее его не хватило, и он, забыв, что еще хотел сказать, затих.

— Ну, это вряд ли, — сказал Константин. — Наверное, деятелям искусства спиртное и женщины нужны для остроты восприятия и творчества. Раз сильно просится, слишком его не наказывай. Возможно, нам еще понадобятся его связи в артистической среде.

Заметно повеселевший растратчик в сопровождении Емельянова ушел.

Покончив с делами, Стельницкий стал ждать Машу Некрасову, которая была на задании и задерживалась.

Иосиф Майзельс

Инспектор третьей группы. Группа специализировалась на квартирных кражах и преступлениях несовершеннолетних. В группу входили агенты Фома Грибов, Мария Некрасова, Алексей Любич, Герасим Щемелев, Ефим Ливщиц (он же фотограф).

Иосиф тоже родился в Минске, в семье коммерсанта Абрама Майзельса. Его отец успешно занимался оптовой торговлей мануфактурой, но в 1913 году неожиданно умер от сердечного приступа, оставив жене и детям вполне приличное состояние. Иосиф в это время уже учился в реальном училище. Старший брат Иосифа вскоре уехал в Америку, сестра вышла замуж, а сам

он остался жить с матерью в теперь уже просторной квартире на улице Ново-Московской, в еврейской части города. Мать всячески опекала Иосифа, предвидя его будущие финансовые успехи. Однако время было такое, что Иосиф увлекся не коммерцией, а революционными идеями, и стал регулярно посещать всевозможные собрания и кружки Бунда, меньшевиков и большевиков. Все больше Иосиф склонялся к коммунистическим идеям. В большевистском кружке он познакомился с Исааком Чертовым, который был лет на десять его старше. Еще в 1917 году Чертов вступил в Минскую милицию, которую тогда организовал большевик Михайлов (как потом оказалось, его настоящая фамилия была Фрунзе). Иосиф неоднократно исполнял поручения наставника, помогая установлению в городе Советской власти. Когда в августе 1919 года в Минск вступили войска Пилсудского, Чертов исчез вместе с отступившими советскими частями, а Майзельс остался и пытался что-то делать подпольно. Наконец, одиннадцатого июля 1920 года части Красной Армии снова заняли город. Вернулся и Чертов, по его совету и рекомендации Иосиф поступил на службу в милицию. Ему тогда только исполнилось восемнадцать лет. С тех пор он и работал в гормилиции, а потом в Главмилиции БССР.

Теперь Майзельс был самым молодым инспектором уголовного розыска. Опыт работы в милиции был немалым, да и старый товарищ продолжал опекать. Чертов успешно делал милицейскую карьеру, стал помощником (по-современному — заместителем) начальника уголовного розыска и помогал двигаться своему протеже. Правда, в последнее время у них начали возникать некоторые разногласия по политическим вопросам. Чертов вступил в партию большевиков еще в 1917 году, а Майзельс в январе 1921-го. Кумиром Иосифа стал Лев Троцкий — столп революции, второй человек в партии, нарком по военным и морским делам. Иосиф горячо разделял его идеи перманентной мировой революции. Однако после смерти Ленина в ЦК партии развернулась межфракционная борьба. В 1924 году этого крупнейшего теоретика и практика партии сняли с поста Председателя реввоенсовета, его взгляды стали критиковать на партийных собраниях. Такого Иосиф понять не мог. Не нравилось ему и введение Новой экономической политики. Казалось, что революция была напрасной. Все возвращалось на круги своя — частный капитал, дорогие магазины и рестораны, жирующие нэпманы. Вслух критику новой политики партии Иосиф особенно не высказывал, но в душе ему нравились аскетизм и суровость военного коммунизма. Эти его сомнения не разделял Исаак Чертов, который всегда старался «колебаться вместе с линией партии». Сейчас, в 1926 году, противоречия в партии особенно обострились. На июльском пленуме ЦК во время речи с критикой троцкизма и оппозиции умер от сердечного приступа Дзержинский. Троцкисты пытались усилить влияние на местах, но до тихого Минска отголоски этих бурь доходили слабо.

В группу молодого инспектора были собраны опытные агенты Фома Грибов, Герасим Щемелев, Алексей Любич, Мария Некрасова. В последнюю Иосиф был безнадежно влюблен, к большому неудовольствию своей матери. Однако красавица Маша явно отдавала предпочтение коллеге Иосифа Константину Стельницкому. И правда, сравнение этих двух молодых людей могло объяснить женский выбор Марии.

Майзельс придерживался аскетичного стиля и в одежде, и в образе жизни. Ходил в кожаной куртке, уже довольно потертой от времени. В таких куртках, правда, более новых, любили щеголять в те годы комиссары, работники ЧК, ОГПУ и НКВД. Сшили партию этих курток для авиационных частей русской

армии еще в Первую мировую войну, однако время их пришло лишь в войну гражданскую.

Костя Стельницкий любил хорошо одеться, предпочитая английский стиль и где-то умудряясь доставать дорогие твидовые пиджаки. Ему нравилось красиво пожить, покрасоваться в ресторанах, предпочитал он вкусную еду и хороший иностранный алкоголь. Такой стиль жизни окружал его с детства, и Костя не хотел от него отказываться.

Иосиф же, напротив, считал красивую жизнь «угаром НЭПа», «отрыжкой капитализма» и очень ее порицал. Сам он питался в рабочей столовой и старался ничем не выделяться из пролетариата и не проявлять свое «мелкобуржуазное происхождение».

Кроме всего прочего, Стельницкий был старше Майзельса и гораздо опытнее его на «любовном фронте», хотя ловеласом не был. Иосиф опыта амурных отношений практически не имел. Его личная жизнь протекала под строгим надзором «еврейской мамы».

Естественно, красивая Маша сделала свой выбор в пользу Константина, и Иосиф смирился с этим, ничем не проявляя своих чувств.

Скучать группе Майзельса не приходилось. Все больше совершалось в городе квартирных краж, а беспризорность после Гражданской войны вообще расцвела пышным цветом. Были интересные дела, яркие личности преступников. Домушники, тихушники, карманники — таких узких специалистов воровского ремесла в Минске тогда было, к сожалению, много.

Года полтора назад была совершена целая серия нераскрытых квартирных краж в центре города, в том числе несколько краж из гостиничных номеров. Из номера гостиницы «Дом селянина» на углу улиц Карла Маркса и Красноармейской похитили чемодан с дорогими вещами ответственного работника, который недавно вернулся из зарубежной командировки.

Когда Иосиф Майзельс, Фома Грибов и Алексей Любич прибыли в гостиницу, ответственный работник сердился, кричал и грозил рассказать о беспорядке в городе самому товарищу Менжинскому. Не слишком обращая на это внимание, работники розыска делали свое дело, а входивший в группу Майзельса фотограф Фима Лившиц усиленно щелкал фотографическим аппаратом. Они установили, что в этом случае, как и при других гостиничных кражах, хорошо просматривается почерк квалифицированного вора, искусно действовавшего отмычками и подобранными ключами. Но кто был этот вор? Применение служебных собак не помогло. Собаки след не взяли, так как преступник применил специальный порошок. Активный поиск и проверки городских «малин» также ни к чему не привели.

Спустя дней десять, когда Фома Грибов дежурил по управлению угрозыска, туда прибежала взволнованная гражданка и сообщила, что в квартире по улице Карла Маркса задержан вор. Идти было недалеко, и Грибов пешком отправился на место происшествия.

На лестничной площадке у квартиры толпились возмущенные жильцы. «Что же это происходит? — кричала взволнованная хозяйка квартиры крупная гражданка Футерфакс, и ее телеса колебались в такт возмущению. — Не успела я на полчаса выйти в магазин, а дверь уже открыта и этот там сидит!» Мощная гражданка провела Грибова в комнату, где на диване сидел интеллигентного вида, хорошо одетый молодой человек, спокойно листая журнал. Он дружелюбно улыбнулся Грибову и объяснил, что искал друга, который где-то здесь живет. «Дверь в квартиру оказалась незапертой, я и вошел, чтобы спросить, не тут ли снимает угол мой товарищ. Вот такое получилось недо-

разумение». Молодой человек предъявил студенческий билет на имя Леонида Ланского.

Фома не поддался на эти уловки и попросил хозяйку проверить, все ли вещи находятся дома. Обнаружилось, что из комода пропали наручные часы, золотое кольцо и браслет. Ланский только пожимал плечами и смущенно улыбался. «Он не пытался скрыться?» — спросил хозяйку Грибов. «Пусть бы попробовал!» — ответила она, и все стало понятно. «Встаньте! — сказал Грибов Ланскому. — А вы, гражданочка, отодвиньте диван». Там и обнаружилась пропажа, а рядом лежала связка отмычек и ключей. «Ну что же, пройдем в управление, молодой человек!» — подвел итог Грибов.

В управлении угрозыска с Ланским стали беседовать Майзельс и Грибов, и им не пришлось применять каких-то изощренных психологических методов. Ланский не отпирался и стал все рассказывать сам. Он окончил десять классов и нигде не работал. Жил на иждивении родителей в хорошей квартире на улице Свердлова. Семья была вполне благополучная — мать учительница, отец кустарь-портной. Ланский признался в совершении целой серии краж в центре города. По его словам, работал он один, без наводчиков и других сообщников. Самостоятельно наблюдал за квартирами, где планировал кражи, изучал их расположение, изучал личности хозяев, время их пребывания дома и на работе. У Ланского был талант по части вскрытия дверей. Почти всегда он действовал путем подбора ключей, отмычками пользовался редко. Оказывается, Леонид уже несколько раз попадался хозяевам после совершения кражи, но выходил из положения, так же правдоподобно объясняя «случайность» своего пребывания в их квартирах. Люди, как это ни странно, верили ему. Их вводили в заблуждение интеллигентные манеры Ланского, его спокойствие, культурная речь. Посмеиваясь, он рассказывал, как одна из хозяек обворованной квартиры даже извинялась перед ним за неуместную подозрительность. И действительно, такие случаи были. Любич и Щемелев вспомнили, что потерпевшие рассказывали им о «вежливом молодом человеке». Эти же потерпевшие теперь Ланского опознали. У него в квартире произвели обыск, в ходе которого изъяли много похищенных вещей по нераскрытым ранее кражам, в том числе и похищенные в «Доме селянина». Его родители клялись, что ничего не знали о делах сына, но почему-то один из заграничных костюмов, украденных у ответственного работника, был отцом Ланского уже перешит.

У сотрудников уголовного розыска возникали некоторые сомнения по поводу того, что Ланский действовал в одиночку, но так как он признался в совершении ряда краж, копаться дальше не стали и передали дело в суд.

В суде Ланский тоже проявил свои таланты. Он «искренне» каялся и сожалел о содеянном. Иногда даже одинокая слеза поблескивала на его молодом красивом лице. Учитывая чистосердечное признание и раскаяние юноши, суд определил ему минимальное наказание — шесть месяцев лишения свободы.

«Жалко, мало дали. Типичный пережиток прошлого!» — думал Иосиф, и как оказалось впоследствии, правильно думал.

Спустя некоторое время из Московского уголовного розыска поступил запрос. МУР интересовался прошлым Ланского, его связями, семьей. Оказывается, отбыв свое символическое наказание, Ланский направился в Москву, где продолжил свою деятельность. Он был задержан за хищение ценных вещей иностранных граждан в гостиницах, осужден, но бежал из исправительно-трудового лагеря и теперь находился в розыске.

Майзельс и Любич проверили квартиру родителей Ланского, воровские притоны, расспросили осведомителей. Ланского в городе не было, но Иосиф

чувствовал, что тот еще объявится в Минске и проявит свои преступные способности.

Впрочем, таких способных граждан в Минске было достаточно. Сейчас на совещании группы обсуждались очередные квартирные кражи. Докладывал Алексей Любич: «В сентябре на улице Советской совершены две кражи без взлома и вскрытия дверей. По заявлению гражданина Хрейна Вульфа Ильича, из прихожей его квартиры украдена кожаная куртка, а из коридора квартиры гражданина Шапиро Абрама Григорьевича, по его заявлению, черные дамские лакированные туфли и мужские ботинки. В обоих случаях преступник проникал в квартиру через незапертую дверь. Действовал кто-то из «тихушников». По почерку показалось, что это дело рук Мани. (В минском УГРО хорошо знали воровку-рецидивистку Каган Марию Яковлевну, 24 лет, уроженку Варшавы.) Так оно и оказалось. Хрейн пошел искать свою куртку на Нижний рынок и увидел ее у мужчины, который от него скрылся. По описанию я узнал нашего агента Романа. Роман вывел меня на известного скупщика краденного — портного Ярова Ивана Алексеевича, который давал ему куртку на реализацию. В доме Ярова по Дементьевской улице мы с Герасимом и Фимой провели обыск и куртку нашли. Яров по фотографиям опознал Маню. По словам осведомителей, она снова появилась в Минске. Брать ее надо, скорее всего, в «общежитии воров».

Он предложил вечером провести обыск в «общежитии воров» по Добромысленскому переулку, 5. Так называлась знаменитая минская «малина», где всегда можно было застать наиболее ярких представителей городского преступного сообщества. (По иронии судьбы, сейчас на этом месте находится ГУВД Минского горисполкома.)

Майзельс эту инициативу поддержал. К ним присоединился субинспектор Марголин, пытавшийся решить свою задачу, раскрыть кражу вещей из квартиры гражданки Гинзбург на площади Свободы. Вечером, а точнее, ночью, они на машине подъехали к нужному дому. Света в окнах не было, хозяева спали. С приходом милиционеров дом ожил. Послышался мат мужчин и визг женщин. Лучи фонариков выхватывали из темноты человеческие фигуры. Марголин выстрелил вверх, и в помещении зажегся свет. Взору милиционеров представилась живописная картина воровской малины после гулянки. Пустые бутылки, недоеденная закуска из дорогих нэпманских магазинов, тела пьяных мужчин и женщин, лежащие на полу и кроватях. Когда все немного успокоилось, Любич и Марголин вытащили из этого натюрморта искомую фигуру Мани. Правда фигура эта представляла собой довольно жалкое зрелище. Маша Каган была полуодета и вдребезги пьяна. Однако под ее кроватью стояли новенькие лакированные туфли, похищенные из квартиры гражданина Шапиро. Конечно, добиться от нее каких-либо пояснений было невозможно. На соседней кровати обозначилась фигура ее верной подруги Ксении Потапенко, неоднократной гостьи УГРО, которая была в таком же состоянии. Однако и у нее под подушкой Марголин нашел вещи, похищенные из квартиры гражданки Гинзбург. Так что операцию можно было считать успешной. Марию и Ксению погрузили в машину и повезли в допр (дом предварительного заключения) на улицу Володарского.

На следующий день, протрезвев, девчата «пошли в несознанку». «Я честная девушка, вещи мне подбросили!» — кричала Потапенко. «Ксения, не бузи, лучше расскажи, как вынимала филенку из двери квартиры на площади Свободы, а какая ты честная, мы в розыске хорошо знаем», — добродушно говорил ей Марголин. Доказательств для следствия, а потом и для суда, хватало.

Теперь группа Иосифа занималась текучкой — кражами кинопринадлежностей из кинотеатра «Интернационал», ниток в трудколлективе «Текстильщик» и ремешков из квартиры гражданки Вайнер, то есть малоинтересной мелочью.

Такие дела не требовали большой фантазии, нужна была добросовестность. Это качество было сильно развито у Марии Некрасовой, вот они ей часто и доставались. И Маша спокойно и настойчиво делала свое дело. Впрочем, о буднях и подвигах Маши Некрасовой вы еще узнаете из отдельной главы.

Хасень Рызванович

Инспектор четвертой группы. Проверял и визировал все процессуальные документы работников уголовного розыска, консультировал по вопросам следствия и оперативной работы.

Хасень Иосифович Рызванович (в быту его часто звали Константин Иосифович) был намного старше своих коллег. Родился он в Минске в 1873 году в богатой дворянской семье белорусских татар. Его отец занимал солидную должность в Минской мужской гимназии. Жили они в большой квартире на Захарьевской, а не в Татарском предместье. Наиболее богатые татары города тогда покупали квартиры в центре, так как в Татарском предместье не было водопровода, канализации, электричества и прочих благ цивилизации. Хасень учился в гимназии неплохо, потом немного загулял, но взялся за ум и в 1902 году окончил юридический факультет Московского университета. Как и другим молодым людям его круга, Хасеню предстояло делать служебную карьеру.

Сначала он занимал должность городского судьи в Мозыре, затем получил назначение в Барановичи, где работал судебным следователем до начала Первой мировой войны. Служил добросовестно, имел благодарности. Когда фронт приближался к Барановичам, Рызвановича отозвали в Минск на должность следователя по Минскому уезду. При оккупации немцами Минска Рызванович продолжал исполнять эту должность с согласия военной администрации. Но вскоре немцы ушли, и в городе установилась Советская власть. Рызванович был хорошим специалистом, и господа коммунисты предложили ему сотрудничество.

Дворянское окружение Рызвановича в основном придерживалось либеральных взглядов. Сам он смолоду не чужд был свободомыслию, как и большинство интеллигенции, критически относился к властям и самодержавию. Конечно, марксизм ему не слишком нравился, но и не вызывал отторжения. Эмигрировать он не хотел. Поэтому, подумав и посомневавшись, он согласился и продолжил свою деятельность сначала в должности следователя прокуратуры, а потом перешел на работу в Главмилицию БССР.

К тому же, большевики хорошо обеспечивали своих специалистов, а Хасень Иосифович привык жить с комфортом. К этому времени он уже сменил квартиру в центре на хороший дом на Большой Татарской улице недалеко от мечети. Место было приятное, и главное, он был в окружении людей своего круга — татарской дворянской интеллигенции. Это была отнюдь не худшая среда — хорошо образованные, грамотные, культурные люди, в большинстве своем квалифицированные специалисты, ответственные и добросовестные.

Они были востребованы новыми властями и служили в различных наркоматах, банках, других учреждениях. Часть их осталась в Западной Белоруссии, теперь Польше, но и там многие из них находились на хороших должностях в госаппарате и судебной системе.

Татарское предместье было одним из красивейших мест города. На Большой Татарской и Малой Татарской улицах стояли солидные деревянные дома, крытые жестью. Все они были огорожены. В каждой усадьбе был сад с цветниками и плодовыми деревьями. Большой заболоченный участок «татарских огородов» примыкал к Свислочи. Посреди предместья была построена мечеть — красивое каменное здание с побеленными стенами, полукруглыми окнами и дверями, большим куполом в центре и высоким минаретом. Все это представляло живописную картину.

Своих соседей Рызванович знал еще с детства. Рядом с ним жил Ибрагим Халильевич Мурза-Мурзич, бывший юрист Киевского банка, а сейчас бухгалтер Госбанка БССР. У него стали собираться старые друзья и родственники для игры в винт, карточной игры, которая представляла собой что-то среднее между преферансом и вистом. Это была еще дореволюционная компания. Кроме Рызвановича там бывали Иван Константинович Гембицкий — до революции артиллерийский подполковник, а теперь коллега Ибрагима Халильевича по Госбанку, бывший подполковник генерального штаба Сулейман Яковлевич Бацютко — родственник Рызвановича, бывший чиновник казенной палаты Иосиф Дашкевич, профессор Довгяло и другие «бывшие», как говорили в то время.

Приятно было вечером сидеть у Мурзича в уютной комнате за карточным столом, в компании приличных, хорошо одетых людей, и вести неторопливые беседы. По старой, еще дореволюционной привычке, поругивали правительство, теперь уже большевиков. Например, никому не нравилась нынешняя кооперативная торговля. «То ли было до революции в Минске? — говорил Дашкевич — Какие были магазины на Губернаторской, какая мануфактура в лавке у Фрумкина!» — «А все почему? — отвечал ему Гембицкий. — Набрали на должности «пролетариев». Вот и результат. В магазинах беспорядок, товары плохие. Если бы не нэпманы, пухли бы с голоду! Да и в других конторах дела не лучше. И то ли еще будет под руководством этих безграмотных “выдвиженцев”». Впрочем, это было обычное кухонное интеллигентское брюзжание, никакой угрозы для властей не представляющее.

Но на работе Рызвановича окружала уже новая, советская действительность. Если в первые годы после прихода большевиков к власти в Минской милиции царила неразбериха, то сейчас работа ее упорядочивалась. Открылась Школа милиции на Долгобродской улице. Там новоявленных милиционеров, недавно набранных из крестьян и безработных, обучали основам уголовного и уголовно-процессуального права, криминалистике, оперативной работе. Что-то они запоминали, но говорить о каком-то системном образовании будущих сотрудников было трудно.

Рызванович хорошо знал вопросы следствия и оперативно-розыскной деятельности, был грамотным и опытным юристом. И надо сказать, к его советам руководство Главмилиции и уголовного розыска прислушивалось и относилось с уважением. Ефим Моисеевич Король и Виктор Иванович Бальзовский очень его ценили как профессионала старой закалки. Коллектив уголовного розыска подобрался неплохой. Ребята были, правда, не слишком грамотными, но и раньше сыскная полиция и городовые интеллектом не блистали. Хасеню Иосифовичу импонировал интеллигентный и ироничный

Константин Стельницкий, почти что его тезка, приятно было работать с симпатичной Марией Некрасовой и добродушным Колей Якутиком. С политически грамотным Иосифом Майзельсом и грубоватым Григорием Курилюком сложились хоть и суховатые, но рабочие отношения, Рызванович умел держать людей на дистанции.

По должностным обязанностям он отвечал за юридическую грамотность бумаг, исходивших из управления, и поэтому визировал каждый процессуальный документ, составленный инспектором или агентом уголовного розыска. Учил молодежь основам розыскной и оперативной деятельности. Раньше он неплохо знал минский преступный мир. Но кадры поменялись и там, чему способствовали революция и война. Помогал Рызвановичу пожилой юрисконсульт управления Василий Лукич Лукин, работавший еще в сыске минской полиции. Они обеспечивали какую-то преемственность в работе розыска и по мере возможности передавали свой опыт.

Материалов на разрешение Рызвановичу практически не передавали.

Как-то его пригласил к себе Бельзацкий и показал рапорт оперуполномоченного секретной части Михаила Бурцева о том, что осведомитель Юзеф Гриневич получил десять рублей на разработку по делу об убийстве Блетько, но ничего не сделал, а деньги не вернул.

«Константин Иосифович! Что делать с мерзавцем? Я бы вообще направил его в суд за растрату государственных денег».

Рызванович внутренне усмехнулся: «Что-то новое в работе с агентурой», но портить отношения с начальством не захотел и ответил; «А что, это идея, Виктор Иванович».

Потом, уже направив материалы следователю, Рызванович с юмором рассказал об этом Лукину, и они долго еще обсуждали новые советские методы работы с агентурой.

Григорий Курилюк

Инспектор пятой группы. Специализация группы: хулиганство, бандитизм, карманные кражи, сельские кражи. Подчиненные: субинспекторы Александр Алешкевич, Константин Спаднюк, агент Иосиф Гильденгерш, регистратор дактилоскопии Борис Берман.

Григорий родился в большой деревне под Брест-Литовском, в крепкой крестьянской семье. С детских лет помогал родителям и братьям в работе на земле, особенно любил возиться с лошадьми. Рос сильным, но довольно мрачным и грубым парнем, не раз участвовал в деревенских драках. В начале 1915 года Григория призвали на службу во 2-й Балтийский флотский экипаж. Он стал матросом на крейсере «Адмирал Макаров». Боевое крещение получил весной в сражении у Либавы, когда крейсер прикрывал отход русских миноносцев. После были бой у Готланда, сражение под Моозундом. К этому времени корабельные экипажи были полностью разложены агитацией большевиков и анархистов. На судах царила «анархия — мать порядка». Потом «братишки» в черных клешах и бушлатах, перекрещенных пулеметными лентами, стали делать революцию в Петрограде, а затем двинулись на Дон воевать с белогвардейцами Каледина и Деникина. Своенравному, но все же «памяркоўнаму» белорусу Курилюку все это пришлось не по вкусу. Поэтому он тихонько оторвался от «братвы» и пробрался к себе на родину,

в Беларусь, оккупированную к тому времени германскими войсками. В деревне после ухода немцев поделили помещичью землю. Достался кусок и семье Григория, так что работы было много. Но потом пришли белополяки и землю пытались вернуть назад пану, что Григорию очень не понравилось. После взятия в 1920 году частями Красной Армии Брест-Литовска там создали милицию, куда Курилюк и записался. Но вскоре по Рижскому договору в город снова вернулись войска буржуазной Польши. Милицию вместе с другими советскими учреждениями эвакуировали в Минск. Из прибывших милиционеров сформировали батальон и расквартировали его в деревнях Минского уезда. Милиционеры вели себя довольно тихо, и местное население подкармливало их овощами, картофелем и домашним хлебом. Григория сначала назначили начальником уездной милиции, а потом перевели в уголовный розыск Главмилиции в Минске.

Григорий женился на молоденькой минчанке Нине Копацкой и теперь жил у ее родителей в Ляховке на улице Лодочной. Жена воспитывала маленькую дочь, а Григорий ходил на службу.

Курилюк был человеком независимым, грубоватым, но достаточно добросовестным и ответственным. Анархизма во время службы на флоте он не набрался. Не приобрел он и дурных привычек «братвы», например, пристрастия к «балтийскому чаю» — смеси спирта с кокаином. Нельзя сказать, чтобы Григорий был трезвенником, нет, выпить он любил, но предпочитал при этом хороший хлебный самогон. Из всего внешнего антуража балтийских матросов Григорий оставил только тельняшку. Она была удобна в любых обстоятельствах, и Курилюк носил ее с удовольствием.

Больше Григорию импонировали дела крупные, где можно было показать себя, погоняться за противниками, пострелять. Скучной текучки он, как и Якутик, не любил.

Как-то его вызвал начальник милиции Король: «Григорий! Могилевский округ затерроризировали бандиты, местные милиционеры не справляются. Ты много работал с Опанским, и опыт разгрома банд у тебя есть, поезжай туда и разберись на месте. Если нужно будет, мы поможем. Конный эскадрон милиции у тебя в распоряжении».

Когда Курилюк вместе с субинспектором Константином Спаднюком и командиром эскадрона Ефимом Рахлиновичем прибыли в Могилев, оказалось, что ситуация там сложная.

В Краснопольском уезде хозяйничала банда под началом бывшего белогвардейского офицера Филиппа Котова. Его правой рукой, а заодно и любовницей, была дочь местного кулака Варвара Вышепрудова — дама хотя и приятная во всех отношениях, но жестокая и распутная. Банда занималась грабежами в деревнях и на железной дороге, терроризировала местный актив и население. У них были хорошие информаторы среди зажиточной части крестьян. Из этих источников Котов узнал, что воинская часть, расквартированная в Краснополье, временно отозвана в Чериков. Это развязало бандитам руки. В Пропойске (теперь Славгороде) они ограбили магазины и склады. Затем, используя благоприятный момент, банда переправилась через Сож и ворвалась в Краснополье. Бандиты захватили и расстреляли председателя волостного исполкома, потом окружили здание местной милиции, где в это время находились только начальник и дежурный, которые вступили в неравный бой с нападавшими, смело дрались, но были убиты. Начались повальные грабежи и погромы. Особенно усердствовала Вышепрудова, кровь лилась рекой, бандитские повозки заполнялись богатой добычей.

Но в это время к городу уже приближался конный отряд милиции под командованием Курилюка и Рахлиновича. Они настигли отступавших бандитов возле Костюковичей и окружили их. Произошел бой, в котором банда потеряла около тридцати своих членов. Бросая убитых и раненых, огрызаясь огнем, оставшаяся горстка бандитов вырвалась из окружения и стала уходить. Котов и Вышепрудова оторвались от своих и верхом неслись к дальним хуторам. Однако от опытного Курилюка не так-то легко было уйти. На одном из хуторов Курилюк, Спаднюк и Рахлинович догнали беглецов. «Сдавайся, Котов! — предложил ему Григорий. — Да и барышню свою пожалей!» В ответ милиционеры услышали бешеные нецензурные тирады, неподражаемые по своему колориту. Особенно усердствовала Варвара. Сквернословие и проклятия выплескивались, казалось, из двух бездонных ушатов грязи. Выстрелы милиционеров заставили бандитов замолкнуть. Отпетая парочка негодяев сопротивлялась с отчаянием обреченных. Расстреляв все патроны, Котов выскочил из хаты с топором в руках. Настало время Курилюка. Григорий не стал стрелять. Сойдясь с Котовым в рукопашной схватке, он вырвал у него топор и нанес ему смертельный удар. В это время Спаднюк и Рахлинович скручивали визжавшую Варвару, которая пыталась покончить с собой.

Сейчас, осенью 1926 года, Григорий Курилюк скучал. Борьба с карманниками и сельскими кражами не грела ему сердце. Будучи в принципе человеком добросовестным, он занимался этими направлениями, но большого удовлетворения от такой обыденной работы не получал. Это была не его стихия.

Получив накачку на совещании у начальника, он тоже собрал свою группу. Отчитывались субинспекторы.

Карманными ворами занимался Костя Спаднюк. Сегодня он на почте задержал с поличным Миндлина Мордуха Эльевича, девятнадцати лет, который разрезал сумочку гражданки Лейбович Рохли Нехамовны и украл сорок рублей. Лезвие и деньги у Миндлина изъяли, но он все равно вину отрицал, гражданка Лейбович подняла страшный крик, и «Холера на его голову!» было самым нежным ее выражением.

А накануне им был задержан инвалид Цветков Иван Сергеевич, совершивший кражу в автобусе у Белинского Семена Александровича. Свидетелем кражи являлся шофер автобуса Валерий Корсак.

Нашлась и гармошка, похищенная у курсанта Объединенной Белорусской школы Гончарика Степана Ипполитовича. Совершивший кражу беспризорник был направлен на разбор комиссии по делам несовершеннолетних.

«Разберись с этим задержанным на вокзале многофамильным вором», — попросил Григорий Спаднюка.

Там, возле билетной кассы, Шабанович Иван Иванович схватил за руку парня, который лез ему в карман. Тот уже успел украсть у него портфель, который при задержании выбросил. Парень представил документ, выданный Бобруйским ЗАГСом, взамен якобы украденного в Гомеле паспорта, на имя Левина Лейзера Иосифовича, семнадцати лет, уроженца Екатеринослава.

Так как задержанному на вид было года двадцать два, разослали запросы с его фотографией в управления милиции крупных городов СССР.

По сообщению Московского уголовного розыска, Левин задерживался в июле 1923 года за совершение карманной кражи под именем Сикирнянского Гирша Ароновича. Ленинградским УГРО он был задержан в октябре 1924 года за кражу перстня уже как Эльман Абрам Моисеевич.

Так что Косте Спаднюку теперь осталось лишь выбрать одну из трех фамилий. Однако он поступил еще мудрее и, не добившись от подследствен-

ного истины, направляя дело следователю, именовал задержанного Сикирлянский — Эльман.

За раскрытие сельских краж отвечал Алесь Алешкевич. Он доложил дело о краже коровы у гражданки Гольдшмидт Хаи-Меры Мордуховны. Корову украли прямо из хлева. Гражданка Гольдшмидт очень горевала, так как корова, по ее словам, была для нее единственным средством существования. Искать надо было начинать с ближайшего окружения, и Алешкевич установил, что кражу совершил племянник потерпевшей Шнейдер Давид вместе со своим знакомым цыганом Якубом Якубовским, которому он и отдал корову за долги. Якубовский передал корову своему тестю Богушу Ивану Степановичу на хутор Степановка Заславского района. Изъять крову Алешкевич не успел, ее уже зарезали. Так что пришлось потерпевшей гражданке Гольдшмидт удовлетвориться коровьей шкурой и остатками мяса, которые Алешкевич ей передал.

Все это были будничные, повседневные преступления, но ими нужно было заниматься. Однако Григорий ждал чего-то крупного.

Мария Некрасова

Агент 2-го разряда, специализировалась на преступлениях несовершеннолетних, борьбе с беспризорностью, женской преступностью.

Мария Некрасова была агентом второго разряда, а не инспектором уголовного розыска, но мы не можем не посвятить ей отдельной главы. Ведь Мария была одной из самых ярких фигур Минского УГРО тех лет. Красивая и милая девушка, очень добросовестная, доброжелательная к коллегам — она была любимицей коллектива.

Родилась Маша в Минске на Губернаторской улице, в семье доктора, приехавшего из России. Училась в Мариинской гимназии, но не окончила ее из-за войны и революции. Конечно, в ее семье, как и в большинстве интеллигентских семей города, царили либеральные взгляды. Маша с детства слышала рассказы про революционные события в Минске в Первую русскую революцию, демонстрации, покушение Ивана Пулихова и Измайлович на губернатора Курлова. Поэтому неудивительно, что в 1917 году Маша, еще совсем молоденькая барышня, увлеклась революционными идеями и стала сама ходить на демонстрации, собрания эсеров и большевиков.

Когда летом 1920 года из города ушли польские войска и окончательно утвердилась Советская власть, Маша, на удивление родителей, устроилась на работу в милицию. Сначала она работала регистратором, делопроизводителем, но ее тянула оперативная работа, и Маша перешла в уголовный розыск. Надо сказать, что Мария была хорошей спортсменкой, и еще учась в гимназии, занималась в гимнастическом кружке, ездила на велосипеде по треку в Губернаторском саду. Теперь спортивная подготовка пригодилась.

Как единственной женщине из оперативных работников УГРО ей поручили разбираться с правонарушениями несовершеннолетних, а также вопросами женской преступности. Зная добросовестность и исполнительность Марии, начальство часто поручало ей трудоемкие разбирательства по заявлениям о незначительных преступлениях. Маша не обижалась и скрупулезно выполняла свою работу.

Однако приходилось Марии бывать и в отчаянных переделках. В начале двадцатых годов Витебск долгое время терроризировала банда, которую

возглавляли закоренелые преступники с многолетним опытом грабежей и убийств по кличкам Максимка и Солодкин. Горожане опасались выходить на улицу не только ночью, но и по вечерам, да и в дневное время не всегда можно было поручиться за свою безопасность. Грабители нападали на прохожих прямо на улице, раздевали их, отбирали все вещи, вплоть до кошелок с продуктами. Был у них и другой излюбленный прием. Они подводили дрожащих от страха жертв к дверям дома и заставляли уговорить соседей открыть двери. После таких ограблений бандиты старались не оставлять живых свидетелей, жестоко убивая их. Местные милиционеры справиться с бандой не могли, и Главмилиции БССР пришлось помогать.

Была сформирована особая оперативная группа, которую возглавил Вольдемар Элксне, молодой латышский стрелок, имевший большой опыт и гражданской войны, и борьбы с бандами. Для оперативной работы в группу надо было включить сотрудников, не примелькавшихся на витебских улицах. Вот тогда выбор пал на Марию Некрасову, которая до этого в Витебске никогда не была.

Витебск, еще более провинциальный и деревянный, чем Минск, ничем не поразил Марию. Но в гостинице она познакомилась с молодой и симпатичной партийной выдвиженкой Дорой Яковлевой. Они мило поболтали и потом несколько раз встречались и общались как две самостоятельные, эмансипированные, но при этом еще и красивые женщины.

Разбив город на сектора, работники УГРО начали скрупулезно анализировать преступления, совершенные бандой, их, так сказать, географию. Анализ оказался интересным. Преступления совершались повсюду: и на Великой Илемницкой, и на Большой Покровской, и на Задуновской улицах. И только в районе Елагских переулков — за железной дорогой, была полная тишина. «Вот тут их малина, тут их лежка, — решил Элксне, — поэтому они и не трогают окрестности». Но это логово надо было искать. И искать его поручили Маше, которую в городе никто не знал.

Ей подобрали легенду. Она девушка, занимающаяся мелкой розничной торговлей и поэтому обходящая дома. Стали подбирать ей разноску. Конечно, на швейной фабрике «Профинтерн» или обувной фабрике «Красный Октябрь» найти что-либо путное было трудно. Пришлось поприжать раковских контрабандистов. Изъятые у них товары были совсем другими. Шелковое белье, косынки, духи из Польши радовали глаза женщин и соответствовали вкусу Маши. Вооружившись таким дефицитным товаром, Мария начала обход домов в Елагах.

Район Елаги ограничивался железной дорогой и красивым парком с большими соснами на Юрьевской горе. В парке бил родник кристальной воды. Считалось, что холм, на котором располагался парк, был языческим капищем, посвященным богу Яриле. Говорили и о каких-то подземных ходах под этим районом. Елагских переулков было целых шесть. Требовалось проверить все дома, а ведь только в третьем переулке их было около двухсот. Дома в основном были небольшими, деревянными. Товарищи по работе внимательно страховали ее. Обычно это делалось с участием самого Элксне, которому Некрасова нравилась не только как профессионал розыска. Мария обходила дом за домом. Торговля шла бойко, вот только нужного эффекта пока не было. Обнаружить явку банды не удавалось.

Прошло несколько суток, и однажды поздним вечером во втором Елагском переулке Мария остановилась возле двухэтажного каменного дома. В окне на втором этаже блеснула полоска света, но само окно было зана-

вешено. Это насторожило и Марию, и группу прикрытия. Каким-то шестым чувством Элксне почувствовал, что бандиты могут быть там. Он дал команду нескольким оперативникам взять на прицел затемненные окна, а сам вместе с Некрасовой и агентами Антоном Адамовичем и Соломоном Еховым поднялся на второй этаж. За одной из дверей были слышны пьяный гул и звуки музыки. Группа спустилась ниже, а Мария стала стучать в дверь. За дверью затихли. Потом лязгнул засов и дверь открылась. На пороге стоял здоровенный детина и вопросительно смотрел на Марию. Уже получившая практику работы коммивояжером, Маша мило улыбнулась и предложила товар. Открывший дверь тупо уставился на интимные предметы женского туалета и флакончики духов. Потом в его заплывших глазках зажглись похотливые огоньки. Он выглянул на площадку и, убедившись, что там никого нет, впустил гостью. За спиной лязгнул засов, но Мария и бровью не повела. Она вошла в ярко освещенную квартиру. Там шел пир горой, пьяные мужики сидели за столом, уставленным бутылками и закуской. Маша, видевшая фотокарточки разыскиваемых бандитов, убедилась, что они тут. Но ситуация была явно не из приятных, бандиты уже смотрели на нее как на потенциальную жертву. Было ли ей страшно? Конечно было, но она полностью надеялась на оставшуюся за дверью группу Элксне, да и на себя тоже. Она достала товар из саквояжа. Увиденные предметы вызвали у бандитов жеребячий восторг. Кто-то завел патефон. Они похватали женское белье и начали танцевать. Один из них нацепил на себя бюстгальтер и под дружное ржание стал выделывать танцевальные па, гримасничая и вихляя задом. Мария не теряла самообладания. Наметанным взглядом она замечала оружие у бандитов. У большинства из них наганы были засунуты за пояс под пиджаком. Семеро бандитов танцевали, восьмой оставался у двери. И в этот момент он, неслышно подкравшись, обхватил ее сзади, поднял и понес на стоявшую в углу никелированную кровать. Опрокинул Машу на смятую постель и навалился на нее всей огромной тушей. Но не зря Маша занималась джиу-джитсу в кружке на Минском ипподроме. Один быстрый и резкий удар рукой по сонной артерии, и бандит захрипел и обмяк. Его тяжелое тело сползло и грузно грохнулось на пол. Мария вскочила и, выхватив закрепленный подвязкой на бедре маленький бельгийский браунинг, крикнула: «Руки вверх! Сдавайтесь!» Не давая бандитам опомниться, стреляя поверх их голов, Маша отступила к двери и сдвинула железный засов. Оперативники ворвались в квартиру, и вскоре все было кончено. Связанные бандиты лежали на полу, а Адамович и Ехов выносили из квартиры запасы награбленного, оружие и патроны.

Мария уехала в Минск. Вольдемар Элксне, или просто Володя, как его звали коллеги, назначенный начальником Витебского уголовного розыска, долго пытался растопить сердце Марии, присылая ей большие букеты прекрасных цветов. Но для Маши он остался лишь хорошим другом. Роман у нее развивался с Константином Стельницким — пижоном и плейбоем, как сказали бы в наше время.

Маша снова погрузилась в повседневную работу. Беспризорники и женская преступность — вот что поручалось ей. Сейчас, осенью 1926 года, она занималась вроде бы и мелкими вопросами, но их было много.

Например, в 1-й Советской гостинице обнаружилась недостача постельного белья. Заведующий гостиницей товарищ Чиж не хотел неприятностей от начальства и недостачу скрывал, а вот его заместитель товарищ Амельянчик своевременно указал на этот факт соответствующим органам. Подозрение пало на уборщиц. Мария провела обыски в домах некоторых из них: Нарке-

вич Серафимы, Штанюк Анны, Шпилевской Екатерины — нашла простыни, полотенца и даже косынки, украденные в гостинице. Уборщицы плакали, клялись и божились, что купили вещи на рынке, но позже во всем признались.

Некоторых оступившихся женщин Маша продолжала опекать и после разбирательства с ними. Например, официантку Хасю Пацент, укравшую в столовой бумажник. Суд пожалел девятнадцатилетнюю преступницу, и теперь Мария следила, чтобы девушка завязала с разгульным прошлым и вела добропорядочную жизнь.

Рассматривала Маша заявление о пропаже ниток в трудколлективе «Текстильщик». Заведующий трудколлективом Хаймович и мастер чулочной мастерской Розенвассер обвинили в краже молоденькую работницу Катю Пуссель. Девушка плакала, клялась, что ничего не брала. Нитки, в конце концов, нашлись. Но Мария, видя, как трудно молодой девушке работать с такими хозяевами, помогла устроиться ей на работу в советское учреждение и агитировала перейти в милицию.

Еще больше добрая Маша возилась с беспризорниками. Каждый день ребята приводили ей задержанных подростков. Костя Спаднюк задержал на Нижнем рынке двух малолетних Шукало Николая и Савицкого Иосифа, укравших корзинку с дамскими ботинками и будильником у домохозяйки Королюк Веры Максимовны. Увидев Спаднюка, воришки бросились бежать, но Константин бегал тоже быстро. Сначала шкеты дерзили Маше, выгораживали друг друга, но Мария постепенно приручила их, и они стали рассказывать о делах на базаре, например, о том, что там появились воры не из Минска и минские воры этим недовольны. Ребят направили в комиссию по работе с несовершеннолетними, а оттуда в детский дом.

«Возишься ты с детьми и барышнями, на саму себя времени не хватает!» — шутливо упрекал Машу Костя Стельницкий. Но она находила время и для своих пристрастий.

Мария с детства увлекалась литературой и театром, повзрослев, следила за модой. Будучи гимназисткой, Маша внимательно изучала журнал «Дамский мир», который почтальон приносил им домой. Нарисованные там элегантные дамы в платьях с кринолином и широких шляпах завораживали ее. Теперь дамских журналов не издавали, разве что орган отдела по работе среди женщин ЦК РКП (б) журнал «Крестьянка». Но там кринолины не просматривались. Однако рядом была Польша, и контрабандисты исправно снабжали минских модниц журналами и новомодной одеждой. В УГРО специалистом по поиску таких вещей была Юлия Ракова — статистик второго разряда и подруга Некрасовой.

Да и мода изменилась. Теперь господствовал «стиль Чикаго» — короткие стрижки, короткие юбки, силуэт «цилиндр». В польских журналах красавицы-паненки в брючных костюмах и длинных перчатках с некоторой вульгарностью курили длинные папироски, зажав их в длинных пальцах узкой руки. В моде был черный цвет и образ Марлен Дитрих. 1926 год модные дамы во всем мире встречали в знаменитом маленьком черном платье от Коко Шанель.

В Минск подобные вещи доставлялись контрабандистами не так оперативно, но все же доставлялись. Пограничники и милиция пытались перекрыть границу, но цепочки крепких мужчин с «носками» за спиной еженощно, тайными лесными тропами двигались от польского тогда Ракова к столице БССР. Товар, конечно, в основном был примитивным, рассчитанным на минских нэпманш, не обремененных излишним культурным багажом и вкусом, но

зачастую отягощенных лишним весом. Но и модным продвинутым девушкам кое-что доставалось — хорошее шелковое белье и тончайшие чулки, маленькие шляпки и сумочки, духи «Шанель № 5».

Когда Мария обсуждала новости моды с Юлией Раковой и двумя Зоями Шапиро и Петрашкевич, слегка поддавшимися на красивую жизнь НЭПа, другие более политически грамотные представительницы женского пола управления милиции были заняты вещами посерьезнее. Председатель женотдела старший делопроизводитель Любовь Рязанова проводила с другими членами партии канцеляристками Хаей Гурвич и Зинаидой Роговенко, машинисткой Хаей Рудерман заседание, где обсуждали вопросы пропаганды коммунистических идей среди женщин, выдвижения лучших работниц на руководящие должности.

Не раз женотдел пытался вовлечь в свою работу положительную Марию Некрасову, но безуспешно. Ее явно не вдохновлял плакат «Каждая кухарка должна учиться управлять государством», который висел в кабинете у Рязановой. Тем не менее, Маша верила в революцию и ее идеалы.

Дело Лисицкого

Наступил ноябрь. Было холодно, но снег еще не выпал. Сквозь голые ветки деревьев проступало пустое пространство. Горожане готовились к зиме, запасались дровами. Над крышами минских домов уютно вились дымки, создавая идиллическую картинку. В магазинах шла бойкая торговля. Состоятельные торговцы по вечерам гуляли в ресторанах. Лихачи извозчики разъезжали по улицам. Однако в городе было неспокойно.

Коля Якутик сбился с ног. Каждую неделю в разных концах города происходила серия жестоких разбойных нападений на дома минчан, после которых оставались трупы и лужи крови, а исчезали деньги, золото, драгоценности, дорогой антиквариат, иногда просто хорошая одежда и продукты питания. Нападали в основном на квартиры нэпманов и других состоятельных горожан. Потом на некоторое время бандиты затихали.

В угрозыск по телефону сообщали о нападении на Комаровке, и туда выезжала группа Якутика, а через несколько минут поступала телефонограмма о нападении в районе товарной станции, затем из Людамонта. Бельзацкий срочно поднимал Курилюка и Стельницкого. Но по прибытии опергрупп по адресам нападения бандитов там уже не было, как, впрочем, и свидетелей преступлений, которых преступники не оставляли в живых.

Начинался осмотр места происшествия. Фима Лившиц щелкал своим фотографическим аппаратом Kodak Premo № 9. Приезжали Ехов и Гильденгерш с собаками, но все это давало мало пользы. Преступники были опытные, следов оставляли мало, пользовались специальным порошком, и собаки след не брали. Просматривался почерк бандитов — жертвы были зарублены топором или задушены при помощи веревки. Было видно, что преступники основательно готовились к нападениям и имели информацию о тайниках с драгоценностями и деньгами в домах, которые они грабили. Грабители также успешно вскрывали и сейфы, значит, среди них были и опытные «медвежатники».

Особенно потрясло город убийство однофамильца фотографа уголовного розыска известного зубного врача Лившица. Бандиты зверски расправились не только с доктором, но и с его женой, маленьким ребенком, стариками родителями. На телах погибших остались следы страшных пыток. Осматривая

место происшествия, Стельницкий ступал по лужам крови. Зрелище было ужасным. Трупы буквально изрублены на части. Многое видел Константин во время войны и революции, но такого еще нет. К концу осмотра от вида и запаха крови он почувствовал сильное внутреннее напряжение, которое не отпускало его. «А ты хорошенько выпей!» — посоветовал ему судебный патологоанатом, осматривавший трупы. Так Стельницкий и сделал. Зайдя в ресторан на Интернациональной, он заказал стакан рома и залпом выпил его. На удивление напряжение не спало. Тогда Константин выпил еще один стакан этого замечательного кубинского напитка. Теперь процедура возымела действие. Константин откинулся на спинку стула и мгновенно заснул. Официант разбудил его только через несколько часов. Лечение удалось — голова была легкая и ясная.

После одного из нападений при осмотре места преступления судебно-медицинский эксперт обнаружил во рту одной из жертв указательный палец левой руки. По-видимому, зарубленный топором человек яростно сопротивлялся своему истязателю. Начали искать беспалого бандита. Проверили все амбулатории, опросили врачей, но безуспешно.

Рызванович и Лукин подняли все свои картотеки, однако пока примерить к совершенным преступлениям никого из городских «мастеров» со стажем не могли. Впрочем, после Гражданской войны появилось много новых «профессионалов» преступного мира. Война дала им необходимый опыт и жестокость.

Якутик, Курилюк, Стельницкий регулярно встречались со своими осведомителями, они искали следы иногородних «гастролеров», считая, что нападения могут быть делом рук «залетных», активизировавшихся в городе. Но Рызванович и Лукин эту версию не поддерживали. Нападавшие слишком хорошо знали разные части города, выбирали оптимальные маршруты прибытия и отхода с мест преступлений. Полезной информации «понизу» не поступало.

Группе Майзельса было поручено контролировать скупщиков краденого и городские малины. Городские барыги периодически проверялись, Любич, Грибов и Щемелев теперь почти каждую ночь наведывались в «общежитие воров» на Добромысленский переулок. Это тоже пока ничего не давало.

Банда была неуловима. И это неудивительно, ведь действовали ее члены очень осторожно и продуманно. И все же ниточка к ней появилась.

Как-то вечером Константин Стельницкий вместе с Машей Некрасовой слушали в бывшей «Европе» хороший североамериканский джаз. Местный оркестр играл, и неплохо играл, регтаймы и блюзы Кинга Оливера и Скотта Джоплина. Послушать музыку пришли и их хорошие знакомые Лева Торский и его невеста Юля Ясинская — врач 2-й Советской больницы.

— Ты знаешь, Костя, — сказала Юля, — у нас на работе доктор Хейфец ходит сам не свой. Он что-то знает про городские убийства, но боится кому-нибудь рассказать. Бандиты никого не жалеют.

— Пусть приходит. С бандитами мы разберемся, а информация из угрозыска никуда не выходит. И это гарантируется как вклады в новых советских сберкассах. Так что он вполне может быть спокоен, — ответил Стельницкий, весьма заинтересовавшийся словами Юли.

На следующий день доктор Хейфец пришел в кабинет Стельницкого.

— Юлия Сергеевна сказала, что к Вам можно зайти, — прерывающимся от волнения голосом спросил доктор.

— Конечно, можно! Никаких проблем! — ответил Константин, улыбаясь своей располагающей улыбкой.

Немного успокоившись, доктор Хейфец рассказал, что извозчик, который как-то подвозил его на вокзал, закуривая, достал из кармана золотой портсигар с монограммой.

— И почему это вас, собственно, так встревожило? — с некоторым недоумением спросил Константин.

— Так ведь это же портсигар доктора Лившица!

— Вот это да! — сразу стал внимательным Стельницкий. — Вы в этом уверены?

— Конечно! Я хорошо знал Марка Григорьевича, часто бывал у него дома. Доктор очень дорожил портсигаром, говорил, что это фамильная реликвия, что достался ему от прадеда.

Когда Хейфец ушел, Константин отправился с неожиданной новостью к начальству. Забрезжила надежда, и Бельзацкий тут же собрал экстренное оперативное совещание, пригласив на него Якутика и Курилюка.

— Сейчас важно не вспугнуть бандитов, — начал Бельзацкий. — Интересы дела требуют осмотрительных, осторожных действий. Прошу высказываться.

Молодые дарования розыска Стельницкий, Якутик и Курилюк рвались в бой и в один голос заявили, что надо действовать, хотя и осторожно, но без промедления.

Для начала надо было незаметно задержать и взять в оборот «извозчика», а уже потом разматывать ниточку дальше. Константин, Николай и Григорий решили эту работу сделать сами, задействовав еще и Машу Некрасову. Разработали и план операции.

На стоянке у вокзала врач издали показал Константину, какого извозчика он нанимал. Широкоплечий, с окладистой бородой дядя, в черном, перехваченном красным кушаком длиннополом армяке, уже успевший пропустить рюмку-другую в привокзальном буфете, мирно посапывал, сидя на высоких козлах. Новая, сверкающая лаком пролетка, ухоженный, в добротной сбруе с медной насечкой жеребец — все говорило о том, что дядя этот не из последних лихачей.

И вот к нему подошла компания веселых, немного выпивших, франтовато одетых молодых людей с красивой и эффектной девушкой. Когда они шумно уселись в пролетку, один из них, а был это Костя Стельницкий, вытащил пухлый бумажник и демонстративно, так, чтобы увидел извозчик, стал не спеша пересчитывать ассигнации. Смекнув, что ему попались богатые пассажиры, дядя, угодливо улыбаясь, спросил: «Куда-с прикажете-с?» — «А где здесь у вас самый лучший ресторан?» — «В гостинице “Европа”». — «Ладно, но сначала осмотрим город. Поедем в Кошары. Знаешь где это? Трогай!»

И пролетка рванулась с места.

На одной из малолюдных улиц в районе Архиерейской слободки пассажиры вежливо попросили остановиться. Извозчик не успел опомниться, как, мгновенно стянутый с козел, оказался с завернутыми за спину руками на заднем сиденье. Маша Некрасова доброжелательно смотрела на него. Почуяв недоброе, жеребец, нервно перебирая ногами, косил глазом на седоков.

Когда Григорий Курилюк и Коля Якутик начали обыскивать извозчика, он закатил глаза и неожиданно тонким голоском завыл: «Кара-ул-ул! Гра-бють!» Ему тут же зажали рот. «Тихо, дядя! Уголовный розыск не грабит, уголовный розыск обыскивает!» — с улыбкой объяснил ему Стельницкий.

Золотой портсигар у задержанного изъяли. Оружия у него не оказалось.

Не давая бандиту опомниться, его тут же повезли допрашивать в УГРО. По дороге Курилюк, не будучи обременен нормами следственной этики, но зато хорошо чувствуя следственную тактику, все время предлагал Коле Якутику не возиться с извозчиком, а просто «шлепнуть» его по дороге. Извозчик все это принимал за чистую монету, и на допрос его привезли уже вполне «дозревшим».

Он сразу же признался, что состоит в банде. Банду создал и возглавляет бывший белогвардейский офицер Лисицкий. Его ближайшим помощником является Лагуновский, служивший раньше вместе с Лисицким. В банду входило еще несколько десятков человек. Лисицкий и Лагуновский подобрали себе помощников без особого преступного прошлого, вроде бы даже добропорядочных граждан. Они мирно проживали со своими семьями в городе, работали извозчиками, ломовиками, грузчиками, всегда старались быть на виду у соседей, никому не отказывали в помощи, регулярно ходили в церковь.

Под видом пильщиков дров бандиты обходили частные дома, примечая, где живут наиболее состоятельные семьи — будущие жертвы ограблений. Или, прикинувшись безработными, околачивались якобы по направлениям бирж труда возле магазинов, баз и складов, высматривая ценные товары.

Даже близкие люди не знали, чем на самом деле они занимались. А те, которые были в курсе дела, не только покрывали, но и являлись активными соучастниками бандитов. Позже на суде одна из таких пособниц открыто и нагло заявила: «Муж любил горько пить, я сладко кушать. А в воскресные дни мы ходили в церковь, где и замаливали свои грехи».

Награбленное имущество преступники вывозили подальше от Минска — в Смоленск, Воронеж, Казань, где и сбывали его. А в близлежащие сельские районы на собственных лошадях привозили продукты питания, которые продавали на рынках через посредников.

Минские скупщики краденого были не при этих делах. Да и традиционный городской преступный мир с бандитами Лисицкого не пересекался. Вот почему так долго милиционеры не могли напасть на след преступников.

На допросе извозчик активно давал показания на других, но всячески выгораживал себя, пытался доказать, что в ограблении и убийстве семьи Лившица не участвовал, а портсигар выиграл в карты у Лагуновского.

— Что мне будет? — все время испуганно спрашивал он.

— Да тебя просто шлепнут после суда, а суд будет недолгим, — успокаивал его «добрый» Курилюк.

— Не слушай его, — говорили находящемуся в полуобморочном состоянии извозчику Стельницкий и Якутик, игравшие роль «хороших» следователей. — Суд учтет твое признание и раскаяние.

— Да я все, все скажу, — лепетал детина. — Я этого Лисицкого сдам вам со всеми потрохами, бог свидетель!

— Ну какой же из бога свидетель, — ласково заметил Стельницкий, — к тому же, как стало известно всем сознательным гражданам после революции, его вообще нет. А адресок Лисицкого ты нам действительно назови. Это тебе зачтется.

И извозчик назвал адрес жены Лисицкого. Подследственный сообщил весьма любопытную деталь. Оказалось, что этот закоренелый изверг и убийца безумно влюблен в свою жену и ради спасения ее сделает все, что от него потребуют. Извозчик рассказал, что жена бандита непосредственного участия в убийствах и ограблениях не принимает, но хорошо знает, из каких источни-

ков течет к ней золотая река. Более того, она требует от Лисицкого все новых и новых драгоценностей.

Извозчик оказался близким главарю банды человеком, пользовавшимся его особым доверием. У него даже оказались ключи от этой квартиры.

— Сегодня Лисицкий никого не ждет,— подобострастно говорил он, передавая ключ Стельницкому. — Будет нежиться в объятиях любимой супружницы. И вы его возьмете тепленького.

Группу захвата возглавили все те же Стельницкий, Якутик и Курилюк. Туда вошли лучшие агенты Алешкевич, Грибов, Любич, Марголин, Емельянов, Клионский, Ольховка, Лишай. Прикрытие операции осуществляли квартальные надзиратели нескольких отделений Минской окружной милиции.

Глубокой ночью милиционеры окружили квартиру в доме на Магазинной улице. В квартире не спали, слышались звуки граммофона. Стельницкий постучал.

— Меня прислал Лагуновский, — сказал он.

— А кто ты такой? — послышалось из-за двери.

— Я все объясню. Так получилось, — ответил Константин.

Дверь осторожно открылась, но Лисицкий не успел выстрелить. Стельницкий выбил у него пистолет, а Якутик и Курилюк быстро скрутили его.

Больше бандитов в квартире не оказалось. Сама квартира представляла собой нечто среднее между антикварным магазином и музейным запасником, столько было здесь картин в тяжелых золоченых рамах, старинной мебели, ковров, бронзы, хрусталя — немых свидетелей недавних ограблений.

Жена Лисицкого, красивая пышнотелая блондинка, сидела на деревянной, украшенной художественной резьбой двуспальной кровати и, глядя перед собой невидящими, широко раскрытыми от ужаса глазами, без умолку верещала.

Лисицкий, стоя на коленях, умолял пощадить ее.

— Да сгниет твоя жена в тюрьме, — говорил Лисицкому Гриша Курилюк. — Но тебя к тому времени уже расстреляют.

Пытаясь купить оправдание своей жене, главарь банды выложил адреса своих сообщников. И в ту же ночь почти всех их взяли, реквизировали транспорт и награбленное имущество, хранившееся в тайниках.

Лисицкого допрашивали Курилюк и Стельницкий, хорошо исполнявшие роли «злого» и «доброго» следователей. Как только Лисицкий замолкал, Курилюк начинал описывать предстоящие кары и беды для его жены, чем доводил подследственного до истерики.

— Ну не переживайте так, — успокаивал Лисицкого Стельницкий. — Ваша откровенность поможет вашей супруге!

И откровенность главаря банды не знала границ. Он показал, что разыскиваемый беспалый бандит — это Лагуновский. В день задержаний Лагуновский в городе отсутствовал. Пока он разгуливал на свободе, операцию нельзя было считать завершенной. По словам Лисицкого, Лагуновский скоро должен был снова появиться в Минске.

На квартире оставили засаду. Ни о чем не подозревавшего Лагуновского взяли здесь через два дня. Вел он себя на допросах нагло, все обвинения отрицал — был уверен, что никто его не выдаст. Бандит заявил, что указательный палец, которого недоставало на левой руке, он якобы случайно отрубил себе, когда колол дрова в нетрезвом состоянии.

Ему провели очную ставку с главарем банды. И тут он не выдержал, пустил слезу, дал признательные показания и начал все сваливать на

Лисицкого. Конечно же, Гриша Курилюк успокаивал его, объясняя, что долго мучиться ему не придется.

Так оно и получилось — Лисицкого и Лагуновского вскоре осудили и расстреляли.

На какое-то время в городе стало относительно тихо. Но чутье подсказывало сыщикам, что ненадолго. «Свято место пусто не бывает». На расчищенное розыском пространство должны были устремиться залетные, иногородние бандиты. Это носилось в воздухе и этого ждали.

Ограбление ювелира. Решающий удар

И вот снова в Минске произошло громкое преступление. Как-то утром Стельницкий зашел в кабинет к Якутику и сказал с иронией:

— Ну что, Коля! Не зря мы с тобой ждали, что приезжие утворят что-нибудь грандиозное! Дождались!

— Куда выезжаем? — спросил Николай.

— А ехать никуда не надо. Да и далеко ходить тоже. Выйди на крылечко, — ответил Стельницкий.

На улице уже скопилась масса зевак. Суета разворачивалась возле здания ювелирного магазина, расположенного буквально в нескольких десятках метров от управления уголовного розыска. Там уже были Майзельс и Курилюк. Хозяин магазина Арон Коварский что-то возбужденно рассказывал им. Вид у него был испуганный. Постовые милиционеры и квартальные надзиратели из ближайшего отделения милиции организовывали оцепление вокруг магазина, чем и привлекли внимание прохожих. Красные околыши их фуражек, из-за которых народ окрестил милиционеров «снегирями», ярко выделялись на фоне городского пейзажа.

Наконец на крыльцо вышел Бальзовский, оценил обстановку и рявкнул:

— Все инспектора ко мне! Оцепление не снимать. Фотографа и розыскных собак на место происшествия!

Стельницкий, Якутик, Майзельс, Курилюк и Рызванович собрались в кабинете у любимого ими, как нам известно, начальника.

— Это уже наглость! Ограбить ювелирный магазин у нас под носом! — кричал Виктор Иванович. — Скоро они и нашу контору взорвут! Вот так у нас все получается! Приведите потерпевшего! — скомандовал он дежурному.

Вошел напуганный Коварский и начал рассказывать:

— Магазин мой хорошо охраняется. На дверях и окнах помещения установили швейцарскую электрическую сигнализацию, я заплатил за это несколько тысяч рублей. Кроме того магазин охраняет ночной сторож. Ночью он ничего не заметил. Утром приказчики сняли сигнализацию, открыли магазин и увидели, что большинство товаров с витрин пропало, несколько сейфов вскрыто. Сейчас приказчики уточняют, что пропало, но убыток будет на сотни тысяч рублей. Причем украли уникальные ювелирные изделия тончайшей художественной работы, которые прибыли в магазин всего несколько недель назад. Когда приказчики осмотрели магазин, они обнаружили подкоп, который вел в подсобное помещение из бесхозной постройки за магазином. Вот пока все, что я могу пояснить.

— А скажите, уважаемый Арон Израилевич, вам никто не угрожал последнее время? Кто знал о ценности недавно прибывших товаров? Может,

кто-то проявлял повышенный интерес к магазину, вы не заметили ничего подозрительного? — спросил Стельницкий.

Коварский замялся:

— О ценности товаров знали приказчики и поставщики.

— Ну, а по угрозам? — настаивал Стельницкий.

Коварский долго молчал.

— Ну! Ну! Не бойтесь!

— Приходили недавно ко мне серьезные мужчины из Польши, из Вильно, интересовались, как у меня дела. Предлагали помощь и защиту за определенную сумму, — наконец выдавил Коварский.

— Но вы платить отказались, а почему? Сумма была неподъемной?

— Да, сумма была немаленькой, и потом, я рассчитывал на защиту нашей советской милиции, — со скрытой иронией ответил Коварский.

— Ну, это вы правильно делали, — окончил диалог Стельницкий.

Алексей Любич доложил первые результаты осмотра.

— Чистая работа, — сказал он. — В магазине, в лазе, все следы, лопата и ломик посыпаны специальным порошком, собака след не взяла. Похоже, работали гастролеры. Наши умельцы вроде бы уже все сидят.

— Эту кражу раскрывать будем все, — обратился Бальзовский к инспекторам. — Еще раз осмотрите место преступления. Поговорите со своей агентурой. Готовьте предварительные предложения. Обобщит их Рызванович. Потом соберемся еще раз. Работайте!

Стельницкий подошел к ювелирному магазину. На месте происшествия продолжала работать группа угрозыска. Борис Берман с кисточкой искал отпечатки пальцев, Фима Лившиц щелкал фотоаппаратом, Казик Павловский и Коля Майоров держали на поводках собак. Затем все перешли в бесхозную постройку, из которой был сделан подкоп. Там преступники тоже сработали грамотно — отпечатков почти не было, собаки след не брали. Алесь Алешкевич в углу обнаружил другой лаз. Его стали раскапывать. Туннель вел к коридору подземного хода.

Константин слышал городские легенды о подземных ходах, которые соединяли церковные здания в центре Минска. Сейчас они с Алешкевичем и Любичем стояли у входа в лабиринт подземных ходов и думали, как безопасно исследовать их. Решили действовать, как в детской сказке. Маша Некрасова принесла несколько клубков ниток. Алешкевич остался у входа держать конец, а Стельницкий, Некрасова и Любич двинулись по коридору. Ширина коридора была около метра, высота метра полтора, так что приходилось пригибаться. Стены подземного хода были из красного кирпича, от основного коридора шли боковые ответвления. Пройдя метров пятьдесят, наши путешественники, опасаясь заблудиться, решили вернуться, намереваясь пройти по всему подземелью позже, лучше подготовившись к экспедиции.

Григорий Курилюк и Костя Спаднюк направились на встречу с Максом Левиным — перспективным добровольным помощником, которому они однажды помогли, и теперь тот платил им преданностью и нужной информацией. Когда-то Константин разбирался с Максом и его другом Марком Ашкенази. Молодые предприимчивые парни, любящие красиво пожить, продавали за деньги контрамарки на бесплатный вход в цирк «Клесо», которые Максу давали контролеры за помощь в уборке цирка. Спаднюк пожалел парней, проверку прекратил и даже помог артистичному Максу устроиться в цирк. В благодарность Левин не раз снабжал Спаднюка и его руководителя нужными сведениями. Циркачи люди компанейские, да и видят, кто приходит

на представления. Теперь Макс рассказал им о настойчивых ухаживаниях за циркачками появившимися в городе молодыми людьми явно уголовного вида. Якобы эти молодые люди прибыли из Одессы или из Ростова.

Мария Некрасова встретилась с опекаемой ею официанткой Хасей Пацент. Она работала в ресторане гостиницы «Европа», где Константин был весьма уважаемым клиентом. Девушка рассказала ей, что в ресторане несколько раз появлялись группы мужчин криминального вида, которые пытались познакомиться с ней. Как она поняла, группы эти были из разных городов, молодые люди поразвязнее из Одессы, те, которые погрубее, из Ростова. Говорили они на блатной «фене», и молоденькая официантка, ее коллега, даже приняла их за иностранцев. Заходили также интересные, элегантно одетые брюнеты со свободными манерами, говорившие на идиш и польском. Маленький беспризорник Коля Шукало рассказал Марии примерно то же: по слухам, в Минске появились бандиты из других городов, которые хотят установить тут свои порядки, некоторые преступники уже использовали малолетних для мелких поручений.

Рызванович пригласил к себе своего давнего знакомого Каркалина, когда-то гласного городской Думы, а ныне труженика НЭПа. Недавно выручил Хасень Иосифович своего приятеля. Была у того недостача во время работы завмагом кооперативного объединения. По просьбе Рызвановича Стельницкий отнесся к недостаче небрежно, ограничившись ее погашением. Выйдя сухим из воды, Каркалин возглавил крупный заготовительный трест. Теперь пришел его черед помочь Рызвановичу.

— Какие новости среди красного купечества, Карл Петрович? — иронично осведомился Рызванович.

Карл Петрович замялся, но возвращать долг было нужно, и он рассказал, что в Минск из Вильно приехала группа бандитов еврейского происхождения, и теперь они пытаются обложить нэпманов поборами, обещая свою защиту, а в случае несогласия крупные неприятности. Были они и у него, и Карл Петрович пообещал выплатить запрашиваемую сумму. «А что делать, другие тоже платят!» — философски заметил он.

Хасень Иосифович попросил описать внешность вымогателей и, уточнив несколько деталей, удовлетворенно улыбнулся. Он понял, о ком идет речь.

К вечеру инспекторы вновь собрались у Бальзовского. Рызванович обобщил полученные сведения и теперь докладывал.

— В Минске появилось несколько групп иногородних преступников, которые пытаются разделить сферы влияния, — начал он. — Своей хорошей работой мы в какой-то степени этому способствовали. Ликвидировали местные банды и создали условия для пришлых. Насколько я понимаю, в городе появлялись бандиты из трех городов. Во-первых, это «BruderFerajn» («Братский союз» на идиш) — еврейская преступная организация из Вильно. Мы с Василием Лукичом хорошо их знаем по дореволюционным временам, все эти ребята были в нашей картотеке. Они организовались в 1911 году под руководством Сашки Лихтенштейна и Арона Войтика, а перед империалистической войной имели уже свою четкую структуру, свою «канцелярию», бухгалтерию и кассу — «общак». Контролировали Виленскую губернию, но добирались и до Минской. Они организовывали вооруженные нападения на магазины и рестораны, облагали их владельцев данью. В Вильно взорвали дом купца, когда тот отказался платить им три тысячи рублей. Теперь они действуют в Виленском воеводстве Польши, почерк тот же. Я получил информацию от сына своего приятеля, который работает в прокуратуре Речи Посполитой.

Организация еще больше усилилась, Лихтенштейн взял себе псевдоним Хана Бобкес и держит кассу в своих руках. Бандиты отчисляют туда процент от удачных операций. Деньги идут на подкуп полицейских, прокуроров, следователей и судей, поддержку бандитов, попавших в тюрьму, и членов их семей. Завели бухгалтерские книги, постоянно обновляются списки богатых предпринимателей, с которых берут деньги. Словом, солидная организация, у них около тысячи «штыков», больше, чем у нас в милиции. Несколько лет назад в организации произошли внутренние разборки. Судили не подчинившегося вора Эльку Гурвича и приговорили к смерти, а его друзья сдали руководство банды польской полиции, но «общак» сделал свое дело, они уже вышли из тюрьмы. Теперь они проявили интерес к минским нэпманам. У нас уже имеется несколько показаний. Насколько я понимаю, в Минск приезжал Арон Войтик. Это он приходил к Коварскому и нэпману Каркалину, приметы сходятся. Войтик очень серьезный мужчина, с ним будет сложно.

Во-вторых. В городе появились одесские ребята. Странно, что они заехали так далеко, но это факт. Все вы знаете, что Одесса столица преступного мира, слышали и про короля одесских налетчиков Мишку Япончика, который любил разыгрывать из себя Робин Гуда. Его бригада была побольше, чем у виленских коллег, — четыре тысячи. А кто не знает этой истории, пойдите в кинематограф, например, в «Пролетарий» и посмотрите фильм «Беня Крик», он как раз сейчас там идет. На самом деле фамилия этого господина была Винницкий, а Япончиком его прозвали за узкий разрез глаз и рассказы о японских ворах из Нагасаки. Чекисты в конце гражданской хорошо поработали в Одессе и всю эту бригаду, во главе с их королем, ликвидировали. Но Одесса есть Одесса. Остались еще умельцы среди тамошних преступников, да и молодежь подросла. По информации Одесского УГРО, там совершались аналогичные преступления — кражи из магазинов путем подкопа. Кроме того, установлено, что большая часть похищенных драгоценностей, в том числе уникальных, поступила от одесских поставщиков. Так что весьма вероятно, что преступление совершили одесситы.

И в третьих — это бандиты из Ростова. Если для преступного мира Одесса — мама, то Ростов — папа. По сведениям осведомителей ростовские тоже появлялись в Минске, приезжали на разведку. Видно, город пытаются поставить под контроль или поделить. Ростовские обычно работают грубее других. Их почерк — налеты и убийства, вербовка проституток, но могли совершить и кражу.

Наших местных тоже надо проверить, но эта версия менее вероятна. Необходимо отработать приказчиков магазина, окружение Коварского, чтобы выяснить, кто мог навести преступников.

Уже даны ориентировки в Одессу, Ростов, другие крупные города с описанием похищенных драгоценностей. Пытаемся через личные связи выяснить вопросы по данной краже в Вильно.

Все инспектора подтвердили версию об интересе иногородних преступников к Минску. Стельницкий рассказал, что имеется информация о том, что уже многие нэпманы платят и виленским, и одесситам. Якутик высказал предположение, что ростовские могут быть причастны к убийству Мармур. Курилюк и Майзельс сослались на недовольство местных преступников проникновением чужих и предложили использовать эту ситуацию в своих целях.

— Ну что ж, работайте в этих направлениях! — подвел итог Бальзовский. — Рызванович осуществляет координацию и работает с виленскими,

Майзельс отрабатывает окружение Коварского, Стельницкий занимается одесситами, а Якутик и Курилюк разбираются с ростовскими.

Иосиф Майзельс и Алексей Любич подробно опросили всех приказчиков из магазина Коварского. Те были напуганы и огорчены, связи с преступниками у них не просматривалось. Коварский подбирал работников по рекомендациям близких друзей и родственников, часто их детей, и мог на них положиться. Чего-нибудь подозрительного они не замечали. Поставки ювелирных изделий шли по устоявшимся связям, драгоценности поступали из Одессы и Вильно, но там поставщики были знакомы Коварскому еще с дореволюционных времен. Сторож клялся и божился, что в ночь кражи был трезв, однако, глядя на его вид, это вызывало большие сомнения. Во всяком случае, внутри помещения он ничего не слышал, а дежурил он снаружи.

Где было найти одесских бандитов, как не в ресторане, и Стельницкий это прекрасно понимал. Самый лучший ресторан города, естественно, был в гостинице «Европа». Она вновь открылась в 1925 году после продолжительного ремонта, и в нее сразу же заселилась бесквартирная советская номенклатура и военная элита. Константин, друживший со многими представителями нового советского истеблишмента, часто проводил вечера в ресторане гостиницы в компании номенклатурных приятелей, особенно военных, и приятельниц, особенно Маши Некрасовой. Там неплохо готовили, и местный джаз-банд наигрывал вполне приличную музыку — американский джаз и польское танго. Так что в ресторане он был своим и играл на своем поле. А после того, как Маша Некрасова устроила официанткой в ресторан свою подопечную Хасю Пацент, оперативные позиции уголовного розыска в этом заведении еще более усилились.

Вечером Константин предложил Маше:

— А не сходить ли нам в «Европу» поужинать?

Мария не проявила к этому предложению большого интереса:

— Я устаю, Костя, и к концу дня меня уже тянет домой.

— Маша! Мы же с тобой оперативные работники и должны чаще посещать злачные заведения. Нам на это даже деньги дают. К тому же можем что-нибудь узнать по краже у ювелира, — убедительно заметил Костя.

Когда Константин и Маша вошли в ресторан гостиницы «Европа» (бывший Саулевича, после революции предприятие общепита, а теперь снова частный), небольшой оркестр играл с эстрады мелодию популярного танго «Мурка». В зале было много военных и хорошо одетых красивых женщин. Их дополняли партийные работники, сотрудники ОГПУ, нэпманы и представители преступного мира. Пары расслабленно танцевали.

— Между прочим, это танго написано в честь твоей тезки и коллеги Марии Климовой из Московского УГРО. Ты ее случайно не знаешь? — спросил Машу Константин. Но она не знала Марусю Климову, да и вообще никого из МУРа.

Председатель ГПУ БССР Роман Пилляр — аккуратный остзейский немец из баронского рода Пиллар фон Пильхау, ужинал в окружении нескольких коллег. За свои тридцать лет Роман Пилляр успел поучиться в Швейцарии, возглавить ВЧК Литвы, побыть на подпольной работе в Германии. Его не брала пуля ни когда он пытался застрелиться, чтобы не попасть в плен к белогвардейцам, ни когда его пытались расстрелять белополяки. Два года назад при его самом активном участии в Минске был арестован легендарный террорист Борис Савинков, и теперь он делился подробностями этой операции со своими более молодыми коллегами.

Командующий Западным округом Александр Ильич Егоров танцевал с партийной выдвиженкой Дорой Яковлевой, очень красивой молодой женщиной. Жена Егорова, артистка Белкино Галина Цешковская, заметно ревновала. Бывший полковник царской армии Егоров, награжденный тремя орденами Красного Знамени, соратник Сталина, Буденного и Ворошилова по сражениям Гражданской войны, недавно прибыл в Минск из Китая, где был военным советником, сменив на посту командующего эстонца Августа Корка.

Приятель Константина комбриг Градов сидел за столиком со своею скучающей молодой женой. Ее, уроженку Питера, тяготили провинция и отсутствие артистической и литературной богемы.

Градов махнул Константину и Маше рукой и пригласил их за свой стол. Аккуратность и подтянутость новых красных офицеров не пострадали даже в новых форменных гимнастерках без погон и с некими геометрическими фигурами на рукавах и воротнике.

Мужчины выпили по рюмке коньяка и обменивались последними новостями. Новости были неприятными. Ходили слухи, что бывший нарком обороны Фрунзе не просто скоропостижно скончался, а был умышленно «залечен» врачами с подачи партийного руководства. Нового наркома — Ворошилова — военные не любили. «Серость двигает серость», — говорил Никита Градов.

Молодые дамы после шампанского стали обсуждать новости литературы и искусства. Кстати, последняя литературная новинка «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, только что опубликованная в журнале «Новый мир», как раз и была на эту тему. В ней прозрачно намекалось на причастность Сталина к убийству Фрунзе, и поэтому тираж журнала, хотя и с запозданием, изъяли из продажи. Однако многие успели журнал купить, и теперь повесть активно обсуждалась в военных и номенклатурных кругах.

Но отвлекаясь на светские беседы, Константин и Мария не забывали и о работе. Стельницкий успел переговорить с несколькими нэпманами, бывшими фигурантами его проверок, а Маша побеседовать со своей протеже. Хася Пацент рассказала ей, что одесские бандиты сегодня в ресторане не появлялись, хотя раньше ужинали каждый вечер. Похоже, что они исчезли из города. Интересную информацию узнал Константин от Николая Зинкевича, который после изгнания его из профсоюзного сада «Рабпрос» продолжал вести нетрезвый образ жизни, околачиваясь в ресторане и иногда играя в оркестре взамен загулявших музыкантов. Оказывается, одесские фраера часто захаживали к солистке оркестра Алине Апексимовой, и она познакомила их с преподавателем мужской гимназии Александровым, известным городским краеведом, у которого учился в гимназии и сам Константин.

— Алина! Вы дружите с представителями преступного мира Одессы — этого южного города солнца, теплого моря, поэтов и налетчиков. Зачем им был необходим наш уважаемый Александров — друг Бахуса и Клио? — продемонстрировав знание античной мифологии, витиевато спросил Константин красавицу певицу.

— Я сама одесситка, — гордо ответила Алина, — а с Петром Алексеевичем познакомила их, поскольку они заинтересовались историей Минска.

Александров был постоянным клиентом ресторана, так как кроме любви к истории испытывал сильную страсть к горячительным напиткам.

«Надо будет узнать у самого Петра Алексеевича, чего хотели эти одесские любители истории», — подумал Стельницкий. Хотя он уже и начинал догадываться, что тем было нужно.

Якутик, Курилюк и Спаднюк в это время наблюдали за гостями из Ростова в заведении попроще — пивной на площади Свободы. У Николая было уже много доказательств причастности ростовских к изнасилованию и убийству Яхи Мармур. Ростовские, с их грубой галантностью, по сведениям осведомителей, появились в городе, чтобы набрать штат проституток для подпольных борделей своего города из славившихся красотою минчанок. Главный фигурант этого дела сутенер Василий Шухрин по по кличке Шмаровоз в Минске в последнее время не появлялся. Из Ростова уже пришел ответ с подтверждением, что именно его отпечатки пальцев остались на флаконе духов из комнаты Мармур. Вроде бы он отдыхал сейчас в известном ростовском следственном изоляторе на Богатяновской улице. Его надо было проверить, и в Ростов направили отдельное поручение. Других ростовских бандитов минские милиционеры пока не трогали, ограничившись наблюдением.

— Какого черта их потянуло в Минск! — злился Григорий Курилюк. — Мы же им сами расчистили поляну!

— Нужно подумать, как этих бандюг стравить! — внес интересное предложение Коля Якутик.

Идею поссорить иногородних пришельцев поддержали все инспекторы. Решили действовать по всем направлениям и даже использовать местный преступный элемент, заинтересованный в том, чтобы избавиться от конкурентов.

Но пока надо было искать украденные драгоценности. О них никакой информации не было. Пришли ответы из милиции Москвы, Ленинграда, Одессы и Ростова. По личным каналам Рызванович связался с польскими полицейскими. Похищенные ювелирные изделия нигде не всплывали, к продаже их не предлагали.

Константин Стельницкий встретился со своим бывшим преподавателем. Разговорить того не составляло труда. Ключ был хорошо известен. Стельницкий прихватил с собой на встречу бутылочку «рыковки», и их беседа быстро прибрела откровенный и доверительный характер. «Рыковской» в народе называли новую советскую водку, продажа которой была разрешена в 1925 году по Декрету, подписанному председателем СНК СССР Н. И. Рыковым, а до этого в стране формально действовал «сухой закон».

Под действием этого живительного напитка Петр Алексеевич заметно повеселел и чрезвычайно разговорился. Он был удивлен, что его бывший, довольно способный ученик избрал для себя такую неожиданную стезю.

— Никогда бы не подумал, что ты, Константин, станешь советским Пинкертоном! Это для меня сюрприз! — говорил Петр Алексеевич.

По поводу же вопросов Константина он рассказал следующее:

— Ты же знаешь мой интерес к истории Минска. Я занимался, и глубоко занимался, ею во все время моей работы в гимназии. Интересовала меня и история минских подземных ходов. В конце XVII века район Соборной площади облюбовали четыре могущественных монашеских ордена: доминиканцы, базилиане, бернардинцы и бенедиктинцы. Построили вокруг монастыри. Надо было прятать где-то немалые богатства, которые с божьей помощью поступали им от местного населения. В храмах хранить было опасно. Вот и стали рыть в монастырях подземелья и соединять их подземными ходами. Я как-то рассказывал вам на уроках, что весь центр города буквально изрыт ими. Знаю, что многие мальчишки пытались полазить в них. Ты, наверно, не из их числа. Сам я бывал в таких ходах и попытался составить их схему. А потом я нашел в архиве чертеж минских подземных ходов, который сделал Валентий Ванькович — наш

известный в XIX веке художник. Три недели назад очаровательная Алина познакомила меня в ресторане с вежливыми молодыми людьми из Одессы, и они предложили купить у меня копию этой карты. Я ее продал им за хорошие деньги и с тех пор их больше не видел. Вот и все.

— А куда вели эти подземные ходы? — спросил Константин.

— Существует две системы подземных туннелей, — рассказал Александров. — Одна из них ведет от Доминиканского монастыря на углу Петропавловской к женскому монастырю бенедиктинок и костелу Святого Войцеха на Преображенской улице. Другая связывает тот же Доминиканский монастырь с монастырями базилиан на Соборной площади и бывший женский бернардинский монастырь, а теперь наш Кафедральный православный собор в Монастырском переулке. Уж извини, старина, что улицы называю по-старому, а не по-вашему, советскому. Да, — спохватился Петр Алексеевич, — забыл сказать, что молодые люди еще настойчиво интересовались «Домом масонов» в Монастырском переулке, и я показывал им схему дома.

— Ничего, Петр Алексеевич, — говорил Константин, прикидывая маршрут подземных ходов и сопоставляя их с местом подкопа под ювелирную мастерскую, — не будете ли вы так любезны предоставить копию чертежа и для минской милиции? Правда, денег за это заплатить я вам не могу. Но угощу и скажу спасибо как бывший ученик.

Заполучив чертеж, Константин решил подземные ходы исследовать. Странно, как это в детстве он не пробовал проникнуть в них. К экспедиции он привлек Колю Якутика и Машу, минчан не осведомленных о существовании подземелий. Теперь они восполняли этот пробел в образовании.

Из знакомого уже им с Машей подкопа они проникли в подземный ход. Решили идти в сторону «Дома масонов», не зря же одесские урки так интересовались этим загадочным зданием. По длинному, довольно узкому туннелю из красного кирпича с арочными сводами, подсвечивая себе фонариками и сверяясь с чертежом, они направились на восток. В туннеле было тихо и сухо. Крысы, к радости Маши, отсутствовали. Пройдя метров 250—300, они очутились в подземелье Доминиканского монастыря. Отсюда на север уходил другой подземный коридор. Наши исследователи двинулись по этому туннелю, и через 250 метров оказались в подвале мужского бернардинского монастыря, откуда было несколько подземных ответвлений. Двинувшись на восток, через 180 метров милиционеры оказались в странном подземном помещении. Пол комнаты был выложен белым мрамором, а стены выкрашены в черный цвет. В стенах располагались ниши. Их можно было принять за окна, так как они были красиво разрисованы картинами с изображением пейзажей и птиц за стеклом, цветов на подоконнике, шторок. Создавалась иллюзия настоящего окна. Это были бленды — от польского «ошибка». Дверь в комнату была наглухо забита изнутри.

— Здесь масоны проводили свои ритуалы, — сказал Константин, невольно понизив голос до шепота. — Это, конечно, интересно, но нас интересует другое. Где трофеи одесситов? Я лично думал, что они тут.

Якутик внимательно осмотрел пустую комнату. Между нишами и в углах в стены были вмонтированы массивные бронзовые подсвечники. Любознательный Николай начал изучать их. Один из подсвечников при нажатии ушел в стену. Заскрипели какие-то механизмы, и в углу комнаты в полу открылся небольшой люк.

— Что и требовалось доказать! — обрадовался Стельницкий. Однако радость его была преждевременной. В тайнике были спрятаны похищенные драгоценности, но не все, а лишь половина.

— Вот бы, Маша, тебе такие! — сказал Николай, рассматривая изысканные ювелирные изделия. Но Маша лишь грустно улыбнулась. Работникам советской милиции подобные украшения иметь было не положено.

Забрав драгоценности, они закрыли тайник и двинулись обратно. Но тут Николай остановился и воскликнул:

— Есть идея! У кого имеются письменные принадлежности?

У организованной Маши, конечно же, в сумочке лежали блокнот и карандаш. Якутик вырвал листок, нацарапал печатными буквами «Фраера! Привет маме от папы!» и оставил его в тайнике.

— Вот теперь все в порядке! — сказал он.

— Разумно! Даже очень разумно! — похвалил его Константин, представляя, как приятно будет получить привет «Одессе-маме» от «Ростова-папы».

Бальзовский, хоть и ворчливо, но сдержанно похвалил их. Начало положено, но надо было довершить начатое. Необходимо найти и задержать злоумышленников, а кроме того, продолжать вбивать клин между иногородними преступными группировками, пытавшимися поставить под контроль город.

Следующим вечером в городе была слышна стрельба. Одесситы разбирались с ростовскими. Однако стреляли, очевидно, не метко, так как вызовов на трупы не последовало.

Хасень Рызванович и Константин Стельницкий посетили Минский дом предварительного заключения и побеседовали там с известной нам подследственной Марией Каган.

— Вы же культурная девушка, Маня! И охота вам париться на нарах? — начал разговор Стельницкий. — А мы можем помочь вам выйти под подписку о невыезде. И все, что нам нужно, это чтобы вы организовали встречу с Ароном Войтиком, которого, по нашим сведениям, вы знаете очень хорошо. Мы ему ничего плохого не сделаем, а просто поговорим. Думай, Маня! Думай! — торопил ее Стельницкий.

Мария долго думать не стала и согласилась. Войтика она действительно неплохо знала. Парни из Вильно иногда пользовались ее услугами, когда им что-либо надо было узнать или сделать в Минске. Она знала, как с ним связаться, и через несколько дней после того, как ее под подписку выпустили из тюрьмы, предложила Рызвановичу встречу с Войтиком все в той же «Европе».

Это была довольно яркая картина, когда в зале ресторана под музыку танго Ежи Петерсбурского «О, донна Клара» появились Мария Каган в сопровождении Рызвановича и Стельницкий с Машей Некрасовой. И мужчины, и дамы были довольно элегантно одеты. Представительница минского преступного мира довольно уверенно прошествовала к столику, за которым сидели два господина в дорогих и модных костюмах тройках.

— Константин Иосифович! Сколько лет, сколько зим. Как я рад видеть вас в добром здравии! — приветствовал один из них Рызвановича.

— Да, давно мы не виделись с тобой, Арон. В последний раз, кажется, в 1918 году, при немцах. Ну, а рад ты мне был не всегда, особенно до революции, когда я упек тебя в Пищаловский замок за разбой, — отвечал Рызванович.

— Ну, кто старое, как говорится, помянет... А теперь, я понимаю, вы уже советский следователь. Так зачем же вам понадобилась моя скромная персона? — спросил Арон Войтик — один из главарей виленской мафии. — Я надеюсь, вы не собираетесь меня арестовывать, — продолжил он. — Коварского я не грабил.

— Мы это знаем, Арон, и арестовывать тебя, естественно, не собираемся. Просто есть серьезный разговор. А это мой коллега и тезка Константин Стельницкий.

После этого началась долгая беседа, в ходе которой Рызванович и Стельницкий постарались доходчиво объяснить Войтику, почему его мафиозной организации надо в своей деятельности держаться подальше от Минска.

Основных доводов было два: «Мы натравим на вас другие преступные группировки» и «Мы натравим на вас коллег из ГПУ».

— От своих преступников мы город в основном очистили. Но это не значит, что сюда станут ездить бандиты со всей страны. Вы уже слышали, что в городе стреляют. Это разборки между ростовскими и одесскими коллегами. Они могли бы стрелять и по виленским. Мы не вовлекали в этот процесс вас просто потому, что надеемся полюбовно договориться. Надеемся на ваше благоразумие, — поведал Войтику Стельницкий.

— Милиция в политику сильно не лезет, — дополнял Рызванович, — а ГПУ особо не вмешивается в криминал, но мы можем дать нашим коллегам такую информацию, что ситуация изменится. Я не думаю, что им понравится, как граждане Речи Посполитой устанавливают тут свои порядки. Граница для вас будет полностью закрыта, контрабанда перекроется. Вам это надо? Хватит с вас Польши и Литвы.

Похоже, что эти доводы подействовали на Войтика, особенно второй. Он обещал учесть состоявшийся разговор. Но не хотел, чтобы плохо было только виленским, поэтому напоследок сказал:

— Да, господа-товарищи, вы хорошо стравили одесских фраеров и ростовских бандитов. У них была крупная разборка. Я думаю, что одесситы решили уходить из города и завтра в последний раз будут ужинать тут — в «Европе». Они немного опасаются, но решили дать последнюю гастроль. Так что это ваш последний шанс с ними познакомиться.

После успешного разговора Рызванович, Стельницкий и Некрасова покинули ресторан, оставив Марию Каган с Войтиком.

— Ты под подпиской, Маня, — все же напомнил ей Рызванович.

На следующий день в «Европе» и произошло задержание одесской компании.

Картину задержания нельзя описать лучше, чем это сделал в своей замечательной книге «По велению сердца» ветеран минской милиции Павел Михайлович Хадыка, записавший воспоминания многих работников минского УГРО. Во всяком случае, представим это мероприятие именно так:

«...В тот вечер в минском ресторане… как и обычно, зал был заполнен до отказа. Мягкий, слегка приглушенный свет задрапированных плафонов, лучшее в городе меню, безукоризненная вежливость официантов, тихая, неназойливая музыка, танцующие пары — все располагало к приятному времяпрепровождению.

За двумя сдвинутыми столиками сидела весьма респектабельная, на первый взгляд, компания. Но иного мнения придерживался пожилой, со старорежимными бакенбардами официант, повидавший за свою долгую жизнь разного рода ресторанных завсегдатаев — от кутил-аристократов до недавних нэпманов. Глядя на этих четверых здоровенных мужланов, чувствовавших себя во фраках с манишками приблизительно так же, как медведи в подштанниках, на их размалеванных, нахально декольтированных девиц, официант сразу смекнул, что это за публика. Однако, предвкушая безошибочным

чутьем старого лакея богатые чаевые, виду не подал и принялся обслуживать веселую компанию с угодливой предупредительностью.

Один из четверых, белобрысый, с угреватой лоснящейся от пота физиономией, со сдвинутым на затылок соломенным канотье, вытащил бумажник и положил на колени. Сервировавший стол официант зорко следил за его манипуляциями. Белобрысый завернул в бумажный червонец царской чеканки золотой и выразительно подмигнул официанту. Старик обомлел, глазам своим не поверил, но быстро спохватившись, подбежал к белобрысому. Тот незаметно сунул ему деньги в кармашек жилетки. Официант, не помня себя, кинулся целовать благодетелю руку. Белобрысый оттолкнул его и зло прошипел:

— Ты что, пахан, к легавым захотел?

Старик моментально пришел в себя.

— Покорнейше благодарю, — засуетился он. — Премного благодарен. Чего изволите-с? Только для вас! Водочки «Смирновской», грибочков маринованных, икорки, балычка. Поросеночка заливного, осетринки на пару. Фрикасе из кролика, куропатку с трюфелями-с. На десерт-с фрукты, кофе по-турецки с коньячком. — И, наклонившись к самому уху белобрысого, прошептал: — Между прочим, из личных погребов его высокопревосходительства бывшего ереванского генерал-губернатора. Доставлен надежными людьми-с.

Белобрысый, рассеянно выслушав эту кулинарно-контрабандную тираду, вытянул из хрустального фужера до дна шампанское, смачно крякнул и, подмигнув девицам, громко сказал:

— Тащи, старик, все самое лучшее. Сегодня мы гулять желаем!

— Не извольте-с беспокоиться, ваше степенство! Сей момент!..

Через некоторое время молоденькая официантка, обслуживавшая соседние столики, услышала, как уже порядком захмелевшая компания перебрасывается какими-то непонятными словами…

Прибывшим в ресторан сотрудникам уголовного розыска переводчик не понадобился. «Иностранцы» изъяснялись на единственном в своем роде жаргоне блатных.

Взяли их в самый разгар веселья, когда джаз взорвался чарльстоном. Танцующая публика ничего не заметила. И только старик-официант трусливо шмыгнул в туалетные комнаты. Запершись в кабине, быстро разулся и сунул царскую пятерку под стельку такого же, как и он, старого, бывшего когда-то лакированным штиблета.

При обыске у белобрысого, оказавшегося главарем банды, обнаружили квитанцию на недавно отправленный в Одесскую область багаж. В одном из ящиков задержанного и возвращенного в Минск багажа находились со знанием дела упакованные похищенные из ювелирного магазина ценности.

Судили матерых преступников в Одессе. За ними числились не только ограбления, но и убийства».

На этом и мы кончаем свое повествование о жизни и работе Минского уголовного розыска в 1926 году. Много еще было позже и веселого, и грустного, и трагичного. Но это, как любят говорить в известной передаче на телевидении, уже совсем другая история.

P. S. *Для написания этой повести использовались различные источники. Архивные материалы о работе минской милиции в двадцатые годы двадцатого столетия, книги и публикации по истории Минска, мемуары ветерана белорусской милиции Павла Михайловича Хадыки, ярко описавшего работу сотрудников уголовного розыска. Иногда цитаты из книг Хадыки включались в текст дословно, так как хотелось сохранить его интонации и стиль.*

Елена КИСЕЛЬ

Кошкины сны

* * *

Ночью хозяйка тихонько стонет.
Утром проснется — в подушку плачет.
Если погладит — дрожат ладони…
Видимо, нос у нее — горячий.

Ночью к хозяйке приходят тени —
Черные, будто соседский Васька.
Змеями тени ползут по стенам,
Сны под кошмары чернильным красят.

Дверь поддается под мягкой лапой —
Тень улетает безумной чайкой.
Морды кошмарам порасцарапав,
Кошка ложится на грудь хозяйке.

Дремлет, свернувшись пружинкой гибкой,
Носом к щеке норовит прижаться…
Слышит хозяйка. И спит с улыбкой.
Тени сидят по углам. Боятся.

О любви с первого взгляда

Это же надо. Годами мышей давить,
Псам отметки прописывать на ушах —
И открыть в себе безграничность любви,
Лишь увидев взгляд и услышав шаг.

Словно кто-то невидимый с высоты
Прошептал: «Ты сейчас побежишь за ней,
А иначе…» Душа начинает стыть
И при солнце становится все темней.

Авантюра — покинуть родной подвал,
Вслед рвануть, позабыв про собак-врагов…

Как иначе? Я верил, я долго ждал —
Только рук твоих и твоих шагов.

И придется освоить мне баловство,
Научиться сладко мурлыкать опять…
Пусть. Зато я теперь совершенно твой,
Хоть тебе, как ни странно, всего лишь
пять.

Кошкины сны

Был мне сон, будто есть где-то чудный остров:
Там река молоком течет
И подходят мыши в обед с вопросом:
«Не хотите ль чего еще?»

Был мне сон, что есть дом, он и пуст, и темен,
Ткан из призрачных шепотков,
Там, меж стен и рассохшихся старых бревен,
Нету блюдечка с молоком.

Воробьиное там гнездо под крышей,
Отцветает сирень в саду…
Если это ты на крыльцо там вышла —
Жди, я скоро тебя найду.

Побегу по щербатой смешной дорожке,
Поселюсь в твоих снах навек.
Был мне сон: где-то в мире для каждой кошки
Свой рождается человек.

Уша ПРИЯМВАДА

Возвращение

Гаджадхар Бубу окинул взглядом комнату и сложенный багаж. Две коробки, корзинка, ведро.

— А это что за коробка, Ганеши? — спросил он.

Ганеши, собирая постель, с гордостью и в то же время огорчением и смущением сказал:

— Жена вам тут немного персиковых ладду[1] положила. Говорит, они господину нравились. Да и что мы, бедняки, еще можем вам дать?

И сквозь радость от того, что он возвращается домой, Гаджадхар Бабу вдруг ощутил тоску, словно сейчас обрывалась его связь с хорошо знакомым, любящим, уважающим и таким простым миром.

— Пишите нам иногда, присылайте весточки о себе, — попросила Ганеши, обвязывая постель веревкой.

— Если что-то будет нужно, Ганеши, обязательно пиши. И до месяца агхан[2] непременно выдай дочку замуж.

Ганеши вытер глаза краешком салфетки.

— Да кто ж нам теперь поможет-то, без вас? Если б вы остались, хоть какая-то надежда была бы.

Гаджадхар Бабу присел на дорожку. Эта комнатушка в железнодорожном квартале, в которой он провел уж сколько лет, теперь, когда вынесли багаж, казалась какой-то уродливой и голой. Растения, что росли во дворе, разобрали знакомые, и земля местами была разворошена. Но в мечтах о жизни с женой и детьми все грустные мысли о разлуке рассыпались, как слабая волна.

Гаджадхар Бабу был счастлив. Выйдя на пенсию после тридцати пяти лет службы, он возвращался домой. Все эти годы он большую часть времени коротал один. И в эти моменты одиночества мечтал о том времени, когда сможет жить со своей семьей. И эта надежда помогала ему нести бремя пустоты. По меркам общества, его жизнь вполне можно было назвать удачной. Он построил дом в городе, женил старшего сына Амара и выдал замуж старшую дочь Канти, двое младших ребят учились в старших классах. Сам Гаджадхар Бабу из-за работы жил в основном на маленьких станциях, а дети с женой в городе, чтобы не прерывать учебу. Гаджадхар Бабу по характеру был очень любящим человеком и к себе всегда ожидал такого же отношения. Когда семья была вместе, он, вернувшись с работы, дурачился с детьми или отдыхал с женой. После их отъезда его жизнь

---

[1] Ладду — десерт из гороховой (нутовой) муки, топленого сливочного масла, с орехами, кокосовой стружкой и сладкими специями: корицей, кардамоном и мускатным орехом.

[2] Агхан — девятый месяц индийского лунного календаря; 22 ноября — 22 декабря.

наполнилась непроницаемым одиночеством. И в такие одинокие дни он не мог даже находиться в доме. Не обладая поэтическим складом ума, он часто вспоминал нежные словечки жены. Даже в полуденную жару она до двух часов жгла огонь и к его приходу со станции пекла горячие лепешки, а когда он съедал их все, обязательно подкладывала еще и, невзирая на его сопротивление, с любовью подвигала новую порцию. Когда он, уставший, приходил домой, жена, заслышав его шаги, выбегала во двор, и ее глаза застенчиво улыбались.

Гаджадхар Бабу вспоминал каждое словечко, и сердце его наполнялось печалью… И вот теперь, после стольких лет, он, наконец, обрел возможность ехать туда, где мог снова жить в любви и уважении.

* * *

Гаджадхар Бабу кинул на лежак кепку, затем расшнуровал и стянул ботинки. В доме слышался звук голосов. Было воскресенье, и его дети завтракали все вместе. На его тонких сухих губах появилась нежная улыбка. С этой улыбкой он и вошел к ним без предупреждения. Он увидел, как Нарендр, положив руку на пояс, пародировал какой-то танец, который, должно быть, увидел вчера в каком-нибудь фильме, а Басанти, хохоча, повторяла за ним. Жена Амара, не помня себя, со сбившимся с головы покрывалом, заливалась смехом. Увидев Гаджадхара Бабу, Нарендр шлепнулся на стул и, взяв чашку, стал пить чай. Невестка пришла в себя и немедленно укрыла голову. Только Басанти еще продолжала содрогаться в попытках унять смех.

— Что такое, Нарендр? Что это ты пародировал? — спросил Гаджадхар Бабу, улыбаясь.

— Да так, ничего, отец, — смутился Нарендр.

Гаджадхар Бабу и сам был не против принять участие в общем веселье, но как только он вошел, все как будто засмущались и притихли, и в сердце его закралась печаль.

Усаживаясь, он попросил:

— Басанти, дай-ка и мне чаю. А что, мама все еще молится?

Басанти кинула взгляд на комнату матери. Должно быть, уже идет. И она стала процеживать чай. Невестка молча ушла первой. Нарендр тоже встал, сделав последний глоток чая. Только Басанти, из уважения к отцу, осталась на кухне и высматривала, не идет ли мать. Гаджадхар Бабу сделал один глоток и сказал:

— Дочка, чай-то слабый совсем.

— Давайте еще сахару добавлю, — предложила Басанти.

— Ничего. Придет твоя мама, с ней и попью.

Через некоторое время вошла его жена, держа в руках наполненный водой горшок для омовения. Неверно произнося молитву, она вылила воду в туласи[1]. Увидев мужа спросила:

— Что ж это вы тут совсем один сидите? А где же все?

Сердце Гаджадхара Бабу будто кольнула заноза.

— Все своими делами заняты, — сказал он, — в конце концов, это же дети.

Жена подошла и села в кухне. Нахмурившись, она стала оглядывать груды грязной посуды.

[1] Туласи — кустарник семейства яснотковые. Широко используется в кулинарии и в лечебных целях, в особенности в аюрведической медицине. Почитается как священное растение в ряде традиций индуизма.

— Сколько посуды! В этом доме совершенно никакого порядка! После молитвы и на кухню!

Она позвала слугу. Когда ответа не последовало, позвала громче. Потом, посмотрев на мужа, сказала:

— Невестка, наверное, на базар послала, — и глубоко вздохнув, она замолчала.

* * *

Гаджадхар Бабу ждал завтрак и чай. Он вдруг вспомнил Ганеши. Каждое утро, до прихода пассажиров, он приносил ему горячие-горячие лепешки пури, сладости джалеби и чай. И какой отличный чай! Стеклянный стакан, наполненный до краев, целых две с половиной ложки сахара и густые сливки. Пассажиры могли опоздать в Ранипур, но Ганеши с чаем — никогда. И никогда не приходилось его просить дважды.

Жалобы жены прервали его мысли.

— И вот так целыми днями, — говорила она, — всю жизнь только и знаю, что домашняя работа. И никто палец о палец не ударит.

— А невестка чем занимается? — спросил Гаджадхар Бабу.

— Да бездельничает. Разве что Басанти когда объяснит, что нужно в колледж ходить.

В порыве чувств Гаджадхар Бабу позвал Басанти. Когда та вышла из комнаты невестки, он сказал:

— Значит так, Басанти, с сегодняшнего дня готовка ужина — твоя забота. А невестка будет готовить завтрак.

Басанти опустила глазки.

— Отец, но мне же учиться надо.

— А ты учись с утра, — мягко сказал Гаджадхар Бабу, — твоя мама уже постарела, у нее не хватает сил делать всю работу по дому. Но у нее есть ты и невестка. Так что вы вместе должны взять эту работу на себя.

Басанти замолчала. Как только она ушла, жена проворчала:

— С учебой-то это все отговорки. Она и учиться не хочет. Да и откуда желанию взяться? У нее же из-за Шилы нет времени. У них в доме уже взрослые парни. Мне мало удовольствия бегать туда всякий раз. А запрещаю, так все равно не слушает.

* * *

Для Гаджадхара Бабу в доме не осталось места. Как обычно делают, когда нужно где-то разместить гостей, так и тут, придвинув кресла в гостиной к стене, между ними поставили для него небольшой лежак. Сидя в этой комнате, он иногда мимо воли начинал ощущать какое-то непостоянство. Он вспоминал поезда, что, лишь ненадолго останавливаясь, продолжали свой путь к следующей станции.

Из-за того, что дом был совсем небольшой, ему и пришлось устроиться в гостиной. Конечно, у его жены была комната, но она была сплошь заставлена банками с маринадами, канистрами с горохом и рисом да бочонками с топленым маслом. С другой стороны лежали завернутые в тюфяки и перевязанные веревками старые одеяла, а рядом в жестяном ящике хранилась теплая одежда для всего дома. А между ними была натянута веревка, на которой всегда беспорядочно висела одежда Басанти. Он не часто заходил в эту комнату. Во второй комнате жил Амар с женой. Ну а третья комната, прямо напротив, служила гостиной. До приезда Гаджадхара Бабу там стоя-

ли три стула, которые Амар получил в подарок от тестя. На стульях лежали синие сидушки и подушечки, вышитые руками невестки.

Когда жене нужно было выговорить свои длинные жалобы, она расстилала в гостиной свою циновку. Гаджадхар Бабу видел, что происходит в доме. И однажды, когда она в очередной раз расположилась таким образом в гостиной, он завел житейский разговор. Очень осторожно сказал, что денег теперь будет оставаться меньше и кое-какие расходы придется сократить.

— И так все расходы впритык, — вздохнула жена, — даже одежды нет приличной.

Гаджадхар Бабу посмотрел на жену с болью и удивлением. Для него положение дел не было секретом. Это и естественно, но его очень задело полное безразличие жены. Когда он пытался заговорить о том, какие следует принять меры, она проявляла мало беспокойства, но от нее самой исходили только жалобы, будто он отвечал за все проблемы в доме.

— Чего тебе не хватает? У Амара есть жена, а у нас невестка. Есть дети. Человек может быть богат не только деньгами, — сказал Гаджадхар Бабу, и говоря это, понял, что выражает чувства, которые его жена не может понять.

— О да, очень большая помощь от невестки! Она сегодня на кухне возилась. Вы только посмотрите, что там творится! — и сказав это, жена улеглась спать. А Гаджадхар Бабу продолжал сидеть и смотреть на жену. Неужели это была та самая женщина, чьи нежные прикосновения и улыбку он так часто вспоминал? Ему показалось, что она потерялась где-то на дорогах беспечной юности, и женщина, что сейчас на ее месте, совершенно не знакома ни его уму, ни его сердцу. Погруженное в глубокий сон, грузное тело жены казалось очень непривлекательным. Гаджадхар Бабу долго еще смотрел на жену отсутствующим взглядом, затем лег и уставился в потолок.

В доме что-то упало. Жена подскочила и, проворчав: «Ну вот, наверное, кошка что-то опрокинула», — убежала. Немного погодя она вернулась вся надутая от злости.

— Видали невестку?! Забыла кухню закрыть. Кошка котелок с горохом опрокинула. А всем ведь есть подавай. Вот как им теперь объяснять?!

Она немного перевела дыхание и снова заговорила:

— На тарелку овощей целый бочонок масла вбухала. Совершенно не волнуется — а ну как добытчик надорвется? Пиши пропало! Я знала, что она с этой работой не справится!

Гаджадхару Бабу показалось, что если она скажет еще хоть слово, у него начнется звон в ушах. Сжав губы, он отвернулся от нее на другой бок.

* * *

Басанти нарочно приготовила ужин так, чтобы невозможно было съесть ни кусочка. Гаджадхар Бабу поел молча, но Нарендр, отодвинув тарелку, заявил:

— Я такую еду есть не могу.

Басанти вспылила:

— Ну так и не ешь, кто тебя заставляет?

— А кто тебя заставил еду готовить? — закричал Нарендр.

— Отец.

— Да он это от нечего делать выдумал!

Мать отстранила Басанти и по маленьким кусочкам, уговаривая, стала кормить Нарендра из рук. Гаджадхар Бабу сказал потом жене:

— Уже взрослая девушка и до сих пор даже готовить не умеет!

— Ой, да все она умеет, просто делать ничего не хочет, — ответила жена.

На следующий день, увидев, что мать возится в кухне, Басанти переоделась и собралась уже выбежать из дома, но в гостиной Гаджадхар Бабу окликнул ее:

— Куда это ты собралась?

— Тут рядом, к Шиле, — сказала Басанти.

— Нечего тебе там делать. Иди к себе и занимайся, — приказал он строго.

Постояв некоторое время в нерешительности, Басанти ушла к себе.

Как обычно вечером Гаджадхар Бабу пошел прогуляться. Когда он вернулся, жена спросила:

— Что вы сказали Басанти? Она весь вечер ходит надувшись, даже не ела ничего.

Гаджадхар Бабу встревожился. Он ничего не ответил жене. Про себя же решил, что непременно поскорее выдаст Басанти замуж. С того дня Басанти стала сторониться отца. Из дома выходила через заднюю дверь. На все его расспросы жена отвечала: «Она сердится». Гаджадхар Бабу же был еще более зол. Что за характер! Сама даже ничего ему не сказала! А потом жена довела до его сведения, что Амар подумывает о том, чтобы жить отдельно.

— Почему же? — удивился Гаджадхар Бабу.

Жена прямо ничего не сказала. У Амара с женой было много претензий. Они жаловались, что Гаджадхар Бабу постоянно торчит в гостиной, и совершенно негде приткнутся, приди к ним кто-нибудь. Он до сих пор считал Амара ребенком и шлепал его по поводу и без. Невестке приходилось работать, а свекровь то и дело посмеивалась над ее неумелостью.

— А до того, как я приехал, он говорил об этом? — спросил Гаджадхар Бабу?

Жена покачала головой: «Нет!» Раньше главой в доме был Амар. А невестка ни в чем не знала отказа. Здесь часто собирались друзья Амара, и устраивались чаепития и завтраки. Басанти тоже это нравилось.

Гаджадхар Бабу медленно проговорил:

— Скажи Амару, в спешке нет никакой необходимости.

На следующий день, вернувшись с прогулки, он обнаружил, что его лежак исчез из гостиной. Он уже собирался спросить, в чем дело, когда его взгляд упал на сидящую в кухне жену. Он открыл было рот, чтобы спросить, где невестка, но тут что-то вспомнил и прикусил язык. Войдя в комнату жены, между маринадами, одеялами и канистрами он и нашел свой лежак-раскладушку. Сняв пиджак, он стал осматривать стену в поисках места, куда можно его повесить. Затем, сдвинув немного одежду, наброшенную на веревку, повесил его с краю. Не поужинав, он лег на раскладушку. Как бы там ни было, тело его уже было старым. Он, конечно, ходил на прогулки, но они очень его утомляли. Гаджадхар Бабу вспомнил свой просторный железнодорожный квартал. Устоявшаяся жизнь — утренняя суета пассажиров на станции, знакомые лица и стук колес мчащихся по рельсам поездов, который казался ему сладкой музыкой. Грозы и гудки почтовых поездов были его товарищами одинокими ночами. Некоторые рабочие с фабрики почтенного Рамджимала частенько заходили к нему, их жизнь вращалась вокруг него, и они были для него товарищами. Та жизнь казалась теперь утраченным укладом. Ему показалось, что жизнь обманула его. Он не получил и доли того, о чем мечтал.

Лежа на раскладушке, он прислушивался к доносившимся из дома звукам. Легкая перебранка между невесткой и свекровью, звук воды, наполняющей ведро, перезвон посуды в кухне и чириканье воробьев — и неожиданно он принял решение, что отныне не будет вмешиваться ни в какие домашние дела. Если в целом доме для хозяина остался только лежак-раскладушка, значит, на нем он и будет жить. Если еще куда отправят — пойдет. Если в жизни детей ему нет места, то, стало быть, будет чужаком в собственном доме. И с этого дня Гаджадхар Бабу и в самом деле не вмешивался ни во что. Когда Нарендр попросил денег, дал ему сколько было нужно, даже не спросив зачем. Ни слова не сказал Басанти, когда та допоздна засиделась у соседки. Но больше всего его огорчало то, что жена не замечала в нем никаких изменений. Он нес такое тяжелое бремя, а жена об этом даже не подозревала. Напротив, она была абсолютно спокойна от того, что он не лезет в домашние дела, время от временя говоря ему: «Вот и хорошо, и не вмешивайтесь. Дети уже выросли, а мы свой долг выполняем — образование даем, свадьбы тоже устроим».

Гаджадхар Бабу с болью смотрел на жену. Он понял, что для жены и детей он лишь статья расходов. Человек, существование которого дает его жене право окрашивать пробор синдуром[1], почитаем в обществе. Дважды в день ставя перед ним тарелку с едой, она освобождает себя от всяких обязанностей. Она настолько погрузилась в бочки с маслом и сахаром, что они стали для нее целым миром. Гаджадхар Бабу не мог быть для нее центром вселенной, теперь ее заботило лишь, как поскорее выдать замуж дочь. Даже после принятого решения ни во что не вмешиваться его существование не смогло стать частью этой атмосферы. Оно в этом доме стало казаться таким же неуместным, как лежак-раскладушка в хорошо обставленной гостиной. И все его радости утонули в одной большой печали.

* * *

Несмотря на принятое столь серьезное решение, Гаджадхар Бабу однажды все-таки вмешался. Жена, как обычно жаловалась на слугу: «Вот бездельник! На всем деньги делает! Есть сядет, так и то учтет!» Гаджадхару Бабу не раз казалось, что они живут совершенно не по средствам. И услышав слова жены, он подумал, что держать слугу — это лишняя трата денег. Работы не так уж много, в доме трое мужчин, кто-нибудь да делал бы. В тот же день он рассчитал слугу. Амар, вернувшись из конторы, стал его звать.

— Отец слугу уволил, — сказала невестка.

— Что?

— Говорит, слишком большие траты.

Это был, в общем, обыкновенный разговор, но тон, которым невестка произнесла это, сильно задел Гаджадхара Бабу. В тот день из-за плохого самочувствия он даже не пошел на прогулку. Впав в апатию, он не стал зажигать лампу. Нарендр, не зная об этом, начал приставать к матери:

— Мама, почему ты отцу ничего не скажешь? Взял и ни с того ни с сего слугу уволил. Если он думает, что я на своем велике буду возить молоть пшеницу, то ничего подобного!

— Да, мама, — послышался голос Басанти, — мне тоже не под силу и в колледж ходить, да потом еще и полы мыть.

[1] Синдур — красный порошок, используемый в индуизме. Обычно состоит из свинцового сурика (оксида свинца) или из киновари (вермильона). Традиционно его наносят на пробор замужние женщины.

— Старый же человек, — ворчал Амар, — сидел бы себе тихонько да помалкивал. Чего лезть-то во все?

Жена промолвила с иронией:

— И ничего лучше не придумал, как твою жену на кухню отправить. Она же двухнедельный запас продуктов за пять дней извела.

И прежде чем невестка успела что-то ответить, ушла в кухню. Зайдя через некоторое время в свою комнату, включила свет и, увидев лежащего Гаджадхара Бабу, сильно смутилась. По его лицу она не смогла догадаться, что он чувствовал. Он молча лежал с закрытыми глазами.

* * *

Сжимая в руке письмо, Гаджадхар Бабу позвал жену. Она подошла, вытирая мокрые руки краем сари. Безо всяких предисловий он сказал:

— Мне предложили работу на сахарной фабрике господина Рамджимала. Работа непыльная, да и лишние деньги не помешают. Он и раньше предлагал, да я отказывался.

Затем, словно желая искрой разжечь затухающий костер, тихо сказал:

— Я думал, что после всех этих лет разлуки я, наконец, заживу со всеми вами, но вот послезавтра надо ехать. Поедешь со мной?

— Я? — удивилась жена. — А что же с домом будет? Такое хозяйство большое, да и взрослая дочка …

Гаджадхар Бабу оборвал ее на полуслове:

— Ладно, хочешь — оставайся. Я просто так спросил, — и погрузился в глубокое молчание.

* * *

Нарендр старательно свернул постель и свистнул рикшу[1]. Он положил в нее постель и отцовский жестяной чемодан. Держа в руках завтрак — ладду и печенье, Гаджадхар Бабу сел на пассажирское сиденье. Он бросил взгляд на свою семью, затем, отвернувшись, стал смотреть в другую сторону, и рикша тронулась в путь.

Когда все вернулись в дом, невестка спросила Амара:

— Может, в кино сходим?

Басанти подпрыгнула:

— И я, и я с вами!

Жена Гаджадхара Бабу сразу пошла в кухню. Положив в судок остатки печенья, она отнесла их в свою комнату и поставила возле канистр. Выйдя через некоторое время, она попросила:

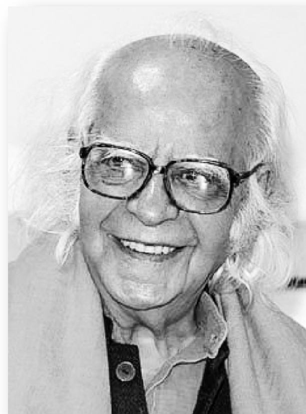
— Нарендр, вынеси отцовский лежак-раскладушку, а то ведь пройти невозможно.

---

[1] Рикша — здесь велосипед со специальным посадочным местом для пассажиров. Так же называют и водителя рикши.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

ЯШПАЛ

Два рассказа

Карвачаутх[1]

Канхаялал был на несколько лет старше коллег по офису, но женился позже всех. Несмотря на все просьбы, хозяин не смог ему дать отгул на свадьбу больше чем на неделю. Когда же он вернулся на работу, близкие друзья задавали ему стандартные вопросы, какие обычно задают в подобных случаях, и давали те же советы, что опытные люди обычно дают молодоженам.

Хемрадж считал Канхаялала умным человеком. Он поучал: «Жену, конечно, нужно любить, но портить ее своей любовью или превозносить ее совсем неправильно. Если женщина выходит из-под контроля, мужчина на всю жизнь превращается в подкаблучника. Удовлетворяй ее прихоти, но держи в узде. Бить жену, конечно, нельзя, но нельзя и допускать, чтобы женщина совсем не боялась мужа. Бить не бей, но порычать — это уж обязательно. Две ее просьбы можешь выполнить, но на третий раз откажи, пусть не думает, что может получить все что хочет. Ее должно волновать, что тебе нравится, что не нравится. Не дай бог в таком положении оказаться, как наш хозяин. Я как-то раз прямо обалдел, как увидел, как он в торговый центр собирается и у жены деньги просит. А жена ему: «В этом месяце ковер подождет, в следующем купим». А он, прямо как мокрый котенок, говорит: «Ну ладно…». Так что мужик должен деньги всегда держать при себе. А хозяин же мужик»!

Во время свадьбы Канхая, звезды сложились так, что семья девушки была совершенно не готова к церемонии видаи[2], выходных дней было мало, поэтому разговоры о церемонии ее переезда в дом мужа решили отложить на потом. С одной стороны, это было даже хорошо. Хемрадж успел просветить его: «Ты только не давай жене понять, что не можешь без нее обходиться. Не унижайся, имей собственное мнение, понял? Женщины что кошки. Как себя с ними поставишь с первого дня, так дальше и пойдет. Не зря говорят: кошку в первый день ударишь, потом дороги не найдет. Ты, говоришь, образованный, так тебе еще больше бдительность нужно сохранять. Образованные люди так характер и проявляют».

---

[1] Карвачаутх (*хинди* — карва — «глиняный горшок», чаутх — «четвертая ночь после полнолуния») традиционный индуистский праздник замужних женщин, отмечаемый в Северной Индии, преимущественно в Пенджабе и части Пакистана. В этот день замужние женщины, в знак выражения супружеской верности, постятся, не принимая даже воды, и молятся о благополучии и долголетии своих мужей. Праздник отмечается на четвертый день (чатуртхи-титхи) после полнолуния в месяц картика по индуистскому календарю.

[2] Видаи — церемония прощания. Невеста прощается с родителями и родными и отправляется в дом мужа.

Канхая самоотверженно сохранял эти наставления Хемраджа. Он рассуждал: «Если мне придется питаться в отелях да на рынках или готовить самому, зачем тогда вообще жениться?» Поэтому он забрал Ладжо в Дели. В Дели самая большая проблема — жилье. Работающий на вокзале председатель района, где жил Канхая, предоставил ему в своем квартале недорогую комнату с кухней. Так вполне благополучно прошел год с четвертью.

* * *

Ладжо окончила восемь классов в Алигархе. Она интересовалась многими вещами. Ее отец и старший брат были людьми старомодными. «Ничего, — думала она, — выйду замуж, попрошу понравившееся у Канхаи». Ладжо умела просить так, что Канхая не мог ей отказать, но с тем расчетом, чтобы она не слишком распускалась. Два раза он потакал ей, но на третий отказывал. Ладжо надувала губки и думала: «Если откажет, я обижусь, но все равно уговорю». Но вместо согласия Канхая только ругался. А раз-два даже ударил. И когда вместо ожидаемого согласия она получала пощечину, сердце ее разрывалось, и она плакала в одиночку. Потом решив про себя: «Что поделаешь раз уж такая судьба», — она смирилась с таким положением.

* * *

Вначале Канхая поднял руку будучи сильно зол. А когда это случилось, он начал осознавать свою власть и силу. А что может пьянить больше, чем ощущение собственной власти и собственной силы? В таком властном хмелю цари завоевывали страны, феодалы покупали деревни, а купцы — фабрики и банки. Этот хмель не имеет границ. И рука Канхая поднималась уже по привычке, не дожидаясь, пока он придет в состояние гнева.

Ладжо очень страдала от побоев, но гораздо больше от унижения. Когда такое происходило, она по нескольку дней бывала в депрессии. Делала всю домашнюю работу, отвечала, если ее спрашивали, пусть и неохотно, но выполняла все просьбы Канхая, но про себя думала, что лучше бы ей умереть. Потом время успокаивало боль. Жизнь продолжалась, снова пробивалось желание радости и смеха, и Ладжо потихоньку начинала радоваться. Она думала: «Он же мой муж. Какой бы он ни был, он для меня все. Буду жить так, как хочет он». А натиск Канхая еще больше возрастал над таким всесторонним подчинением жены. И чем больше равнодушия и самодурства он проявлял по отношению к Ладжо, тем больше получал понимания и любви.

* * *

В конце месяца Куар[1] соседки стали заговаривать о карвачаутхе. Рассказывали друг дружке, что им прислали в горшках из родительского дома. В первый год такой горшок Ладжо привез брат. В этом году она ждала его снова. Те, у кого родственники жены жили далеко, получали от них деньги. Канхая тоже просил прислать деньги на адрес своей конторы. Вернувшись с работы, он сказал: «Твой братец на карвачаутх две рупии прислал».

[1] Куар — седьмой месяц индийского лунного календаря; 22 сентября — 22 октября.

Услыхав про деньги, Ладжо успокоилась. Она подумала, что брат живет слишком далеко и не сможет приехать. Когда Канхая уходил на работу она, склонив голову к плечу, враждебным тоном напомнила: «А ты мне что на сарги[1] принесешь?»

Так Ладжо напомнила ему об обычно необходимых для сарги вещах. Ладжо хвасталась соседкам, что тоже потребовала сарги. Какая индийская женщина не соблюдает карвачаутх, чтобы и в следующем рождении встретить своего мужа? Даже очень образованные женщины, которые не соблюдают никакие другие посты, этот пост блюдут обязательно.

Так получилось, что Канхая обедал с друзьями и, попав под их влияние, потратил целых три с четвертью рупии. Он не смог принести то, что просила Ладжо. Когда же он пришел с пустыми руками, Ладжо вся закипела. Научившись терпеть обиды, она перестала злиться, но в тот вечер совсем сникла. Не сказав ни слова, она лишь утерла слезы и занялась кухонными делами.

За ужином, увидев, что Ладжо сидит совсем грустная и ничего не говорит, Канхая, то ли для того, чтобы показать, что он признает свою вину, то ли чтобы ее успокоить, взял да сильно ее отругал.

Душу Ладжо с новой силой пронзила боль. «Я ради него пощусь, — думала она, — а он такой черствый со мной. Я соблюдаю пост, чтобы в следующей жизни снова выйти замуж за «этого», а он меня терпеть не может». От обиды и унижения она расплакалась и, не съев ни кусочка, ушла спать.

Вопреки обыкновению с самого утра у соседей начали греметь посудой. Ладжо вспомнила, Шанти рассказывала, что ее благоверный принес ей на сарги пирожные. Жена начальника телеграфа хвасталась, что от своего получила творожные сладости. Ладжо думала: «Вот этих мужчин волнует, что их жены ради них постятся, а моего это совершенно не волнует».

Ладжо была так расстроена, что на сарги ничего не ела. Но даже не съев сарги, как ты не будешь поститься ради мужа! С утра, по традиции, слушая вместе с соседками историю о соблюдавшей карвачаутх царице и о соблюдавшей карвачаутх царской наложнице, она старалась дать празднику второй шанс. Перед тем как Канхая ушел на работу, она накормила его завтраком. Канхая, видя ее понурое лицо, снова принялся отчитывать: «Ты знаешь, что если не будешь есть, то заболеешь?» У Ладжо снова слезы подступили к горлу. Когда Канхая ушел, она еще долго сидела одна и плакала. «Какая несправедливость! Я ради него пощусь, а он еще и сердится! Чтобы во всех следующих жизнях снова быть с ним — ради этого я голодаю? Ничего не скажешь, большое счастье… а в следующей жизни он, наверное, еще больше мне счастья даст… И эту-то жизнь выносить тяжело. Я в этой жизни умереть хочу от страданий и сама же готовлю себе такие же страдания в следующей».

Ладжо со вчерашнего обеда ничего не ела. Из-за голода у нее урчало в животе, а тут еще и такое бессердечное поведение мужа. Из жизни в жизнь. И сколько таких жизней ей еще придется терпеть? От таких мыслей Ладжо все больше и больше унывала. У нее разболелась голова, и она, обвязав ее, прилегла на кровать. В день карвачаутхна в кровати обычно не лежат и не сидят, и она, немного поколебавшись, примостилась у стены прямо на полу.

Ладжо услыхала голоса соседок. Они пришли за ней. В честь праздника все женщины были рады поголодать. В этот день не полагалось шить, вышивать или вязать, нельзя было даже притрагиваться к ниткам, иголкам или пряже. Работы не было, поэтому женщины готовились к посиделкам за картами или другими азартными играми. На такие посиделки и пришли

[1] Сарги — традиционный завтрак, который женщины едят в день карвачаутх (разрешается съесть до восхода солнца); обычно мужья угощают жен сладостями.

они звать Ладжо. Из-за страшной головной боли и плохого настроения Ладжо не смогла пойти. Сославшись на боль во всем теле, она отделалась от них. «Они все сегодня хорошенько поели сарги, — думала она,— а я тут умираю». Потом от такой невеселой жизни в голову женщины снова стали приходить мысли о смерти. Она представила, что вот умрет в день карвачаутх от того, что постится, и от такой благочестивой смерти в следующей жизни уж точно снова получит своего мужа.

Мысли Ладжо бешено понеслись: «Умру, а что ему? Подумаешь, снова женится. Новая жена тоже будет соблюдать карвачаутх, а в следующей жизни он на нас обеих женится. И будем мы с ней сводными женами». Мысль о смерти показалась ей еще худшим выходом. Потом само собой пришло решение: «Нет-нет, сначала ведь он на мне женится, а уж как я умру, то на другой». От мысли о таком печальном исходе голодания она сильно разволновалась, а голод усугублял положение. «И зачем я сама порчу собственную следующую жизнь?» — думала она. Несмотря на то, что она была измучена голодом, есть не хотелось, но мысли о возможных последствиях поста взметнули в ее душе злость. Она поднялась.

В судке лежали пара лепешек, которые остались от завтрака, что она готовила для Канхая. Ладжо встала и, дабы спастись от ужасных последствий поста, съев черствую лепешку и выпив стакан воды, снова прилегла. Ей было очень тоскливо. Моментами приходила мысль: «Это я все-таки правильно сделала. Начто мне портить собственную следующую жизнь?» С такими мыслями она задремала.

Ладжо услыхала стук в дверь и заметила тень в просвете. «Из конторы вернулся», — поняла женщина. Она открыла дверь и молча отошла в сторонку. Канхая сердито посмотрел на нее: «Значит, злость еще не прошла! Да тут без тряпки не обойтись!»

И без того раненое сердце Ладжо кольнул новый укол, и страдание превратилось в гнев. Ничего не ответив, она снова нашла поддержку у стены, присев прямо на пол.

Канхая рассвирепел. «Вот упрямая! Ну, я тебя приведу в чувство!» — закричал он и, схватив Ладжо, повалил ее на пол и с полной силой залепил одну за другой две затрещины. Задыхаясь, он пнул ее ногой: «Будешь еще характер показывать? А ну встань прямо!»

Терпение Ладжо тоже кончалось. Когда он силой пытался ее поднять, женщина не сдвинулась с места. Приготовившись к новым ударам она в сердцах закричала: «Давай, бей, бей! Убей совсем! Избавься от меня! Может, хоть сегодня убьешь! Я тебе никто, что ради тебя постилась, и чтоб умирать в каждом рождении! Давай, бей! Убей меня!»

Нога Канхая, уже занесенная для удара, остановилась. Рука Ладжо освободилась из его руки. Он остолбенел. Готовые было сорваться с языка ругательства так на языке и застыли. Ему показалось, что животное, которое он бил, по ошибке принимая за собаку, дало понять своим грозным рыком, что оно совсем не собака, но тигр. Ругать и бить Ладжо было сильным заблуждением. Какое-то время он стоял в оцепенении, потом сел на кровать и погрузился в свои мысли. Ладжо сидела на полу и плакала. Канхая не мог набраться смелости посмотреть на нее. Он встал с кровати и вышел прочь.

Проплакав целый час, Ладжо, наконец, поднялась с пола. Как бы там ни было, а Канхая нужно было накормить. С большой неохотой она приготовила ужин. Но муж все еще не вернулся. Она прикрыла еду и, заперев двери, снова легла на пол. Она думала: «И что это за жизнь такая! Неужели для того, чтобы все это терпеть, нужно было родиться? Что я такого сделала, чтобы так страдать?»

Послышался звук открывающейся двери. Она утерла заплаканное лицо краем сари. Канхая вошел и взглянул на нее. Не говоря ничего, он тоже присел на циновку, расстеленную на полу у стены.

Чтобы Канхая вот так молчал — это было что-то новенькое, но Ладжо, все еще злая, молча ушла на кухню. Она расстелила циновку, поставила еду и приборы и стояла, набирая для него воду в железный горшок для умывания. Когда через пять минут Канхая не пришел, довелось его позвать: «Еда готова!»

Канхая вымыл руки под краном и вошел, вытирая их. Ладжо все еще набирала воду. Канхая съел две лепешки и встал. Ладжо начала подкладывать еще. «Больше не надо», — сказал он и как обычно, ничего не добавив, пошел мыть руки к крану.

Ладжо скрепя сердце села есть сама и тут поняла, что тыква с овощами сильно пересолена. В расстроенных чувствах она, должно быть, добавила соль и специй два раза. Женщина смутилась: «А ведь он ничего не сказал. Это он-то, который кричал даже если было совсем чуточку недосолено».

Ладжо не стала больше есть. Просто так прополоскав рот и вымыв руки, пошла стелить постель, решив, что кухней займется позже. Зайдя в комнату, она увидала, что Канхая уже сам стелет постель. Такого Ладжо не видела ни разу с тех пор, как впервые вошла в этот дом.

Ладжо смущенно проговорила: «Я уже пришла, оставь, я сама», — и взяла из рук мужа покрывало. Она принялась его складывать, а Канхая помогал ей с другой стороны. Потом он обратился к Ладжо: «Ты ничего не ела. Тыква пересолена. Да и вчера вечером и утром сегодня ты не ела ничего. Постой, я тебе молока принесу».

Канхая никогда еще не проявлял такой заботы по отношению к Ладжо. Относясь к ней, как к вещи, он даже не считал это нужным. И вот сегодня он говорил с ней так, словно жена вдруг стала человеком, о котором нужно заботиться. Ладжо немного смутилась, но ей это и нравилось тоже.

С того вечера поведение Канхая заметно смягчилось, он не допускал даже просто сердитый тон, не говоря уже о брани, будто боялся вызвать гнев или неудовольствие Ладжо. Увидев, что она недоделала какую-нибудь домашнюю работу, он тут же принимался делать ее сам. Когда она подхватила малярию, не давал ей подходить к кухне, даже посуду мыл сам. Несколько дней Ладжо чувствовала смущение. А потом любовь к мужу стала еще сильнее. Она старалась освободить его от домашних хлопот, говоря всякий раз: «Не мужское это занятие!»

Их жизнь сильно изменилась. Когда Ладжо звала его обедать, он отзывался: «Ты сначала все приготовь, потом вместе поедим». Раньше, принеся какой-нибудь журнал или книгу, он молча читал один. Теперь же слушал, как читает она, или сам читал для нее вслух, иногда спрашивая: «Ты там не засыпаешь?»

Незаметно пролетел год. Снова наступил карвачаутх. По неизвестным причинам денежный перевод от брата Ладжо не пришел. В первый день праздника, когда Канхая уходил на работу, Ладжо смущенно сказала: «Брат, наверное, забыл деньги выслать». Канхая утешительным тоном сказал: «Ну и что с того? Да он наверняка выслал. Просто почта перегружена. Сегодня придут, а нет, так через пару дней точно. На почте сейчас по пятнадцать дней переводы пересылают. Ты постом особо не увлекайся, а то еще заболеешь. Да, если что принести нужно, скажи, я принесу. А все эти посты, что от них толку? Все это обман сплошной».

«Как это! Нет, я обязательно буду поститься! Брат не прислал ничего, это ерунда. Дело не в посылках, а в посте», — забеспокоилась Ладжо.

Вернувшись вечером, Канхая принес небольшой узелок. Он положил его в руку Ладжо и сказал: «Вот, возьми. Пирожные принести принес, но всякими там постами заниматься нечего». Ладжо улыбнулась и положила узелок в шкаф.

На следующий день Ладжо в обычное время приготовила завтрак и из кухни позвала Канхая: «Иди есть, уже все готово». Зайдя на кухню, он увидел, что она накрыла только для одного человека. «А ты?» — он посмотрел на нее. «Так у меня же пост! Да я уж с утра сарги поела. Ты спал еще», — сказала она мягко. «Ах так! Ну тогда и у меня тоже пост!» — сказал Канхая, просто вставая из-за стола. Ладжо, схватив мужа за руку, остановила его: «Да ты что, с ума сошел! Где это видано, чтоб мужчина карвачаутх соблюдал?! Нет! Нет! Как это так?» Канхая не принял ее доводов: «Если я тебе нужен в следующем рождении, то разве ты мне не нужна? Или тогда и ты сегодня не постись!»

Ладжо, с испугом поглядев на мужа, признала поражение. Он, так ничего и не съев, ушел в контору, а она не могла унять гордость, переполнявшую ее сердце.

Право на страдание

Одежда делит людей на классы. Часто именно одежда определяет права человека и его место в обществе. Она открывает для нас многие запертые двери, но порой возникают обстоятельства, когда мы, опустившись, желаем понять чувства низших классов. И тогда именно одежда становится серьезным препятствием. Как воздушные потоки не дают оторвавшемуся воздушному змею упасть на землю, так, в определенных обстоятельствах, и наша одежда не позволяет нам опуститься.

На базаре по краю дороги, разложив для продажи дыни в корзины и просто на землю, расположились люди. Рядом с дынями сидела и плакала пожилая женщина. Дыни лежали на продажу, но кому охота было подходить к ним? Торговка дынями, закрыв лицо краем одежды и спрятав голову в колени, плакала, громко всхлипывая.

Сидевшие рядом на своих скамейках торговцы и проходившие по базару люди с презрением ее обсуждали. При виде этой плачущей женщины душу мою пронзила боль, но каким образом мог я узнать, отчего она плачет? Моя одежда стала преградой к тому, чтобы я мог сесть рядом с ней на дороге.

Один мужчина, презрительно сплюнув, сказал: «Что за времена! Не успел парнишка умереть, а она уже торговать начала!»

Другой господин, поглаживая бороду, говорил: «Эх, уж как Аллах решит, такое благословение и посылает!»

Еще один стоявший тут же мужчина сказал, ковыряя в ухе спичкой: «Да таким людям-то что? Они же за кусок хлеба на все готовы. Для них же что ребенок, что муж, что вера — все кусок хлеба».

Сидевший тут же хозяин бакалейной лавки сказал: «Э, братец, им-то может и не быть никакой разницы, жив человек или умер, но нужно же уважать веру других. После смерти ребенка бывает тринадцать дней сутаки[1], а она пришла на базар и продает свои дыни! По базару тысячи людей ходят. Откуда им знать, что в ее доме сутака? А что если они купят да съедят ее дыню? Как же тогда сохранится их вера?! Какая несправедливость!»

[1] Сутака — состояние или период ритуальной нечистоты, связанной с рождением ребенка или смертью члена семьи.

Расспросив в соседних лавках, я узнал, что у нее был сын двадцати трех лет, дома остались невестка и внуки.

Парень зарабатывал на пропитание для семьи тем, что выращивал овощи на полутора бигхах[1] земли недалеко от города. Иногда он приносил на базар корзины с дынями и сам торговал ими, иногда это делала его мать. Позавчера на рассвете он выбирал в лозе спелые дыни, и его нога угодила в насыпь на меже, где как раз отдыхала, свернувшись в прохладе, змея. Змея тут же его укусила.

Мать парнишки, вне себя от горя, позвала знахаря. Он прочел заклинания, совершил пуджу[2] змеиному божеству Нагу. За пуджу полагается платить. И вся мука и зерно, что были в доме, пошли в счет оплаты. Мать, невестка и дети рыдали, не отходя от Бхагаваны, но «божественный», однажды замолчав, не сказал больше ни слова. От змеиного яда все его тело почернело.

Человек живой может иногда быть нагим, но нельзя же нагим отправить в последний путь покойного. Для него, конечно, нужно купить новую одежду, даже если его матери придется для этого продать свои браслеты.

Бхагавана отправился в мир иной. Все, что было в доме, ушло на церемонию прощания. Отца не стало, но что с того детям? Не успев утром проснуться, они захныкали, прося есть. Бабушка дала им поесть дыни, но что она могла дать невестке? Та слегла, и все ее тело горело в лихорадке, как раскаленная сковородка. Теперь, когда не стало сына, кто поддержит старуху парой монет?

Плача и то и дело вытирая глаза, она сложила в корзины дыни и пошла на базар. Что еще ей оставалось?

Старуха нашла в себе силы продавать дыни, но все время всхлипывала, пряча заплаканное лицо.

Та, чей сын только вчера отправился в мир иной, сегодня уже продает дыни. Ах, каменное сердце!

Чтобы представить, что чувствует эта женщина, потерявшая сына, я стал размышлять о своей соседке, которая также потеряла сына в прошлом году.

Эта достойная женщина полтора месяца не вставала с постели после смерти сына. С горя от разлуки с ним она впадала в беспамятство через каждые пятнадцать минут, и тогда слезы, льющиеся из ее глаз, не могли остановиться. У ее постели постоянно сидели по два врача, меняя на ее лбу холодный компресс. Весь город сочувствовал этой женщине, оставшейся без сына.

Когда ум теряет путь к мышлению, в смятении ускоряются шаги. В таком состоянии, высоко подняв голову, расталкивая прохожих, ушел оттуда я. Все думал о том, что в горе и в переживании несчастья тоже должна быть тактичность, и о том, что… на страдание тоже есть право.

[1] Бигх — земельная мера, равная ¼ га.

[2] Пуджа (*санскр.* — поклонение, молитва) — религиозный обряд в индуизме, предложение образу божества пищи, воды, благовоний, цветов и т. п.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

На покрывалах столицы спит Индия

Индийская поэзия

Нареш Кумар
УДАС

Обманываем жизнь

Изменяется
Наш календарь
Каждый год,
Дата следом за датою мчится,
Но совсем не меняется
Жизненный ход,
Образ жизни
Не в силах смениться.

Не проходит
Наш голод,
Наш тяжкий недуг,
Наши трудности, беды, напасти.
Словно юные девушки,
Беды цветут,
Спины гнут нам,
Ломая на части.

И растет
Неизменно
Лишь этот наш глад,
И растут
Неизменно мученья,
И растет неизменно
И день ото дня
Долга нашего тяжкое бремя.

И трещат,
Раз за разом ломаясь, мечты,
И душой раз за разом страдая,
Постепенно идем мы
До смертной черты,
Лишь обманом всю жизнь наполняя.

С возрастом меняются мечты

Да, у мечтаний тоже возраст есть.
Не говорю, что пожилые не мечтают
Иль не хотят мечтать,
Но все ж с теченьем лет
Мечтаний облик изменяться начинает.

В мечтаньях юных бурно цвет кипит,
И бьется, бьется в них душа полна фриволью,
И легче ветра
Птицей быстрою летит,
И все цветком дрожит,
И все гудит пчелою.

Но с возрастом
Заботы все растут
И вот тогда мечты меняться начинают.
В них явь отражена,
И потому
Порой
Они, стеклом разбившись, умирают.

И правда, с возрастом
Меняются мечты.
И вместе с возрастом
Становятся взрослее,
Стареют,
И у жизненной черты,
Они, бесцветностью наполнившись,
Пустеют.

Ведь многие мечтанья,
Не успев
Ни прорасти, ни с полной силой встрепенуться,
Стать старше и взрослее не успев,
На сотни маленьких осколков разобьются.

Лари АЗАД

Вспыхнет ваше гнездо

Не нужны были мне
Ни дом для жилья,
Ни бокал для питья,
Ни время для сна,
Лишь просила,
О, дворцов обладатели!
Еды, той,
Что «рядовым солдатам» даете вы.
Мне для сна служила
В трещинах земля,
Голову укрывала
Неба пригоршня.
Даже лидеры Индии дать не могли
Мне тропинку,
Но вы
Не дали мне и двух ярдов земли.
Четыре дня прожила,
Свою жизнь съедая.
Но запомните,
Печи моей погаснувший огонь
Детьми моими будет вновь разожжен.
Ветер, что дует и шелест несет,
Обязательно зажжет
Завтра одну лишь искру.
И вспыхнет оно,
Ваше гнездо,
В чьи двери и стены
Проникают стоны
Крови моей, капель жизни моей,
Которые вы принимаете теперь
За «стереомузыку».

Голос беспомощного

Речные лебеди
С теченьем времени
Болото мира бренного покинули.

Звезд ячмень,
Пламя свечей
В свете рассветных лучей поблекли.
Я вижу, как время ужасно,
Как приблизилось оно быстро!
О, путь указующие!
Ваши карты
Потерялись в песках.
Много сердец влюбленных,
Встретившись в этих волнах,
Превратились в неверных.
Полегли купола,
Минареты скосились,
Каркасы и арки в руины превратились.
Один
Угнетенного стон
И вихрем лих
Будет снесен мечтаний дворец в единый миг.
Когда чаша тиранства
До предела наполняется,
Она вдруг сама собой через край изливается.
В сильном вихре
Ветер все быстрее несется,
И от бренного мира
И следа не останется.
Бессильного крик громогласный
Когда прозвучал,
В страхе
Его гонитель раскаянный
Беззакония признал.
Друзья, кто в сей мир пришел,
Из него уходил,
Но, уходя,
Звучным голосом он
Рабство древнее возвестил.

В стране демократии

В пламени огня пылая,
Раскаленные, но спокойные
Угли догорают.
Бродяги, свой дом на плечах неся,
Из города в город скитаясь, век проживают.
В плеске безмолвья
Сосуда наполовину полного
Все смыслы умещаются.
В солнечном зное
Вчера потонувшие
Сегодня бесстрашные звезды поднимаются.

Как теперь успокоится голод людской?
Погибли рыбы страждущие,
Отравившись реки горькой водой.
В неизвестной пустыне сломленная
Надежда,
Усталостью побежденная.
Из шикарных авто
В публичных местах
Народ страшным голодом душат.
В стране демократов
Имея права,
Голос народа все глуше.

Что за Индия!

Пустые животы
Обрядив в отрепья,
На покрывалах столицы
Спит Индия.
Продав и плуг, и вола,
На колесах трактора
Спит Индия.
Вдали от линии Макмагона,
Со свободным Кашмиром разлученная,
В лачугах Нараянпура
Теряется Индия.
Солнце стоит,
Пляшет луна,
И все же повсюду
Отстает Индия.
В сумерках Джанпатха,
Под крышами Белчхи
Подпольную жизнь
Ведет Индия.
От шахт Часнала
До разливов Морви
В ущелье смерти
Промокает Индия.
Со времен Кутубминара
До его подражания
Раздает дары нищим
Индия.
Кровь, от престола Дели
Текущую десятилетия,
Ложную историю написав,
Отмывает Индия.
Третьей мировой войны опасаясь,
В губительной толпе,
На палку опираясь,
Задыхается, дрожит Индия.

Четыре сферы

1. Трупы

Грехом считается коровы умерщвление,
Но человеческое жертвоприношение
Есть преступление, достойное прощения.
С тех пор как зверь
Больше не смог
Человека убивать,
Сам человек
Человеческой крови
Стал желать;
В виселичных петлях
Доски качаются.
«Смертная казнь ушла»
И вместе с собой
Правосудия страх унесла,
Теперь в каждом доме
На кольях
Трупы болтаются.

2. Похоронные носилки

Даже из плоти и крови игрушка
Роботом стала.
Что поделать бедняжке,
Это науки эра;
Все доступным становится,
Лишь довольно желания,
Массой людей производится
Электроэнергия
Для того, чтобы хлеб поднять,
Но природа из зависти не спешит помогать;
Да, явилось невовремя,
Мор вызвало,
Но зато это чудо научное
Бомбу атомную создало.
И носилки поднимутся
Похоронные,
Останки мира неся
Бренные.

3. Место кремации

Я тела горящие вижу,
Но глаза мои
Жжет прохладой.

Да, и я остываю тоже
Вместе с мира
Температурой.
Близок
Тот костер погребальный,
На котором груда останков,
Сильный грохот и треск издавая,
Ярким пламенем воспылает.
Лишь вчера только
На перепутье
На костер взошла Аша Деви,
Люди там же
Свои эмоции,
Свои чувства отдали в жертву.
И теперь лишь трупы живые
Остались гореть, пламенея.

4. Погребальный костер

Куда бы ни шел я —
Цели пути в дымке едва различаются,
Сколько б ни шел я —
Дороги мои, не зная куда, разбегаются,
Как бы ни шел я —
Дыханье мое, сдавливаясь, прерывается.
Но надо идти, свой путь продолжая,
Милю за милей одолевая.
И цели рушащиеся,
И дороги рвущиеся
Обгоняя.
Вместе с дыханием, с губ срывающимся,
Все дальше и дальше шагая.
Как буду я жить —
Когда жизнь не имеет смысла?
Где буду я жить —
Места жительства я лишился,
Сколько буду я жить —
Безнадежный, лишенный надежды,
Слушай, Времени бог!
В ожидании богини Смерти
Я темный стою, жду, когда же она настанет,
Безнадежная жизнь —
Теперь сама
Свой погребальный костер разжигает.

Лина Малхотра
РАО

Необходимые в путешествии вещи

Сегодня проснулась я от глубокого сна,
И не день, а вся жизнь стала мне нова.
И я не хочу замечать,
Как прошла моя жизнь, не хочу даже думать.
Где тот мужчина,
Которого я
По глоточку украдкой выпивала с каждой чашкой чая?
Тот мужчина, что повелителем был для меня,
Чьи проблемы и жажды ловить было долгом моим, словно я
Вокзальной тележкой была, в которую он,
Когда вздумает, мог тревоги свои погрузить.
Я до станции назначенной доставляю их,
На которой, забрав все, он, словно пассажир, готов уйти.

Целую ночь я пролетающие самолеты считаю,
О сидящих в них пассажирах и их женах думаю.
Которые, верно, дома об их благополучии молятся,
Когда несколько их объятий и кратких поцелуев
На мою крышу попадают,
На мою постель переползают,
А краски цветков, что вышиты на моих покрывалах, мешают.
И тогда все спички в коробке отсыревают.
Лишь это препятствие я
Своими слабыми силами создала,
Но сегодня я из дому вышла,
Все цветы своих желаний
В чемодан положила.
Вот вещи, что в путешествии мне необходимы.

Пинда-даан[1] в Банарасе

Когда гхат[2] от легкого вина молитв сознание теряет,
Даже тогда его ступени не засыпают.
Воды Ганга в молчаливых лодках предков несут,
С омытых дождем улиц Банараса обезумевшие сыновья идут.

---

[1] Пинда-даан — подношение поминальной пищи — шариков из вареного в молоке риса, сезамовых зерен, меда и топленого масла.

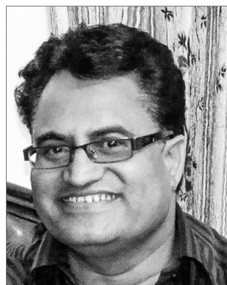
[2] Гхат — каменное ступенчатое сооружение, служащее для ритуального омовения индуистов и (ли) как места кремации.

Пеплом страданий сыновья молча свое горе посыпают,
В воды, растворившие пригоршни печали, отца опускают.
Украшен красным порошком, отец сердится,
Но уже не может пожаловаться
На то, что было так просто любому, кроме его сыновей, понять.
И в этом непонимании было нужно сына из города изгнать.
Но
И тогда отец знал, с изгнанием сына городу суждено пустынней стать.

Отец ест, прежде чем отправиться в путь —
Из рук сына ячмень и черный кунжут.
Поцеловав сына бессильную руку, отец уходит по гхата спуску.

Ступени гхата на этот раз тоже,
Словно дочери, читают невысказанное,
Ветры наполняются таинствами,
И Банарас подобно загадке покоится,
С пути не сбиваясь, погружается
В покой
В колокола
В молитву
В шорохи
В Ганг...

Премчанд
ГАНДИ

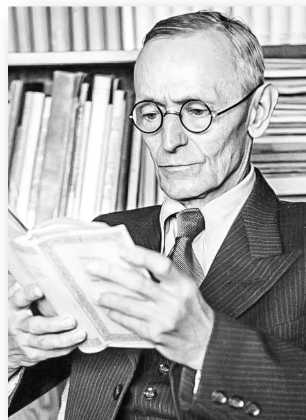
Увидев дерево гвоздики

Увидев дерево гвоздики, думаю
О людях, что цвета его вобрали.

Задумываются ли они
О том, как много в них такого цвета?
Задумывается ль дерево гвоздики,
Увидев с цветом этим человека,
Что вот он, человек моего цвета?

Особый острый вкус гвоздики,
Где есть еще такой во всей Вселенной?
Мой ум пронзают молнии.
И эти темно-розовые губы,
И вспоминается то дерево гвоздики.

Перевод с хинди Алеси МАКОВСКОЙ.

Герман ГЕССЕ

Утомляет неизменное

Написанное на песке

То, что самое прекрасное, —
Дуновение одно,
Что дарующее счастье нам —
Только пар в палящий зной:

Облака, цветы и пена,
Фейерверк и смех ребенка,
Женских взглядов отраженья
Мимолетны, кратки, тонки,
Лишь возникнув, убегают,
С нами только на мгновенье,
Словно ароматы, тают —
Знаем, знаем с сожаленьем.

Что надолго, что застыло,
Не настолько сердцу близко:
Яхонт с холодом искристым,
Камни, слитки золотые;
Даже звезд неисчислимых
Мириады чужды бренным,
Эти маяки Вселенной
Души нам согреть не в силах.

Что прекрасно, то подвластно
Угасанию и смерти.
В бесконечной круговерти
Наше главное богатство —
Звуки музыки, возникнув,
Исчезают в дивный миг тот,
Словно ветер, словно волны,
И печали тихой полны,
Как удары сердца, дробны,
Стук за стуком, звук за звуком,
Раздаваясь сладко, гулко,
Удаляются от слуха.

Потому-то мимолетному,
Преходящему, живому
Сердце радо, как родному,
А не долговечно твердому.

Утомляет неизменное —
Скалы, звезды, жемчуг — вскоре.
Странники самозабвенные,
Словно перекати-поле,
Восхитимся, зарыдаем
Над минутным, как мы сами:
Над росой на розы листьях,
Над снегов сверканьем чистым,
Над зарей, над мотыльками,
Что у лампочки мелькают,
И над смеха мягким звоном,
Прозвучавшим где-то рядом,
Над грядою туч огромных.
Любим мы, что нам понятно,
Что подобно нам, что ветры
Пишут на песке зачем-то.

Весенний день

В зарослях всполохи ветра,
А в сладостной выси плывет
Фрегат из туч велеколепных...
Блондинка прекрасная вот,
Вот юности годы мои,
Синеющая неба ширь —
Тоски моей колыбель,
Безмолвно лежу в ней,
В блаженном тепле я
Под гуд еле слышный в теньке,
Как на материнской руке
Дитя.

Дети июля

В июле рожденные дети —
Нам головы всем вскружил жасмин,
В мечты погруженные, словно в сны,
Безмолвно проходим сады в цвете.

Нам брат мак багряно искристый,
Сгорающий в трепете пламенном
В полях и на стен окалинах,
Ветер его обрывает листья.

Наша жизнь мчится хороводом румяным,
Как июльская ночь или вечер
В грезах празднику урожая навстречу
С венками колосьев и маком багряным.

Перевод с немецкого Александра РЫЖОВА.

Зинаида КРАСНЕВСКАЯ

Пантеон женских сердец

Вирджиния ВУЛФ
(25 января 1882 года — 28 марта 1941 года)

Я ни то и ни другое.
Я и не женщина, и не мужчина.
Вирджиния ВУЛФ

Понимаю, всякого, кто вознамерился писать о женщинах-литераторах, неизбежно подстерегает на этом, прямо скажем, тернистом пути своеобразный капкан, сотворенный, впрочем, из наших же собственных стойких предрассудков и устоявшихся стереотипов мышления. А потому заливайся себе соловьем залетным сколько твоей душеньке угодно, захлебывайся от восторгов, повествуя о значительном вкладе той или иной представительницы прекрасного (читай, слабого) пола в сокровищницу мировой литературы. Все равно ведь где-то на уровне подсознания, по умолчанию, так сказать, и у читателя, да и у самого автора, продолжает свербеть в голове одна и та же неотвязная мысль. Дескать, ну что там женщина? Известное дело! Она и в Африке всего лишь женщина. И таковой пребудет вовеки веков, пусть даже самой-пресамой гениальной, ни на кого не похожей, в высшей степени неординарной и непредсказуемой, эпатажной, восхитительной, упоительной и обольстительной до умопомрачения. И о чем таком значительном или судьбоносном может поведать миру очередная чаровница? Разве что о собственных чувствах и переживаниях, изливаемых на бумагу в бесчисленных поэтических опусах и любовных романах, коими полнится национальная литература любой страны. И это еще без учета несметного количества всяческих разных графоманок, коим тоже несть числа. Их, бедняжек, всех вместе и каждую по отдельности, навечно пригвоздил к скрижалям бессмертия всего лишь одной-единственной фразой Антон Павлович Чехов, большой знаток человеческой души. А как иначе? Хороший врач всегда обязан быть и хорошим психологом. А тут еще плюс и великий писатель. Конечно, дорогой читатель, все вы прекрасно помните эту фразу. Ведь именно ею начинается очередной «шедевр», сотворенный Верой Иосифовной Туркиной, героиней рассказа «Ионыч». Чтением этого своего творения она и потчует гостей, собравшихся в доме Туркиных в один из вечеров. Так все же — припоминаете этот исполненный особой, легкой, почти неуловимой иронии чеховский текст?

Она начала так: «Мороз крепчал…»

И вот уже более ста с лишним лет сия бессмертная фраза кочует из одной критической статьи в другую как самый яркий и самый точный образчик банальности, иллюстрирующий все скудоумие авторессы, неспособной ни на яркую метафору, ни на запоминающийся сюжет, ни на подлинный взлет собственной литературной фантазии. Одно слово, женщины! Чего с них взять, в конце концов?

Впрочем, те из вас, мои глубокоуважаемые читатели, кто успел ознакомиться на страницах журнала с уже опубликованными очерками из серии «Пантеон женских сердец», вполне возможно, и не согласятся со столь безапелляционным выводом. Станут возражать, говорить, что, нет! — напротив, взять у знаменитых и прославленных писательниц как раз есть много чего: и полезного, и поучительного, и врачующего душу, и примиряющего со всеми вывертами архисложного времени, в котором нам довелось (и доводится!) жить. Само собой, я тоже так думаю! Как говаривали раньше на всяких собраниях, «поддерживаю целиком и полностью» именно такую точку зрения.

И вот вам, глубокоуважаемый читатель, в качестве доказательства «от противного» еще одно имя. И еще одна женская судьба, прорисованная, как всегда, очень абрисно, почти пунктирно. Что делается намеренно. Для того, чтобы подвигнуть читателя на путь уже самостоятельного, личностного знакомства с той, которая — представьте себе! — обошлась в своем творчестве без пресловутых «вздохов на скамейке», ути-пути и прочей лирической чепухи, так раздражающей иных в книгах даже самых великих представительниц прекрасного пола. Итак, прошу любить и жаловать! Вирджиния Вулф! Собственной персоной…

И как всегда, пару слов о том, где и когда случилось уже мое собственное знакомство с этой кудесницей стиля. Представьте себе, в кино! Вот чем был и что значил великий синематограф в минувшем веке. Увы и ах! В XXI веке он таким почти вселенским просветительским влиянием уже не может похвастаться. Да и роль просветительства в наши дни постепенно скатывается до уровня весьма поверхностного знакомства с тем или иным событием, фактом или именем на основе коротенькой справки, выловленной из сети. Время торопит! Некогда углубляться в подробности…

Но как бы то ни было, а лично я впервые прочитала имя Вирджинии Вулф не на книжной обложке, а на киноафише, зазывающей прохожих на просмотр нового американского фильма под названием «Кто боится Вирджинии Вулф?». И случилось сие нетривиальное знакомство в далеком то ли 1967-м, то ли 1968 году. На тот момент имя Вирджинии Вулф абсолютно ни о чем не говорило моему сознанию. Полнейшая *tabula rasa,* так сказать. То есть такой девственно-чистый лист бумаги, не тронутый избыточными познаниями по части новейшей западной культуры. Зато ни в какой рекламе не нуждались имена исполнителей главных ролей — Ричарда Бартона и несравненной красавицы Элизабет Тейлор, потрясшей меня своими дивными фиалковыми глазами еще в раннем детстве, где-то в классе первом или втором, когда я вместе с мамой посмотрела, по случаю, потрясающе красивый фильм «Рапсодия», в котором Тейлор тоже снялась в главной роли.

Разумеется, я вприпрыжку побежала в кино. Вполне возможно, даже «сорвалась» с какой-нибудь лекции или семинарского занятия. И скорее всего, направила свои стопы куда-нибудь подальше от родной *alma mater.* В кинотеатр «Центральный» или в «Победу». Ибо все мы, инязовцы тех лет, были прекрасно осведомлены о том, что в нашем домашнем кино-

театре «Мир», распахнувшем свои двери всего ничего — каких-то пару лет тому назад, так вот, в «Мире» администрация ВУЗа регулярно проводила профилактически-воспитательные рейды с целью выявления злостных прогульщиков занятий, манкирующих своей главной обязанностью «учиться, учиться и еще раз учиться» ради каких-то сомнительных киношедевров, привезенных издалече. Словом, я побежала… В полном соответствии с призывом страшно популярного в те годы Андрея Вознесенского: *«Айда в кино!»*

Первое разочарование постигло меня почти сразу же. Фильм оказался черно-белым. Да и во всем остальном… Признаюсь честно, после завершения киносеанса я вышла из зала, совершенно раздавленная и шокированная увиденным. Именно так! Шокированная донельзя. Не потрясенная, не впечатленная, не восхищенная и прочее, а ошарашенная теми потоками грязи, которые лились с экрана на протяжении всего просмотра. Впервые я увидела кинокартину, в которой обычные (плюс-минус!) семейные передряги так откровенно и с таким душевным надрывом выставлялись на всеобщее обозрение. И от этого становилось как-то не по себе. Не то чтобы я была на тот момент настолько наивна, чтобы не понимать, что семейные отношения — вещь непростая. И каждая семья, как справедливо заметил классик, если и несчастлива, то несчастлива по-своему. Но одно дело — понимать это умом и совсем другое — лицезреть безобразные сцены выяснения супружеских отношений, уже сидя в темном зале кинотеатра. Разве можно говорить обо всем этом так открыто, совершенно искренне удивлялась я, наблюдая за перипетиями сюжета. Так откровенно и без обиняков? И при чем здесь какая-то Вирджиния Вулф, которой я знать не знаю? Совершенно этого не поняла. Словом, я покинула кинотеатр озадаченная и растерянная.

Это уже потом, некоторое время спустя, моя любимая студенческая подруга Люда Гаврилова, большой знаток всего на свете, но прежде всего — американской культуры в целом и американского кино в частности, дала мне исчерпывающую информацию по теме. Оказывается, фильм, кстати, последний черно-белый кинофильм, выпущенный на студии «Уорнер Бразерс», был снят по пьесе знаменитого американского драматурга Эдварда Олби. Сама же пьеса с огромным успехом шла на подмостках театрального Бродвея с 1962 года и неизменно, на протяжении многих лет, собирала полные залы зрителей. Да и фильм, несмотря на все своеобразие тематики, тоже оказался далеко не проходным. Во всяком случае, по словам Люды, он получил целых пять «Оскаров», а фигурировал аж в целых восьми номинациях. На премию были номинированы все четверо актеров, снявшихся в этой киноленте. Совершенно беспрецедентный случай в истории Голливуда. Само собой, «Оскара» получила Элизабет Тейлор как лучшая актриса первого плана. За роль второго плана премии удостоилась еще одна актриса — Сэнди Деннис. Вот такое вот кино! Сильно оно меня оцарапало, хоть я ничего толком и не поняла. Зато хорошо запомнила вопрос, который задал главный герой киноленты, профессор истории по имени Джордж, своей непутевой супруге Марте после бурных скандалов и безобразных семейных разборок, продолжавшихся всю ночь. Так кто, все же, боится Вирджинии Вулф в их семье? И ответ героини, блистательно сыгранной Элизабет Тейлор, тоже запомнила: «Я, Джордж, я…»

Интересно, кто же это такая, Вирджиния Вулф, размышляла я по пути домой, что ее стоит так бояться? Пусть и в переносном смысле этого слова. Поскольку в те далекие годы вся полезная и нужная информация черпалась, главным образом, из книг, то я не стала затягивать с поиском ответа

на сей сакраментальный вопрос и в свой очередной поход в институтскую библиотеку потребовала, чтобы мне для домашнего прочтения выдали на языке оригинала что-то из того, что написано Вирджинией Вулф. Впрочем, по-другому и быть не могло! Ведь первые переводы Вулф на русском языке появились много позже, где-то в начале восьмидесятых, если мне не изменяет память. И мне выдали! Томик средних размеров и средней толщины с романом писательницы под названием «Миссис Дэллоуэй». Вечером того же дня я погрузилась в чтение.

Сразу же спешу предупредить вас, мои дорогие читатели. И в первую очередь тех, кто не привык зачитываться опусами европейских модернистов, исповедовавших в своем ремесле так называемый «поток сознания». Правда, говоря словами все той же Вирджинии Вулф, одной из самых ярких и талантливых представителей этого литературного направления, творческий метод таких писателей на удивление прост: *«Все эти умничания — вздор. Просто что чувствуешь, то и надо говорить».* Но как бы то ни было, а чтение подобной литературы, особенно на первых порах, — это, доложу я вам, занятие не для слабонервных. Ибо пока не «въедешь» в поток чужого сознания, приходится продираться сквозь такую непролазную чащобу всевозможных писательских рефлексий и эстетствующих рассуждений, что просто дух захватывает от прикладных уроков психоанализа, преподанных прямо по ходу повествования. Но когда пообвыкнешь немного, расслабишься, приспособишься, преодолеешь собственное сопротивление и откровенное нежелание копаться в душе незнакомого тебе автора, то начинаешь понемногу понимать, что да, литература такого плана не только имеет право на жизнь, но она по-своему уникальна и даже прекрасна, а следовательно, не надо бояться ни Вирджинии Вулф, ни других ее не менее талантливых современников, приобщивших нас к собственным медитациям о жизни. И даже, худо ли, бедно, попытавшихся на примере собственного творчества осуществить наказ великого Гете, то есть остановить время и насладиться неповторимой красотой каждого ускользающего мгновенья. Помните же эти строки из его «Фауста»? *«Остановись, мгновенье! Ты прекрасно!»*

Вот и «Миссис Дэллоуэй», которую я едва домучила при первом чтении и которая ныне числится в списке моих самых любимых книг. Поначалу и не поймешь, о чем она, эта книга… По существу, ведь ни о чем. И одновременно обо всем на свете, точнее, о том, что может вместить в себя всего лишь один июньский день 1923 года, проживаемый немолодой уже светской дамой Клариссой Дэллоуэй. День этот до отказа наполнен суетой и всякими мелкими, незначительными, на первый взгляд, событиями. Надо купить цветы, ибо вечером в доме состоится прием. Собственно, с этого и начинается роман. *«Миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы».* Потом неспешная прогулка по парку, далее обязательное английское чаепитие. А еще надо успеть зашить прореху на платье, в котором героиня предполагает появиться перед гостями, попутно какие-то распоряжения слугам, необременительные разговоры с мужем, обмен последними новостями с приятельницами. Словом, все в полном соответствии со знаменитым изречением Экклезиаста: *«…Суета сует — все суета!»* Но на фоне всей этой буднично заземленной суеты, творящейся в реальном времени, чем дальше углубляешься в чтение, тем реальнее проступает другое время, то, которое уже безвозвратно кануло в Лету, а теперь возрождается лишь в памяти героини, которая силой собственного воображения заставляет себя снова и снова переживать события давно минувших дней. И не только события! Вспоминаются запахи цветов, солнечные блики, скользившие по воде, откуда-то сами собой всплывают звуки полузабытой музыки. Про-

шлое оживает и вторгается в день сегодняшний, накладывается на происходящее, образуя странную фантасмагорию. То ли сон, то ли явь… Как это там у Шекспира?

Мы созданы из вещества того же,
Что наши сны. И сном окружена
Вся наша маленькая жизнь…

«Буря» (*перевод М. Донского*)

Разумеется, искушенный читатель наверняка отследит определенную вторичность замысла романа Вулф. Сразу же на ум приходит прославленный роман Джеймса Джойса «Улисс». Ведь действие романа Джойса тоже укладывается в один день, и тоже июньский, кстати. В течение всего дня, 16 июня 1904 года, главный герой «Улисса» по имени Леопольд Блюм странствует по улицам и закоулкам родного Дублина. Вот и весь сюжет! Конечно, авторитет великого ирландца, одного из основоположников модернизма, был непререкаем в той литературной среде, в которой вращалась молодая Вирджиния Вулф. А потому не приходится удивляться тому, что многие его творческие приемы она и использовала в своем романе, впрочем, переосмыслив их уже с позиции героини-женщины.

Приступая к роману, Вулф сделала вот такую запись в своем дневнике.

«Я принялась за эту книгу, надеясь, что смогу выразить в ней свое отношение к творчеству… Надо писать из самых глубин чувства, так учит Достоевский. А я? Может быть, я, так любящая слова, лишь играю ими? Нет, не думаю. В этой книге у меня слишком много задач — хочу описать жизнь и смерть, здоровье и безумие, хочу критически изобразить существующую социальную систему, показать ее в действии. И все же пишу ли я из глубины своих чувств?»

Да, да и еще раз да! — отвечу я на этот взволнованный вопрос автора на правах читателя, числящего роман «Миссис Дэллоуэй» — повторюсь еще раз! — в числе своих любимых.

Да и сама Вирджиния Вулф, пожалуй, самый строгий и нелицеприятный критик собственного творчества, записала позднее в дневнике вот такую скупую похвалу в свой адрес: *«Я думаю, что это наиболее удовлетворительный из моих романов»*.

Роман «Миссис Дэллоуэй» увидел свет в 1925 году, он выдержал бессчетное количество переизданий, был переведен на более чем 50 языков. Кстати, на испанский язык его переводил сам великий Хорхе Луис Борхес. А еще «Миссис Дэллоуэй» экранизировали, инсценировали и творили с ней бог знает что еще. Но главное — вот уже почти сто лет эту книгу не перестают читать и перечитывать, читать и снова перечитывать. А ведь, положа руку на сердце, можно смело утверждать, что отнюдь не многие модернисты могут похвастаться такими стойкими читательскими симпатиями. Во всяком случае, за всю свою долгую жизнь я еще ни разу не встретила человека, который бы честно признался, что дважды читал того же «Улисса». Или наслаждался постоянным перечитыванием «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста (кстати, сама Вирджиния Вулф именно последнего числила в качестве своего главного литературного учителя, считая Пруста эталоном писательского мастерства).

А вот «Миссис Дэллоуэй» я перечитываю. Нечасто, но все же нет-нет да и полистаешь страницы романа, лишний раз восхитившись отточенностью каждой фразы и каждого слова. Кстати, вот еще одна запись из дневника Вулф, можно сказать, в тему.

«Этот туманный мир литературных образов, похожий на сон, без любви, без сердца, без страсти, без секса — именно этот мир мне нравится, именно этот мир мне интересен».

Здорово сказано! Тем более, что так оно и есть. Вот я открываю наугад сам роман и читаю.

«Взгляды прохожих, качание, шорох, шелест, грохот, клекот, рев автобусов и машин; шарканье ходячих реклам; духовой оркестр, стон шарманки и поверх всего странно тоненький взвизг аэроплана, — вот что она так любит: жизнь; Лондон; вот эту секунду июня». (Перевод Елены Суриц.)

Не правда ли, полное ощущение того, что мы только что все вместе, дорогой читатель, прогулялись по кишащей народом Бонд-стрит или неспешно шествуем по Оксфорд-стрит, лениво разглядывая витрины многочисленных магазинов (бутиков, как любят выражаться сегодня). Кстати, и перевод прекрасный. Просто классный перевод!

Помнится, когда русскоязычный вариант «Миссис Дэллоуэй» приплыл мне в руки где-то в середине восьмидесятых годов прошлого века, я по прочтении романа даже немного позавидовала этой не известной мне на тот момент Елене Суриц, которая перевела роман на русский язык. Надо же, как пофартило человеку, уныло размышляла я тогда. Поди, сидит себе где-нибудь в уютной комнате за письменным столом под лампой с зеленым абажуром (почему-то представлялось, что абажур должен быть обязательно зеленым) и переводит вот такую замечательную литературу на русский язык. Это тебе не скучные научно-технические тексты препарировать, выискивая в них тему и рему и жестко соблюдая при этом все условности научных опусов. Везет же людям!

Прошло еще каких-то пару десятков лет, и мне для перевода прислали самый первый роман Барбары Картленд, который через какое-то время вышел в русскоязычном варианте под названием «Оттенки страсти». По странному стечению обстоятельств, оба романа, и роман уже знаменитой Вирджинии Вулф, и первый опус молоденькой Картленд, которой еще только предстояло покорить мир своими любовными романами и стать истинной королевой этого жанра, так вот, оба эти произведения увидели свет у себя на родине практически одновременно, в одном и том же 1925 году. И в обоих героини принадлежат к высшему свету, ведут рассеянный образ жизни, как и положено дамам, и прочее, и прочее. Конечно, героиня Картленд, она такая же молоденькая, как и сама начинающая авторесса, а героиня Вирджинии Вулф — это уже умудренная жизненным опытом женщина. Впрочем, и сама писательница на тот момент уже успела разменять пятый десяток. Но вот что интересно! И даже поразительно, если хотите знать. Многие размышления героинь, их ассоциации, их восприятие окружающей жизни, все это словно списано под копирку, столь поразительно сходство, на первый взгляд, абсолютно несхожего: модернистского романа с его непрерывным потоком сознания и типичной беллетристической истории, рассчитанной на рядового читателя, не искушенного по части всяких там языковых экспериментов и литературных изысков.

В процессе работы над переводом я постоянно, помнится, ловила себя на мысли: интересно, была ли Барбара Картленд поклонницей Вирджинии Вулф? И если да, то не боялась ли она тех душевных бездн, в которые приглашала заглянуть своих читателей ее прославленная современница? Вопрос скорее риторический: просто две талантливые, незаурядные женщины, каждая по-своему, но в равной степени талантливо, описали то время, в котором обе жили, ибо каждая из них в полной мере обладала поистине уникальным даром. Про него сама Вирджиния Вулф сказала так: *«Единственный дар ее — чувствовать, почти угадывать людей…»* Согласитесь, для хорошего писателя это — немало.

Вот такая своеобразная перекличка имен и фактов состоялась у меня, когда я работала над переводом романа, написанного по совершенно иным канонам, чем те, которых придерживалась в своем творчестве наша героиня. Хотя рассуждать на тему «Женщины и литература» можно до бесконечности. А потому я отсылаю тех из вас, дорогие читатели, кто жаждет продолжения разговора, уже непосредственно к самой Вирджинии Вулф. Точнее, к ее блистательному эссе «Своя комната», опубликованному в 1928 году (текст этого эссе можно легко отыскать в интернете). В его основу легли два доклада, с которыми в октябре 1928 года писательница выступила перед студентками английских колледжей, сорвав по ходу общения с аудиторией гром оваций, смех и бурные аплодисменты. Да и невозможно не улыбнуться, читая исполненные особой иронии рассуждения Вулф о роли и месте женщины не только в литературе, но и в жизни современного ей социума. *«Представляют ли женщины, сколько о них ежегодно пишут мужчины?»* — задается Вулф резонным вопросом, адресуя его своим юным слушательницам. А далее не без юмора повествует о том, как, готовясь к публичным лекциям, столкнулась в Британской библиотеке с монбланами литературы по данной теме. *«Здесь я перевела дух и приписала на полях: «И почему это Сэмюель Батлер говорит: «Умный мужчина никогда не скажет, что он думает о женщинах»? По-моему, умные мужчины ни о чем другом и не говорят».*

Однако, вернемся к «Миссис Дэллоуэй». Ибо сколько бы я ни пела дифирамбы роману, но после первого прочтения я так и не смогла ответить на вопрос главного героя из пьесы Олби. Так кто же, в конце концов, боится Вирджинии Вулф? А главное — за что? Пришлось погрузиться в изучение биографии писательницы. И вот здесь, мой дорогой читатель, я готовлю вам небольшой сюрприз. Неприятный сюрприз, быть может…

Дело в том, что мне совсем не хочется начинать пересказывать вам все перипетии жизненного пути Вирджинии Вулф. Категорически не хочется! И не только потому, что биографию писательницы любой из вас может прочитать все в том же интернете. Десятки версий, между прочим, и акценты во всех из них расставлены одинаково… ну, или почти одинаково.

Хотя, казалось бы, все располагает к биографическому повествованию, причем исключительно в романтическом ключе. Ведь наша героиня — самая настоящая красавица безо всяких там преувеличений и прикрас. Но стоит ли удивляться? Ее мать Джулия Дакуорт тоже была признанной красавицей своего времени. Вот и дочь… хрупкая, высокая, стройная, изящная, элегантная, с утонченными чертами лица, немедленно вызывающими в памяти профили римских красавиц на античных камеях. Отец, сэр Лесли Стивен, респектабельный джентльмен, один из ведущих литераторов Англии. Красивый богатый дом, налаженный до мелочей быт. Словом, самый настоящий викторианский рай. Живи себе и наслаждайся жизнью… Правда, дом Стивенов очень смахивал на своеобразный Ноев ковчег. Судите сами! В семье сосуществовали трое детей Джулии от первого брака, дочь самого Лесли от его брака с умершей Минни Теккерей, младшей дочерью прославленного английского писателя, плюс четверо младших Стивенов, два брата и две сестры, рожденных уже в совместном браке с Джулией, которая, кстати, была ближайшей подругой усопшей Минни.

Но как-то все уживались, мирились и радовались жизни, пока не случилось то, что случилось. Когда Вирджинии исполнилось тринадцать лет, умирает мать. Сэр Лесли погружается в глубочайшую депрессию, из которой он так и не сумел выбраться до самой смерти, последовавшей в 1904 году. Юная Вирджиния тоже переживает первый в своей жизни и — увы! — далеко не последний, как показало время, нервный срыв, который

спровоцировали не только смерть матери, но и попытка старших братьев от первого брака Джулии изнасиловать сестру. (Некоторые биографы называют в качестве обидчиков девочки ее кузенов. И почти все стыдливо умалчивают о том, что акт насилия был, скорее всего, доведен до своего логического завершения.) Всю свою дальнейшую жизнь Вирджиния так и не смогла избавиться от почти физиологического отвращения к традиционному сексу, ударившись с возрастом в стихию уже сугубо женской любви. Но писать об этом почему-то тоже не хочется. Как и рассуждать на тему о скелетах, которые прячутся в шкафах даже самых богатых и респектабельных домов. И не только в Англии.

Двойное потрясение, пережитое в течение одного года и за столь короткий промежуток времени, обошлось Вирджинии очень дорого. Ее стали мучать сильнейшие головные боли, от которых она так и не избавилась впоследствии, не смогла излечиться от изнуряющих приступов мигрени даже с помощью самых сильнодействующих препаратов. Ко всему, ее начали постоянно преследовать всевозможные слуховые галлюцинации. Что тоже наложило свой отпечаток на ее творчество. Недаром всю дальнейшую творческую жизнь писательница не переставала искать некую «ускользающую личность», пытаясь объяснить и себе самой, и читателям скрытые психические мотивы поведения всех своих героев.

А писать Вирджиния начала рано. Первые публикации появились еще в 1909 году. Критические статьи, литературные эссе, небольшие рассказы. Само собой, творчеству начинающей писательницы поспособствовали многие, не очень веселые, обстоятельства ее частной жизни. Но были и некоторые положительные моменты. Пожалуй, все же стоит привести самую знаменитую цитату Вулф все из того же эссе «Своя комната».

«У каждой женщины, если она собирается писать, должны быть средства и своя комната».

Впрочем, согласитесь, условия, выдвинутые Вирджинией Вулф, прямо скажем, хороши не только для потенциальных писательниц. Любая женщина будет чувствовать себя защищенной, имея свой угол и средства, пусть и самые скромные, к существованию, не так ли? Хотя, разумеется, для человека, собирающегося заняться литературным трудом, с его нестабильными доходами и постоянно меняющейся конъюнктурой книжного рынка, это особенно важно. Что правда, то правда.

К счастью для самой Вирджинии Вулф, у нее были и собственные средства, и своя комната. Правда, после смерти родителей младшие Стивены были вынуждены продать роскошный дом в Кенсингтоне и перебраться в более скромное жилище, зато в самом центре Лондона, в известном с давних пор богемном районе Блумсбери, этаком своеобразном «Монмартре» английской столицы. Именно здесь, в новом доме Стивенов, и возникла знаменитая группа молодых вольнодумцев от искусства — так называемая «блумсберийская группа», оставившая заметный след в истории английской литературы прошлого века. Все четверо Стивенов, и особенно сестры Ванесса и Вирджиния, были душой и центром этого литературного кружка.

Богами всех «блумсберийцев», как нетрудно догадаться, были тогдашние властители дум интеллектуальной Европы — Джеймс Джойс, Зигмунд Фрейд, Карл Юнг. А еще молодежь зачитывалась трудами Джеймса Фрейзера и с удивительной легкостью, буквально походя, сбрасывала с пьедесталов «великих эдвардианцев», общепризнанные авторитеты того времени, таких, как Джон Голсуорси, Арнольд Беннет, Герберт Уэллс и иже с ними, отказывая всем этим прославленным писателям даже в элементарном праве на существование в современной литературе. Но молодежь, она ведь всегда категорична в своих оценках, не так ли? Ей не привыкать

«сбрасывать с корабля современности» то один авторитет, то другой, и при этом еще и эпатировать просвещенную публику своей раскованностью, выдаваемой за смелость. Впрочем, литературные баталии были, есть и будут всегда. А о том, как воевали «блумсберийцы» со столь ненавистными их сердцам «эдвардианцами», можно прочитать в любом учебнике по зарубежной литературе XX века. Было бы желание и время.

Единственное, что можно еще добавить в защиту молодых смутьянов, так это то, что при всей своей эпатажности они все же чтили авторитеты прошлого. Вне всякого сомнения, для этих «высоколобых», как иронично именовала тогдашняя критика членов «блумсберийской группы», намекая на интеллектуальный снобизм недавних выпускников Оксфорда и Кембриджа, были и святые имена. В первую очередь, те, для кого служение искусству стало высшей миссией их существования и главным смыслом их земного бытия. В этом почетном списке на первом месте, конечно же, значились имена Вильяма Шекспира, Чарльза Диккенса, Джорджа Байрона, Перси Биши Шелли, Гюстава Флобера, Генри Джеймса.

Между тем жизнь, обычная человеческая жизнь, шла своим чередом В 1912 году Вирджиния выходит замуж за своего давнего приятеля и друга, выпускника Кембриджа, известного интеллектуала и журналиста Леонарда Вулфа. Несмотря на то, что супруги счастливо прожили в браке почти тридцать лет, едва ли отношения этих двоих можно было назвать «семейными» в прямом смысле этого слова. С самого начала невестой было выдвинуто одно непременное и главное условие: чисто платонический союз и никакого секса. Леонард не стал возражать, прекрасно понимая, какой тяжелейший душевный надлом скрывается за этим ультимативным требованием.

Вот такой вот интеллектуальный союз двух единомышленников, счастливо проживших бок о бок двадцать девять лет, вплоть до того рокового дня, когда Вирджиния в очередной раз вознамерилась добровольно уйти из жизни.

Идиллическая семейная жизнь, однако, не помешала писательнице совершить первую попытку самоубийства уже через год после замужества, в 1913 году. Хотя, казалось, ничто не предвещало такого поворота событий. Напротив! Молодая женщина только-только закончила свой первый большой роман «По морю прочь», и летом того же года роман был принят к печати. И тут начались душевные терзания новоиспеченной романистки. Будучи истинным перфекционистом по натуре, привыкшая скрупулезно корпеть над каждым словом и даже запятой, Вирджиния буквально изводила себя всякими мрачными прогнозами и вопросами касательно будущего своего детища. А как встретит роман критика? Достаточно ли он хорош, чтобы быть напечатанным? Поймет ли ее читатель? Оценит ли он новизну сюжета и стилистические особенности ее манеры письма? Вопросы, вопросы, вопросы… И ни на один из них Вирджиния не находила ответа. Потянулись мучительные дни ожидания и бессонные ночи терзаний и метаний. А завершилось все в сентябре 1913 года попыткой суицида.

По счастливой случайности женщину удалось спасти, но нервное истощение ее было столь велико, что врачи на полном серьезе опасались того, что душевный недуг их пациентки может стать хроническим. Процесс реабилитации затянулся почти на два года. Только в 1915 году Вирджиния Вулф смогла, наконец, снова вернуться к полноценной жизни, как чисто человеческой, так и творческой.

В этом же году вышел в свет и ее первый роман, тот самый, который стоил ей стольких душевных мук. Критика назвала роман «По морю прочь» «совершенно не викторианским», зато «блумсберийцы» восторженно приветствовали дебют своей талантливой коллеги, бросившей смелый вызов устоявшимся литературным традициям.

Надо сказать, что библиография романов Вулф не так уж и обширна. За четверть века, с 1915 по 1941 год (последний роман «Между актами» увидел свет в 1941 году), Вулф написала и опубликовала всего лишь десять достаточно скромных по объему и по количеству страниц романов. Все они написаны в едином стилистическом ключе. Ревностная ученица и последовательница Марселя Пруста, Вирджиния Вулф осталась верна принципу «потока сознания» до последнего. Такое повествование сплошным, так сказать, потоком помогало ей легко совмещать прошлое и будущее, вкраплять в повествование собственные воспоминания, бесконечные реминисценции и даже прямые отсылки к реально существующим документам. Как, например, в романе «Флаш», на страницах которого Вулф цитирует целые куски из реально существующей (и сохранившейся до сих пор) переписки двух великих английских поэтов эпохи романтизма, супругов Элизабет и Роберта Браунингов.

Современный читатель по-разному относится к творческому наследию Вирджинии Вулф, выбирает то, что ему больше нравится, опираясь уже исключительно на собственные вкусовые пристрастия и даже на то настроение, с которым впервые прочитал то или иное ее произведение. Так кому-то, вполне возможно, пришелся по душе роман «На маяк» (1927 год), который наравне с «Миссис Дэллоуэй» является самым известным творением писательницы. В нем легко угадывается некая автобиографическая основа сюжета, слышится перекличка со многими событиями и фактами из личной жизни самой Вирджинии: большая семья, деспотичного нрава отец, неожиданная смерть матери и прочее, и прочее. И уже почти приговором собственной судьбе звучат вот эти слова из романа:

«Нет такого предательства, такой низости, на какие этот мир не способен, она убедилась. Счастье не вечно, она убедилась».

Впрочем, кого-то наверняка привлечет «Орландо» (1928 год), роман о странных превращениях юноши, начавшего свою жизнь еще в эпоху королевы Елизаветы. Главный герой проживает несколько веков, чтобы уже в XX столетии перевоплотиться из мужчины в женщину. Между прочим, этот роман имел огромный читательский успех у современников Вулф, не в последнюю очередь, наверное, из-за бисексуальности Орландо. Модная тема для разговоров в те годы. Ну, а читатель нынешний, скорее всего, лишь улыбнется, прочитав, к примеру, вот эту исполненную авторской иронии сентенцию из романа.

«Когда женщина думает о мужчине, никого уже не возмущает думающая женщина».

Лично я остаюсь стойким приверженцем «Миссис Дэллоуэй». А еще очень люблю короткий роман, скорее даже повесть, под названием «Флаш» (1933 год). Этакая своеобразная литературная шутка, изящная безделушка, преподнесенная как история жизни чистокровного кокер-спаниеля по имени Флаш и одновременно как история жизни его хозяйки, прославленной Элизабет Браунинг. Любопытный прием, когда жизнь — повторюсь еще раз! — самой известной поэтической четы Великобритании XIX века, супругов Элизабет и Роберта Браунингов, дается глазами любознательного, умного и бесконечно преданного пса. Читать эти собачьи медитации — одно удовольствие, во всяком случае, мне, собачнице с многолетним стажем, всю свою жизнь прожившей в окружении четвероногих. Повествование полнится юмором, искрится смехом. Пожалуй, это самое жизнеутверждающее, я бы даже рискнула сказать, самое веселое произведение во всем творческом наследии Вирджинии Вулф. Быть может, именно поэтому я и люблю его больше остальных.

Да, действительно, «Флаш» — это единственная книга, в которой тема смерти, сквозная тема, присутствующая во всех остальных произведениях

Вирджинии Вулф, как бы отступает на второй план. Во всех же остальных романах она незримо витает от первой и до последней страницы, красной нитью проходя через все повествование, постоянно буравя сознание героев своей близостью и неотвратимостью. Особенно последнее — неотвратимостью. И в подтверждение еще одна цитата все из той же «Миссис Дэллоуэй».

«Смерть — попытка приобщиться, потому что люди рвутся к заветной черте, а достигнуть ее нельзя, она ускользает и прячется в тайне; близость расползается в разлуку; потухает восторг; остается одиночество. В смерти — объятие».

Вот и Вирджиния Вулф… Всю свою жизнь она, судя по всему, рвалась к этой «заветной черте», приближая тот день и час, когда ей все же удастся поймать ускользающее и проникнуть в тайну небытия. Этот роковой день наступил 28 марта 1941 года. После обеда Вирджиния, как обычно, отправилась на прогулку к реке. Чтобы ничто не помешало осуществить замысел, она набила карманы пальто тяжелыми камнями и бесстрашно вошла в воду. И воды реки Уз, что в графстве Сассекс, где обосновались супруги Вулф после того, как в ходе одной из ночных бомбардировок британской столицы их лондонский дом был разрушен до основания, так вот, тихая речушка Уз покорно приняла несчастную в свои воды. Тело Вирджинии смогли отыскать лишь спустя две недели после самоубийства.

Сотни биографов вот уже три четверти века толкуют и истолковывают сей трагический факт, выхватывая из земной жизни нашей героини то одну грань, то другую. Здесь все и вся: и заметное ухудшение здоровья Вирджинии, как телесного, так и душевного, и постоянные страхи за судьбы родных и близких, тех, кто ушел на фронт, и тех, кто остался и выживал под бомбежками дома, здесь и несомненный творческий кризис, который наметился в последние годы. И это при том, что год смерти Вирджинии Вулф совпал с выходом в свет ее последнего романа «Между актами». Словом, сотни попыток все объяснить, разложить по полочкам, правильно интерпретировать и объяснить свою правду другим.

Впрочем, лично я нахожу ответы на все свои вопросы в одном весьма скромном документе — предсмертной записке Вирджинии, которую она оставила мужу перед тем, как отправиться на свою последнюю прогулку. Этот небольшой клочок бумаги перекрывает, по-моему, тысячи всевозможных исследований и копаний в душе той, которая всю свою жизнь прожила, выражаясь ее же языком, «ускользающей личностью». Воистину, прав поэт.

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?

И вот она, хватающая за душу и разрывающая сердце эпистола, которая по накалу чувств, по силе искренности и по глубине смирения, не имеет себе равных в мировом литературном наследии, как мне кажется.

«Дорогой, я чувствую, что схожу с ума. Я уверена в этом, как и в том, что повторения этого кошмара мы просто не вынесем. Я знаю, что больше никогда уже не приду в себя. Я опять слышу голоса и не могу сосредоточиться.

Поэтому я собираюсь сделать то, что мне кажется единственно правильным.

Ты подарил мне счастье, больше которого не бывает. Ты был для меня всем, всем во всех смыслах. Наверное, мы были самой счастливой парой на свете, пока не началась эта жуткая болезнь, с которой я не в силах больше бороться.

Я знаю, что порчу тебе жизнь, что без меня ты смог бы работать. И ты будешь работать, я верю. Видишь, я даже простую записку, и то

уже не способна написать. Я не могу читать. Просто мне хотелось сказать, что именно тебе я обязана всем, что было хорошего в моей жизни. Ты был невероятно терпелив и удивительно добр. Мне хочется это сказать, хотя это без того всем известно. Если кто-то и мог бы меня спасти, так только ты. Я потеряла все, кроме уверенности в твоей доброте. Я не могу больше портить тебе жизнь.

По-моему, мы с тобой были самыми счастливыми людьми на свете.

В.»

Пожалуй, после этих щемящих, хватающих за сердце слов можно было бы поставить точку. Однако рискну задержать внимание читателя еще одним своим «размышлизмом», основанным исключительно на собственной переводческой практике. Бесспорный факт: влияние Вирджинии Вулф на современную англоязычную литературу по-прежнему очень велико и многогранно. Но вот что любопытно! В последние десятилетия это влияние отслеживается не только на примерах элитарных произведений, рассчитанных на подготовленную читательскую публику, оно отчетливо проступает и в многочисленных образчиках так называемой массовой литературы, включая огромный массив женской прозы. Причем речь идет не столько о копировании стиля, подражании некоторым авторским приемам, переосмыслении сюжетов романов Вулф и прочее. Нет! Все чаще в ход идут и чисто биографические материалы, касающиеся жизни писательницы.

Авторы (и авторессы в том числе) не чураются вкраплять в свои повествования реальные факты и реальные подробности земного бытия Вирджинии Вулф. Хорошо это или плохо, вопрос — десятый. Но это есть, а следовательно, фигура Вирджинии Вулф обрела в современной западной культуре уже некий статус культа со всеми вытекающими отсюда последствиями: культу поклоняются, культа боятся (отсюда это «Кто боится Вирджинии Вулф?»), культ эксплуатируют в своих целях, в том числе и чисто художественных. Как сделал это все тот же Эдвард Олби, использовав имя писательницы в названии своей самой известной пьесы. Рискну предположить, самой известной, не в последнюю очередь и из-за упоминания имени Вулф. А вот еще один, можно сказать, наисвежайший пример по теме.

В 2015 году мне довелось работать над переводом очередной женской нетленки с красивым поэтическим названием «Моя дорогая Роза». Авторесса, некая Ровена Коулман, была мне на тот момент совершенно незнакома, но роман с первых же страниц затягивал в себя, не отпускал, интригуя лихими сюжетными поворотами и массой самых разнообразных событий. Словом, работа спорилась. Из короткой библиографической справки, приложенной к основному тексту, выяснилось следующее: переводимый мною опус — это всего лишь второе обращение русскоязычных издателей к творчеству очень популярной у себя на родине англичанки, на счету которой уже не менее дюжины бестселлеров. Пишет она в модном ныне жанре, который именуется не иначе, как «роман-потрясение», и не боится затрагивать в своих произведениях самые острые и злободневные темы. Во всяком случае, те из них, которые на протяжении многих лет считались табуированными, особенно в женской литературе. Как вы догадываетесь, в первую очередь, это — насилие в семье и все то, что с ним связано. Не буду пересказывать сюжет, тем более что в интернете уже появились картинки с сигнальными экземплярами книги. А значит, не сегодня-завтра она станет доступна любому читателю.

Да и не в Коулман дело. Хотя и в ней тоже! Ибо, погрузившись в текст романа, я очень скоро почувствовала несомненное влияние Вирджинии Вулф на стиль писательницы. Но времени на выяснение литературных пристрастий автора переводимой книги у меня не было. Уложиться бы в

сроки с самим переводом! А кого уж там Коулман любит, кому подражает, кого числит в качестве своих литературных авторитетов — это дело сто сорок восьмое, не имеющее, к тому же, никакого касательства к процессу перевода. Так думала я, пока не споткнулась о фрагмент, который в полном смысле слова перевернул мне душу, заставив пропустить через себя описываемые в романе события. А если коротко, то, как известно, Флобер, создавая роман «Мадам Бовари», испытал на себе все симптомы отравления цианистым калием, описывая смерть бедняжки Бовари, так вот, не Флобер — я, это точно, но самоубийство одной из героинь пережила, как свое собственное. Точнее, как самоубийство Вирджинии Вулф, ибо писательница почти дословно воспроизвела все подробности того страшного действа, которое случилось весной далекого 1941 года на берегах тихой речушки Уз. Словом, ужасный опыт пришлось мне пережить и перечувствовать, пока я выстукивала на клавиатуре слова, описывающие, как женщина медленно бредет по воде, предварительно нагрузив себя камнями, чтобы наверняка отрезать все пути к отступлению.

И как это часто бывает в такие мгновения душевного катарсиса, на меня вдруг снизошло озарение. И я, дожив уже до седых волос, наконец-то нашла ответ на вопрос, который так изводил растяпу и неудачника Джорджа из знаменитой пьесы Олби. Вопрос, который не раз и не два задавала и я себе. Кстати, Олби, если мне не изменяет память, назвал третий акт пьесы весьма красноречиво: «Изгнание беса». Хотя, какое отношение имеют его герои, все эти неврастеники, выплескивающие ушаты своих неконтролируемых эмоций друг на друга, к трагической судьбе той, имя которой стало для американского драматурга всего лишь разменной монетой, своеобразной красной тряпкой, этаким манком, зазывающим публику приобщиться к очередному действу в театре абсурда?

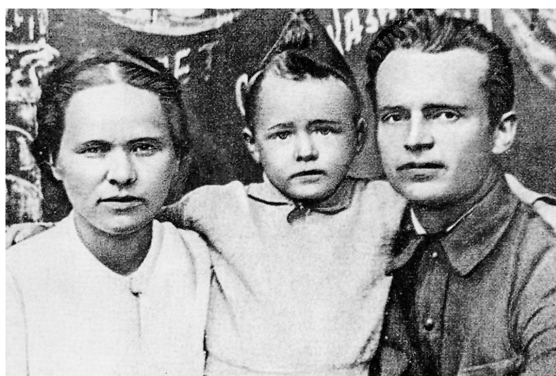
И вот он, мой ответ на свой же вопрос. Нет, нам не надо бояться Вирджинии Вулф. Никому из нас! Все это придуманные страхи, выдумки, искусственное нагнетание страстей, не имеющее никакого отношения ни к нам, ни к нашей героине, прожившей трудную жизнь, но зато в ладу со своей совестью. А вот то, что на душе у каждого из нас может твориться всякое, — отдельный разговор… Душа ведь человеческая — это целый космос, такой же необъятный и такой же непознанный. Только бесов в душе Вирджинии не было. Никаких! Никогда! Но к большому, огромному и непреходящему сожалению, и ангелов тоже рядом не оказалось. А ведь так хорошо бы было, чтобы жизнь нашей героини сложилась так, как об этом сказано в знаменитом Псалме 90. Помните? *«...Ибо Ангелам Своим заповедает о тебе — охранять тебя на всех путях твоих: на руках понесут тебя, да не преткнешься о камень ногою твоею...»*

Хотя… хотя случись так, и тогда это была бы совсем другая Вирджиния Вулф. А может, ее и не было бы вовсе.

Людмила КАРПОВА

Сердолик — сердца лик

В. Б. Карпов с женой и сыном Владимиром. Урал, 1943 г.

— Па, папка-а, я люблю тебя очень-очень-очень! — И лечу навстречу распахнутым мне родным карим глазам. Знаю — не упаду, папка меня подхватит.

Подхватывает. Улыбчивой светлостью лучатся глаза, а руки нежно-трепетно гладят мои косы.

— Доча, ты уже знаешь, что слово «любовь» не терпит никаких степеней. Я же читал тебе дневники Льва Толстого. Помнишь? «Можно любить либо не любить. Нельзя любить очень».

— Люблю сильно-сильно, — не сдаюсь я, надеясь, что гениальный Лев Николаевич не имел в виду именно такой вариант.

— Ой-ей-ей!.. Какие нежности телячие, — констатирует, став невольным свидетелем этой сцены, мой старший брат, которого нарекли Владимиром, и вовсе не в честь родителя, а в честь обожаемого отцом Владимира Владимировича Маяковского.

Милый мой братик, он, так же как и я, всем сердцем любил нашего отца, считая его непреложным авторитетом.

И если, вопреки всем законам бытия, гипотетически предположить, что Зеркало Жизни все же существует, то мы с братом — отражение родительской любви.

Мама полюбила своего избранника сразу и навеки. А он? Познакомившись с ней в начале 30-х на курсах повышения квалификации учителей в Могилеве, уже назавтра сделал предложение, как говорится, руки и сердца. А по окончании курсов увез молодую жену на место своей работы на Комаринщину.

В моем сознании родители существовали как единое гармоничное целое, как «нежное эхо друг друга», непостижимым образом улавливающее малейшие движения их душ. Они всегда были рядом, именно они изо дня в день посвящали нас в таинства окружающего мира, раскрывали секреты завораживающей магии печатного слова, именно они были примером преданности малой и великой Родине, уважения и внимания к каждому знакомому и незнакомому человеку. Именно с ними я чувствовала себя как на «седьмом небе», где, согласно мудрому Аристотелю, поселились навсегда радость, счастье, любовь.

Отношение же отца к женщине вообще представлялось мне в определенной степени «культовым», то есть исключительно бережным, рыцарским.

Возведя свою суженую на пьедестал, несмотря на стремительно несущиеся годы, он неизменно смотрел на нее зачарованно-влюбленными глазами. Не еди-

ножды раненько утром, когда мамочка, торопясь, появлялась на кухне, а мы с папкой, по-заговорщицки затаившись, уже ждали ее там за накрытым к завтраку столом, демонстрирующим безудержность нашей кулинарной фантазии, он восхищенно шептал: «Доча, посмотри — какая у нас мама красивая!..»

С завидным упорством мой папка нырял и нырял в Сердоликовой бухте Коктебеля, пока не достал со дна морского заветный камешек-оберег, упомянутый в сохранившихся летописях под названием «экик» (сердолик) и, по утверждению Ивана Ефремова, очень ценившийся древними за целебную силу. Достал для своей Муси и окрестил его по-своему — «Сердца лик».

С веселой лукавинкой в глазах наблюдал папка за своей ладой, когда в кают-компанию теплохода, на котором мы путешествовали по Волге, в белоснежно-накрахмаленных одеждах кок внес большущий торт и поздравил моих родителей с тридцатилетней годовщиной — жемчужной свадьбой.

Благословенны будут те, кто верует в Алые паруса!

Это, видимо, шло и от искренней любви сына к родной матери Александре Назаровне. Оставленная мужем с тремя маленькими детьми на руках, она безропотно, но стоически переносила уготованное судьбой. Спасая подопечных хвалынского детского дома, где устроилась работать воспитательницей, и своих родных деток во время голодомора на Поволжье, сумела привезти их всех в гостеприимную Беларусь. Своему же отцу, ставшему впоследствии светилом московской медицины, мой папка так и не простил предательства и пресекал любые попытки новоявленной столичной родни сблизиться. Он всегда морально и материально поддерживал мать, которая, к слову, при первом знакомстве с невесткой, перекрестив молодых иконой Божьей Матери, назвала Маньку, дочь Михалеву из деревни Жоровка, что на Любанщине, Мусенькой, а позже уже и самые близкие друзья стали к ней так обращаться.

Первый, сигнальный экземпляр своей книги «Без нейтральной полосы» отец по-рыцарски торжественно преподнес маме, подписав ласково, не без доли иронии «Мусин-Карпов», а роман «За годом год» увидел свет с официальным посвящением: «Верному другу и помощнице М. М. Карповой посвящаю».

Они всегда были друзьями-единомышленниками, настоящей опорой друг другу, умели искренне радоваться своим и чужим жизненным победам, мужественно переносили невзгоды.

Я долго не могла понять, почему в один из мартовских дней, в преддверии женского праздника на лица моих самых родных на свете людей как бы набегала грустная тень, а их голоса, казалось, окрашивались приглушенно-минорными обертонами. Оказывается, там, на Комаринщине, после рождения первой дочурки — черноглазой и черноволосой щебетуньи Светланки («Такие красивые детки не живут долго», — шептались деревенские бабки) — у мамки обострилось заболевание сердца, и папа отправил ее в дом отдыха под Гомель. Дочка заболела двухсторонним воспалением легких и умерла. Отец хоронил ее один. А к маме регулярно летели и летели его письма-голуби, неся с собой теплоту заботы и нежности. Не выдержав, он помчался к ней сам. Истина, что сердце матери не обманешь. При встрече, беря из рук любимого букетик подснежников, мама спросила: «Где похоронили нашу Светланку?»

Уже в сорок втором, когда, угодив под жесточайшую бомбежку фашистских самолетов, израненная (по сброшенной в кювет женщине прошелся не один десяток охваченных ужасом людей), мама пришла в себя, то бросилась искать моего четырехлетнего братика, с которым направлялась из партизанского отряда на Большую землю. К счастью, нашла. «Я сохранила нашего сына…» — писала она в одном из военных писем. А ниже — обведенная чернильным пером маленькая детская ладошка Володи и приписка печатными буквами: «Мой папа! Вова и мама ждут тебя. Мне 6 лет. Скоро в школу. Карпов В. В. Твой свин». Так по-детски наивно ему наверняка хотелось подчеркнуть,

что помнит некогда озвученные отцом строки В. Маяковского: «Вырастет из сына свин, если сын свиненок…»

Отголоски военных событий и накал чувств, пережитых отцом тогда, отразились в его редких письмах, которые пересылались в небольшой поселок Нижне-Иргинск на далеком Урале, куда эвакуировались мама с моим братишкой. Те долгожданные весточки не позволяли угаснуть надежде и вере, помогали выжить. «Сегодня в обратную дорогу, — писал отец в марте 1942 года. — Задание получено, цель ясная, думаю, что с честью исполню поручение. Идя назад, я твердо уверен, что счастье не покинет меня: за мной будут всегда стоять Родина, ты, мой мальчик и ваша любовь ко мне. А это много о чем говорит!

Если же придется умереть, умру с сознанием, что в общей победе над бандой человеконенавистнического Ирода есть и капля моей крови».

Неоспоримо, что связь родных душ существует. Она подпитывает надежду, спасает в экстремальных ситуациях, сберегает жизнь. «Мне в холодной землянке тепло от твоей негасимой любви…» — как молитву повторял и повторял папа во время разлуки слова известной песни, мама же — симоновское «Жди меня». Их любовь, что возникла с первого взгляда, вера друг в друга победила и смерть. Второе по счету тяжелейшее ранение отца оставило в его правом глазу металлический осколок разрывной вражеской пули. Глаз удалось сохранить (низкий поклон и благодарность неизвестной медсестре из партизанского отряда), но зрение в нем постепенно угасло.

Смерть отступила перед любовью и еще раз. В 1966 году отец пережил второй обширный инфаркт и пятнадцать зарегистрированных минут клинической смерти. Безнадежно разводя руками, врачи уже покинули палату, унося с собой кислородные подушки. А моя мама, не веря, что произошло непоправимое, начала делать своему любимому искусственное дыхание. «Дыши, Володя, дыши!..» Он, как признавался позже, слышал тот ее зов, который дал силы превозмочь неимоверную боль и подарил еще десять лет жизни.

Повесть «Без нейтральной полосы» папа подписал и мне: «Залатому ачадасіку (так я выговаривала слово «карандашик». — *Л. К.*) — дзяўчынцы, якая не бачыла вайны. І хацелася, каб ведала пра яе толькі па кнігах. Дарагой маей Людачцы».

О войне писало и пишет не одно поколение белорусских авторов, особенно те, кому суждено было пройти ее адовы спуски и выстоять. Одним из них был и мой отец. Однако в мое сознание война вошла как нечто лично прожитое и пережитое, а не прочитанное в книгах. Она высветилась своими героическими, трагическими и чудовищными гранями в первую очередь благодаря рассказам родителей, деда Михаля, хату которого сожгли за связь с партизанами, отцовских товарищей по оружию, его друзей-писателей.

Война!.. Она кардинально изменила судьбы людей. Мой отец, вчерашний учитель, стал партизаном, подпольщиком, разведчиком. Ему приходилось несколько раз переходить и перелетать на самолете линию фронта, бывать в лесных партизанских краях и в плененном врагом Минске. О мирной «безоблачности» напоминали разве что только подпольные клички «Володя» и «Учитель».

Война, которая невозможна без жертв и страданий, без сиротства, вдовства, беженства, слез и невыносимого горя, это еще и время смелости, мужества, патриотического горения. Она разъединяет людей, народы, но в определенном смысле и объединяет их. Отцу всегда везло на знакомства с личностями яркими, неординарными. В то время, когда смертельная опасность шла буквально рядом, ему посчастливилось встретиться с командиром партизанской бригады имени Дзержинского С. М. Короткиным, комиссаром партизанской бригады «Народные мстители» И. М. Тимчуком (в будущем — председателем Комитета по охране природы), комбригом В. Т. Воронянским, командиром партизанского отряда «Смерть фашизму» И. М. Деминым (после войны — Генеральным директо-

ром БелавтоМАЗа), славными дочерями земли белорусской М. Б. Осиповой, Е. Г. Мазаник и многими другими.

Скованный гитлеровским оккупационным режимом Минск стал местом встреч с легендарными подпольщиками З. Гало, В. Шатько, редактором подпольной «Звязды» В. Омельянюком, профессором Е. В. Клумовым, именем которого названа одна из минских клиник, талантливым журналистом А. Матусевичем, будущим академиком М. А. Дорожкиным и другими.

С женой на V съезде писателей БССР. 1966 г.

Для всех них слова «жить» и «бороться» являлись, по существу, синонимами. Ибо их жизнь действительно была борьба, борьба жестокая и беспощадная, священная борьба во имя Отечества, во имя Победы. Отцовские товарищи по борьбе стали не только прототипами героев его книг, но и полноправными героями, выведенными уже под своими подлинными именами и фамилиями в книге «Признание в ненависти и любви». Да и сам он стал одним из героев документальной повести Ивана Новикова «Дороги скрестились в Минске». Однако это произошло значительно позднее.

Спецгруппе разведчиков, в составе которой отец выполнял очередное задание, естественно, приходилось передвигаться по оккупированной фашистами территории Беларуси чаще всего ночами, тем более имея приказ ни в коем случае не реагировать ни на что происходящее, дабы не обнаружить себя. У одной деревни, затаившись, мучительно долго выжидали, когда же, наконец, пресытятся и прекратят зверствовать каратели. А те убивали и убивали, издевались, швыряли в разведенные костры книги, иконы. С гиканьем притащили за ноги молоденькую беременную женщину и, раскачав, тоже бросили в огонь. «Гых-ых-ых!» — взорвалось женское лоно, сберегавшее в себе еще одну жизнь.

Это «Гых-ых-ых!» долго будило отца по ночам. У меня этот рассказ навсегда запечатлелся в памяти.

А еще помнится обреченно-несчастный отцов взгляд, когда ему пришлось объяснять, что тот мерзкий шепоток («Это — та, которая...») за полным гостей столом мне не почудился, и плечики хрупкой женской фигурки вздрагивали при этом совсем не от холода (мама даже заботливо-нежно накинула на них свой пуховый платок)…

Прорываясь из огненного блокадного кольца под озером Палик, маскируясь за чахлым прибрежным кустарником, спецгрупповцы могли отчетливо слышать, как совсем рядышком, растянувшись плотной цепочкой и переговариваясь между собой, лопотали немцы. Затаив дыхание, готовились к перестрелке: среди них была женщина с новорожденным сыном на руках.

До сей поры не укладывается в сознании, как возможно не то что осудить, даже просто глянуть с укором на женщину-мать, подарившую миру новую жизнь и решившуюся отнять ее, задушив собственное дитя, спасая этим жизни товарищей своих. Оказалось, возможно. И нашептывал именно тот, кто там, под Паликом, когда свои хлопцы плевали кровью от начинающейся цинги, по ночам тайком лизал припрятанную в рюкзаке соль.

А на далеком Урале после рабочего дня, выступлений перед жителями поселка о положении на фронтах, собирания посылок для бойцов-армейцев моя мама, школьная учительница-словесница, слепясь при лучинке, темными вечерами, а то и ночами вышивала чужим женщинам кофточки и платья, чтобы поддержать силенки маленького Володьки. Как-то он все крутился возле, прыгал на одной ножке, улыбаясь, заглядывал в глаза и наконец отважился:

— Мам, только ты не плачь, мам, я спросить хочу. Не будешь плакать?

— Нет, сынок. А что?

— Мам, а может, у нас есть кусочек хлебушка, ма-лю-сень-кий?

— Нет, родной, нет.

— А я и не хочу совсем, это я просто так. Только не плачь, мам. — И снова начал подпрыгивать, вытанцовывать, стараясь всем своим видом показать, что ему действительно весело.

«Вот окончится война, и мы будем есть только белый хлеб», — верила и обещала себе мама.

И она закончилась, эта долгая тяжкая военная дорога, закончилась в день освобождения Минска, куда спецгруппа отца вошла вслед за армейской разведкой. А через несколько месяцев из эвакуации сюда же добрались мои мама и брат. Мама даже не стала дожидаться высокой награды (ее представили к ордену Трудового Красного Знамени), она изо всех сил спешила: надо было заботиться о еще не оправившемся после ранения любимом.

Поселились на Сторожевке. Наш тогдашний адрес, как вспоминал Борис Бурьян, давался «очень по-писательски»: «Напротив Кондрата Крапивы и Андрея Александровича», либо «Рядом с Михасем Машарой», или «по соседству с Виткой…». Именно там я и сделала свои первые шаги.

Совершенно невероятным кажется сегодня, что сам Якуб Колас, гордость и мудрость литературы нашей, который дал отцу первую рекомендацию в Союз писателей, любил шутить со мной и обращался не иначе как: «Моя ты настоящая славяночка». Кондрат Крапива присутствовал при моем первом в жизни купании, а уезжая летом из города на дачу, они с женой Еленой Константиновной оставили в полное распоряжение нашей карповской семьи не только свой коттедж, но и машину «эмочку». Андрей Макаенок будоражил мое детское воображение, показывая на обычной стене театр теней и при этом на разные лады виртуозно озвучивая голоса своих фантастических персонажей. А еще заразительно смеялся, реагируя на мое удивление: «Откуда же они все знают, как меня зовут?» Янка Брыль учил папу заплетать мне косы. Значительно поздней, приглашенный нашей кафедрой белорусской литературы на встречу со студентами-филологами, Иван Антонович подтвердил, что не только помнит тот факт, а помнит и то, что, ежели Карпову в пылу полемики приходилось отстаивать свою позицию, он обычно сражал собеседников аргументом: «Клянусь косами моей Людмилы!» Светлыми ангелами-хранителями нашей семьи всегда были Мария Филатовна и Иван Петрович Шамякины. И это не говоря о том, что все жители дома № 36 по улице К. Маркса, куда переехали в начале пятидесятых многие писательские семьи, стали бесконечно дорогими сердцу на всю жизнь.

Отец был компанейским и гостеприимным человеком. Без всякого преувеличения отмечу, что в нашей квартире побывали, и не по одному разу, все наши тогдашние соседи: Т. Ходкевич и И. Громович, К. Кириенко и М. Последович, А. Зарицкий и М. Лужанин, П. Глебка и И. Мележ, Я. Брыль и Я. Скрыган, И. Шамякин и И. Науменко, Я. Мавр, П. Пестрак, М. Калачинский, В. Кравченко.

Как же они умели жить! Жить в полную силу, всем существом своим благодарно принимая счастливо прекрасные мгновения бытия под отвоеванным вольным небом, искренне радуясь жизненным и творческимх удачам тех, кто рядом, а при необходимости мобилизовывались и преодолевали нежданные горести. Это создавало особую атмосферу, которая царила в культурно-литературных кругах той поры.

Нам же, писательским детям, никогда в голову не могло прийти, что мы какие-то исключительные, элитарные. Мы обожали свой дом, обожали соседей, называя их исключительно дядями и тетями, а еще мы все были из поколения «книжных детей», которые с жадным наслаждением поглощали одну книгу за другой. Именно благодаря заботе Ивана Шамякина имели возможность читать буквально все новинки, поскольку доступными становились самые престижные периодические и лимитированные тогда издания — «Иностранная литература», «Наш современник», «Юность» и др. Собрания сочинений русской и всемирной классики, новые, еще пахнущие типографской краской книги белорусских авторов (преимущественно с автографами), постепенно заполнявщие полки книжных шкафов, прочитывались по мере их выхода в свет.

Для нас, «книжников», мой папа был признанным авторитетом, так как безошибочно подсказывал интересные произведения. Однажды, прихватив из кабинета том Мопассана и длинный китайский фонарик, я с головой укуталась в одеяло и отдалась любимому ночному занятию. Утром родители обнаружили на полу у тахты, на которой я мирно спала, мопассановский роман и зажженный фонарик. За день я страшно изнервничалась, ожидая нагоняя за ночное «бдение», и особенно за «криминальное», не по возрасту чтиво. Однако папа спокойно протянул мне томик В. Вересаева и посоветовал прочесть «Исанку». Я же проглотила ее, как говорится, залпом, впечатленная изысканной ажурностью художественного рисунка, нюансовой передачей еле уловимых чувственных перемен в душевном состоянии молоденькой героини. Понятно, самые близкие подружки — Татьянка Шамякина и Галочка Скрыган — тоже тотчас прочитали эту повесть, которую потом мы с восхищением обсуждали. Польза оказалась двойной. Моя мама застала нас за удивительным занятием: три юные «грации» чинно двигались по нашей самой большой комнате, стараясь при ходьбе не перейти за линию одной выбранной половицы-досточки и при этом не сбросить с голов тяжелющие тома Большой Советской Энциклопедии. Так мы вырабатывали осанку.

Важной жизненной вехой, настоящей «зеленой школой» стали Королищевичи. Там возле Дома творчества писателей, где обычно мы проводили школьные, а потом и студенческие каникулы благодаря своим родителям, я знала чуть ли не каждую сосенку, березку, осинку, знала и высокую ель у дорожки, по которой ходили в столовую и у которой всегда останавливались: на лавочке под ней любил отдыхать Якуб Колас. Здоровались с Константином Михайловичем, взрослые начинали вести неторопливую беседу, я же быстренько шмыгала за ту ель в молоденький дубовый подлесок, а через несколько минут уже выползала оттуда чуть ли не с полным фартушком боровичков. Колас как всегда ласково, однако с заметной завистью заядлого грибника, говорил: «Моя ж ты настоящая славяночка. Все мои грибы пособирала! Ай-яй-яй!»

— Они же пищали! — удивляюсь я.

— Пищали?! — смеялся Колас, смеялись все, кто оказывался рядом.

Приходилось серьезно объяснять:

— Когда грибы собираем, то мама с папой меня всегда зовут: «Люда,иди скорее сюда к нам, тут где-то гриб пищит, тебя ждет».

Снова общий смех, от которого мне самой делается весело и уютно.

Те же Королищевичи. Приблизительно конец сентября. Колас уже сильно болен, с неизменной палочкой, но старается держать выправку. А на склонах недалекого заброшенного карьера наливается манящим ярко-алым глянцем душистая земляника второго урожая. Папка подсказывает, надо сходить в заветное местечко и насобирать Коласу ягод. Насобирала целый стакан, ни одной в рот. Стесняюсь, сердце готово выскочить, но ослушаться отца не смею и иду на второй этаж, тихонько скребусь в дверь коласовской комнаты, и она открывается.

Колас удивлен, но и радостно взволнован неожиданностью необычного посещения: «Ах, ты, моя настоящая славяночка!» Благодарит, мечется по ком-

Автографы читателям.

нате, открывает шкаф и протягивает мне — невероятно! — два апельсина-солнца (видела и пробовала их разве что на Новый год). Бегу на первый этаж, влетаю в наш номер, впечатленная, ошеломленная. Папа явно не разделяет моего восторга:

— Как же ты могла, Люда, за свою сердечную искренность взять плату?

Думается, и вовсе не самый подходящий для воспитания момент, но тот урок запомнила навсегда.

Не единожды мы с Галей Скрыган и Таней Шамякиной припоминали, да так и не смогли припомнить, чтобы родители когда-либо специально нас воспитывали. Да и зачем им было этим заниматься, если их, родительские, поступки говорили сами за себя, были примерной школой поведения, а не занудливое морализаторство. Впечатлительная детская душа, подобно лакмусовой бумажке, жадно впитывает и впитывает в себя все, что происходит вокруг. Ее невозможно обмануть фальшиво приветливой улыбкой, наигранной доброжелательностью или соблазнить конфеткой. Зато открытость и естественность она распознает безошибочно и принимает сразу.

Почти каждый вечер у финского домика, где мы поселялись последние годы, пока не построили «Ислочь», папа разводил костер. Постепенно разгорались загодя припасенные поленья, потрескивали сухие ветки и хвойные лапки, посылая в густую черноту небесной выси дымную струйку и космически быстрые искорки.

Помню, как подошел Владимир Короткевич, радостно-шумный, в приподнятом настроении (видимо, хорошо работалось днем). Сразу захватил меня своей идеей смастерить сей же час нечто совершенно необычное. Нарезал тоненьких лозовых прутиков, и мы принялись переплетать ими раскидистый куст крушины, имитируя ажурную паутину, а на ней прикрепили чудо-паука, искусно изготовленного из чаги. «Паучка-трудовичка», как с удовольствием констатировал Владимир Семенович. В процессе этой увлекательной работы вдохновенно, с присущим ему артистизмом успевал еще отвечать на мои вопросы: как экипировались древние ратники в XVI веке; правда ли, что средневековье было в действительности не самым «розовым» временем для рыцарского поклонения дамам; как приготовить настоящую белорусскую мачанку и т. д.

Кажется, на следующий день Короткевич пришел к моему отцу вместе с Рыгором Бородулиным. Мужчины долго разговаривали, перешептывались, громко хохотали, а когда гости ушли, папа дал нам с мамой почитать тогда еще «подпольный» «Сказ пра Лысую гару».

Невозможно представить, сколько вообще помнят благословенные писательские Королищевичи задушевных бесед-исповедей, горячих споров, в которых серьезные рассуждения, грустные воспоминания чередовались с курьезными историями, услышанными и выдуманными тут же анекдотами. Однако любые разговоры всегда сводились к острым литературным проблемам, к новым идеям и творческим планам, которыми делились, ища поддержки, советов или под-

тверждения своей правоты. О национальной культуре, родной литературе, из которых черпали жизненную силу, все могли говорить бесконечно.

Обычно после завтрака и почти до ужина в большом доме царила тишина, нарушаемая только характерным постукиванием пишущих машинок (какие там компьютеры в то время!), — писатели творили. Со двора иногда доносился собачий лай. Михась Машара и Анатоль Велюгин, развивая собственную теорию, шутили, и не без оснований, что собаки, проявляя бдительность, подавали голоса, злобно облаивали исключительно тех незнакомцев, у которых на головах не было шляп.

Мама не позволяла завести свою собаку. Зато дома у нас жили то заяц (дед с папой поймали зайчонка, когда демонстрировали один перед одним свое умельство косцов во время сенокоса), то ежик, который очень громко топал по ночам, то пара чечеток, то белка, оказавшаяся белом, которому брат Володя повредил лапку, испытывая отцовский подарок — «духовушку». Папа любил выпускать бела из клетки, когда работал по ночам, и тот уютно устраивался на папином плече или сворачивался клубком под настольной лампой аж до конца «творческой смены». Интересно было наблюдать за каждым из этих существ, которые настороженно-внимательно прислушивались и по-своему старались отреагировать на наши с ними разговоры. Зайца подарили молдавскому певцу Н. Крамоdefaultренко (проходили Дни молдавского искусства в Беларуси), и он повез его домой своим маленьким детям. Бела выпустили в родную стихию.

Думается, что в каждой семье, да и у каждого отдельного человека, есть дорогой его сердцу некий знаковый предмет, который предопределяет их мироощущение и мировосприятие. Для нашей семьи подобный знак никогда не ассоциировался с дорогостоящим материальным предметом, его роль исполняли цветы — ромашки, васильки, розы, амариллисы, веточка сирени или черемухи... Их любили, ими любовались. Мама могла подолгу с ними разговаривать, уговаривать, поливая вазоны, составляя букеты и букетики, которые затем с особым вдохновением расставляла по комнатам. Они благодарно дарили аромат, радовали глаз, успокаивали душевные тревоги. А вот темно-пунцовые, бархатные амариллисы, будто разделяя семейное горе, не зацвели только трижды: в годы, когда не стало отца, брата Володи, мамы. После смерти деда Михаля в его хате перевелась герань, взбесилась собака, которую пришлось застрелить, а из колодца наутро навсегда ушла вода.

Накануне смерти отца мама достала из палеховской шкатулки заветный сердолик, гладила, что-то шептала:

— Мне кажется, он потускнел. Надо было все же огранить его, как хотел твой папка. Но ведь ювелир предложил распилить! Люда, распилить «сердца лик»?! — тихонько-тихонько заплакала и стала собирать свои черные вещи: костюм, туфельки, платок из вологодских кружев — подарок отца.

— Мам, что ты делаешь? Разве можно? — ужаснулась я.

— Он знает, — кивнула на камень. — А я потом, может, не сумею...

При прощании в Доме литератора мать простояла у гроба, не присев ни на одно мгновение, не уронив ни единой слезинки.

Надежным другом, опекуном, лекарем, добрым волхвом, который щедро одаривал своими чудесами, всегда был лес. Через какое-то время после пережитого горя мама стала на электричке уезжать именно туда, в лес, чаще совсем одна. После возвращения вечерами много писала, вспоминая о пережитых вместе радостях и невзгодах. Возле, на письменном столе, лежал сердолик.

А раньше, если получалось очутиться в лесном раздолье, папа с мамой обязательно обращали мое внимание, скажем, на тоненький стебелек цветка с чарующим названием «Ночная красавица», что одаривает изысканным ароматом только с наступлением вечера, то на какой-либо по-особенному перекрученный корешок, что будоражил фантазию, учили отличать яркий, насыщенно-бордовый

пахучий чабор от его блеклого подобия, звали посмотреть на первые, закутанные в нежно-мягкие шубки, весенние колокольчики сон-травы (отец называл их «сон боровой»), старались успеть показать вспугнутого зайца, тетерева на току, невольно потревоженное семейство важных лосей.

Вылазки в лес за грибами превращались в праздник. Как правило, приглашали на «тихую охоту» Ходкевичей, Скрыганов, Громовичей, Соболенков… Как-то отправились втроем. До полудня насобирали чуть ли не полный багажник. По заведенному обычаю выбрали красивую полянку на пригорке. Папа как всегда развел костер, приготовил рожончики, чтобы поджарить сало, мы с мамой присели напротив и, не теряя времени, принялись чистить грибы. Особенно тщательно перебирали отцовские трофеи. Он уже не видел правым глазом, мог поднять и червивые. Мы же, чтобы, не дай бог, не загрустил и не обиделся, незаметно выбрасывали негодные.

— Люда, — заметила мама. — Что-то твой папка притих и, кажется, мурлычет.

Прислушалась, действительно мурлычет. Присмотрелась, что-то старательно мастерит, обложившись цветущим вереском.

Только когда подкрепились и начали собираться в обратный путь, отец неожиданно достал из-за спины веночек и протянул маме. Аккуратненько по-мастерски сплетенный из вересковых негнущихся веточек, он был украшен по кромочке маленькими грибочками. Любота, да и только! Ни ранее, ни позднее подобного шедевра я не видела. В том неповторимо исполненном веночке, неся его на голове, как драгоценнейшую диадему, напоминая лесную нимфу, мама и приехала домой.

В преддверии маминого сорокапятилетия отец заручился согласием известного белорусского художника С. Гусева, и тот начал рисовать мамин портрет. Причем они вместе обсуждали цветовую палитру будущего полотна, уточняли позу, выбирали наряд и аксессуары. Уже сама эта идея выявила не только желание сделать необычный подарок, порадовать, а и иметь возможность, несмотря ни на какие обстоятельства, в любой момент видеть ее, быть рядом с ней, заглянуть в ее дивные выразительные глаза.

«О, как любил их (мамины глаза. — *Л. К.*) всегда! — писал отец в своей последней книге. — И в слезах — будто в расплавленном жемчуге. И сияющие, широко раскрытые от радости. И какие-то скорбящие от преданности, от желания чтобы мне было лучше. Любил потемневшие от готовности броситься на любого, кто посмеет обидеть меня, сказать наперекор грубое слово, или полные мольбы быть справедливым и достойным справедливости.

Как и все светлые глаза, они меняли цвет. Когда она надевала зеленое платье, глаза молодели, отливали изумрудом. Когда надевала янтарные серьги и бусы, серые глаза как бы становились золотистыми, что-то обещали. В них сражались и чистое, ясное утро, и хмурая предвечерняя пора. Она знала об этом и охотно пользовалась даром-секретом как женщина, которая любит и хочет быть любимой».

Отец и сам прекрасно рисовал, лепил. Еще работая директором крюковской средней школы, вывешивал на специальной доске скрупулезно выписанные им портреты учеников-отличников и нарочито шаржированные — двоечников. Перед самой войной, приехав в деревню погостить у тещи и тестя, вылепил из глины и покрыл лаком мамин бюст. Сходство, не раз пересказывали, было удивительным: прекрасное, одухотворенное лицо, казалось, дышало. Во время войны, когда немцы были уже совсем близко, дед, опасаясь, что тот бюст в крестьянской хате могут принять за изображение какой-либо советской лидерши, завернул его в рогожку и закопал в огороде. После победы откопал, однако он буквально на глазах рассыпался.

И все-таки отец не переставал меня удивлять. Однажды, прибежав после филфаковских лекций и открывая квартиру, услыхала за дверью неясные голоса.

С порога охватила взглядом следующую картину: в нашей маленькой прихожей в кресле сидит папа, мама облокотилась на дверной косяк, а рядом с ней стоит смуглый молодой незнакомец и читает стихи.

Поздоровались, и я прошмыгнула на кухню. Мама сразу же поспешила за мной, чтобы накормить голодную студентку, а из прихожей все доносились и доносились патриотически возвышенные строфы.

— Кто это? — естественно, поинтересовалась я.

Мама совершенно спокойно ответила:

— Вор-рецидивист.

— Ну, вы, родители, даете! — вырвалось у меня.

Выяснилось, что с тем «начинающим литератором» отец познакомился в стенах Володарки, где была организована конференция по его роману «Весенние ливни». Оказавшись на воле, бывший арестант прокутил все деньги, полученные при освобождении, и поэтому не мог выехать из Минска, где ему запрещено было задерживаться. Уж не знаю, кем он представился в Союзе писателей, однако наш адрес ему там дали. Просьбу неожиданного посетителя отец исполнил, хотя мама выразительно вздыхала. А одолженные деньги через некоторое время вернулись по почте.

Следующий раз прихожу домой, и ко мне бросается необычно возбужденный Димка — мой маленький племянник. Раскраснелся, глаза округлились до размера каштанов, а сложенной лодочкой ладошкой (уже знает, что пальцем тыкать неприлично) указывает направление и от волнения срывающимся на шепот голоском предупреждает:

— Люда, ты только вон в тот угол не ходи!

— Почему? — удивляюсь я.

— Там… Та-а-кой живет!.. — в определении «такой», казалось, собрались все ужасы вселенной.

— А в тот, другой угол, можно?

Немножко поразмыслив:

— Там тоже живет, но туда можно.

Разумеется, догадываюсь, откуда взялись подобные фантазии, поскольку отец в свое время и для меня населял окружающее пространство таинственными неземными созданиями, а то «осовремененными» мифологическими героями Древней Греции.

Захожу в кабинет к отцу и спрашиваю:

— Па, что ты наговорил малышу?

— А что он тебе сказал? — вопросом на вопрос откликается папка.

Пересказываю.

— Молодец, абсолютно точно. Ты, Людмила, в тот угол, и правда, не ходи, а то там та-а-кой живет...

Я всегда восхищалась не только отцовской эрудицией, потрясающей осведомленностью в самых различных областях, но и его коммуникабельностью, деликатной манерой общения с собеседником. Контакт устанавливался буквально сразу, и тогда человек без стеснения начинал говорить о самом сокровенном. И не важно, был ли этот человек собратом-литератором, товарищем военной поры, бывшим учеником, сельчанином, строителем, заводским рабочим, а то и ребенком, он все равно попадал в магнетическое поле отцовской личности. Свои же обещания людям отец исполнял всегда. Потребовалась помощь заболевшей эпилепсией дочери бывшего радиста спецгруппы, и папа связался с Александром Мироновым, который обладал чудодейственными рецептами своих предков — народных целителей. Необходимы были редкие лекарства, квартира, заступничество, защита Красного костела, который украшает сегодняшнюю площадь Независимости, бездумно уничтожаемого на реке Белой мореного дуба и многое-многое другое, и тогда отец превращался в «ходока». За себя, за нас он не просил никогда.

Коричневого карандаша (теряя зрение, папка лучше иных распознавал именно этот цвет) редактора отдела прозы и критики журнала «Полымя» побаивались многие авторы, тем не менее, с благодарностью принимали «коричневые» правки и просторные маргиналии на полях своих рукописей, ибо доверяли компетентности и художественному вкусу редактора. Собственные же, даже уже изданные книги, отец кромсал нещадно: вычеркивал недостаточно точные, на его взгляд, определения, обороты, фразы, полностью перечеркивал некоторые страницы, дописывал, а то и переписывал заново целые разделы. Он буквально горел и сгорал, терзался, успокаивался и снова терзался, стремясь в силу своих способностей, своего таланта, своего понимания успеть сказать свое, карповское, слово. «Как же не хочется умирать, доча! Сейчас я только-только начинаю видеть дальше и понимать глубже», — жаловался он мне. Так и осталась только начатой автобиографическая повесть «Открытая звезда».

Очень эмоционально отец всегда говорил и писал о Минске. Он видел и помнил столицу конца 30-х годов, когда учился здесь в пединституте. Он видел и помнил город, охваченный паникой и огнем, когда под сумасшедшей бомбежкой фашистов сдавал экстерном государственные экзамены, он видел и помнил его страдающим, но непокоренным в разгар Великой Отечественной, видел и наблюдал, как Минск возрождается из руин...

«Любовь к городам приходит непросто, — писал отец. — Она очень требовательна. Ее нужно завоевать. Есть города-труженики, есть города-воины, города-здравницы, есть города-музеи. Разве ко всем пришла всенародная любовь и все они окружены уважением так, как Москва, Ленинград, Киев, Волгоград, Севастополь? Чтобы завоевать такую любовь, городу необходима эпопея, подвиги в войне и мире. Необходимо, чтобы в годины, когда решается судьба народа, город совершил нечто очень и очень важное. И только тогда он становится народной святыней».

Минск стал отцовской болью, любовью, стал самостоятельным героем цикла «На перевале столетия», в который вошли романы «Немиги кровавые берега», «За годом год», «Весенние ливни», «Сотая молодость», а также книга «Признание в ненависти и любви».

Исключительной концентрации духовных и физических сил стоила отцу работа над созданием первого фотоальбома «Мінск», уникальных сегодня сборников «Мы расскажем о Минске», «Город и годы», «Сквозь огонь и смерть». Он, как правило, находился в неком лихарадочно возбужденном состоянии, пока замысел очередного творческого проекта не приобретал очертания завершенности, окончательно оформлялся композиционно и содержательно. Работа над фотоальбомом превратила отцовский кабинет в студию, где пол долгое время был устлан фотографиями самых различных форматов, а на письменном столе громоздились груды объемных рукописей. И только мама умудрялась навести там относительный порядок, возвращая после уборки каждую страничку на предназначенное отцом место.

Вообще вся отцовская работа делалась по зову сердца, делалась с горячим желанием, чтобы Минск наконец-то был награжден званием Города-героя, а также еще и во имя того, чтобы с самого детства будущие мудрые, сильные, мужественные потомки осознавали себя неотъемлемой частицей своего народа, знали и уважали его многострадальную историю и не забывали ее уроки.

Бережно храню нежно-розовое чудо с красными прожилками, подобное юным соцветиям яблони, время от времени беру в руки и любуюсь: «Вот он, сердолик, — СЕРДЦА ЛИК».

— Па, па, я люблю тебя!

Татьяна КОБРЖИЦКАЯ, Элла ДЮКОВА

Славянский мир Кондратия Рылеева

Кондратий Рылеев (1795—1826) — знаменитый русский поэт-декабрист, современник и соратник А. Пушкина. Творчество поэта является огромным вкладом в историю славянских литературных связей. Этой публикацией мы откликаемся на две недавние памятные даты — 220-летие со дня рождения и 190-летие со дня кончины поэта-мыслителя.

Судьба отпустила Кондратию Федоровичу Рылееву небольшой срок жизни, однако он успел оставить после себя яркий негаснущий свет, свет поэтического творчества и смелых, дерзновенных мыслей. Свои произведения писатель наполнил страстным вниманием к неординарным историческим личностям, выписанным по законам романтического письма. За активное участие в декабрьском восстании 1825 года гражданин Рылеев был жестоко казнен в Петропавловской крепости. Образование Кондратий Рылеев получил в Петербургском кадетском корпусе, в годы войны с Наполеоном сражался на фронте. И, казалось бы, соответствующие обстоятельства не очень должны были способствовать формированию романтического восприятия реальности. Однако в Рылееве как человеке и поэте удивительным образом соединились практически активное действенное отношение к современности и романтические приемы воплощения мысли и чувства в поэзии.

Живой ум, жажда знаний — те качества, которые постоянно обогащали творческую натуру Рылеева, оказывали влияние на направление и развитие его писательского труда. Будучи против тирании в родной ему стране, русский поэт Рылеев мог свои произведения «выращивать» исключительно на русском материале. В его произведениях действительно много внимания уделено теме патриотизма русского человека. Но стоит особо отметить авторскую широту мысли, стремление к познанию Рылеевым насущных проблем населявших Россию «инородцев». Подчеркнем то, что обогащающий душу опыт не имел у Рылеева кабинетного характера. Поэт многое увидел, прочувствовал, будущий материал своих произведений он эмоционально воспринимал во время своего пребывания в так называемых «западнорусском» и «южнорусском» краях.

Как же складывались «жизненные университеты славянства» Рылеева? Известно, что 1815 год связал Рылеева с белорусской землей. Пребывая на территории Минщины, Барановичей, в Несвиже, Рылеев находился в дружеских контактах с Томашем Заном (1796—1855). Томаш Зан, польско-белорусский поэт-романтик, сформировавшийся, как и Адам Мицкевич, в среде филоматов-

филаретов, родившийся под Молодечно, был собирателем белорусского фольклора. В произведениях его нашли отражение быт и культура белорусов. Без всяких сомнений можно предположить, что «белорусскими воспоминаниями» делился с Рылеевым и его ближайший петербургский друг, соратник, соавтор, поэт Александр Бестужев-Марлинский (1797—1837). Напомним: Бестужев с осени 1820 года по весну 1821-го, находясь в составе гвардейского корпуса, жил на территории Минщины, в деревне Выгоничи под Раковом, в доме местного помещика В. Вайдевича. Дружба Бестужева с образованным шляхтичем Вайдевичем продолжалась и после возвращения Бестужева в Петербург. Впечатленный высокой культурой семьи Вайдевича, его дочерей, на адрес «белорусского друга» он выслал в 1823 году первое издание знаменитого альманаха «Полярная звезда». Показательно при этом полное название альманаха: «Полярная звезда. Карманная книжка для любительниц и любителей русской словесности, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым».

Объективность требует признать, что процесс возрождения белорусской литературы в те годы еще только намечался, и по понятным причинам о Рылееве можно сказать словами польского исследователя творчества А. Мицкевича Г. Батовского: литовские и белорусские народные массы были ему близки и даже симпатичны, но проблеме их национальности специального внимания он не уделял.

Из документов, посвященных декабрьскому восстанию 1825 года, становится очевидным, что познание Беларуси русскими офицерами совмещалось у них с интересом к польской культуре, изучением польского языка. В частности, среди подтверждающих эту мысль фактов С. Букчин отмечает следующее: К. Рылеев выступает переводчиком «Свитязянки» А. Мицкевича, стихотворения, созданного по мотивам легенд, с которыми должен был быть ознакомлен русский поэт во время своего пребывания в Беларуси. Пытливый ум Рылеева охватывал территорию «западнорусского края» довольно широко. В произведениях Рылеева привлекает созданный им образ Волыни. Это и предводитель восстания казаков Наливайко, и «литовский князь» Михаил Глинский, и, наконец, опальный полководец, писатель, меценат князь Андрей Курбский.

Произведение «Курбский» — первая дума поэта, созданная в 1821 году. Исследователи (Базанова В. Г., Архипова А. В. Творческий путь Рылеева // Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л., 1971) считают ее «элегией на историческую тему. В следующих произведениях подобного рода жанр думы кристаллизировался уже с полной отчетливостью». Выступив против тирании Ивана Грозного, Курбский, как известно, стал эмигрантом, «став под руку» польских королей. Поэт-романтик Рылеев обращается прежде всего к внутреннему конфликту, душевной драме героя. Для Рылеева, самозабвенного борца за свободу, жизненная ситуация Курбского — противника политики Ивана Грозного — объяснима. Но Рылеев — патриот, он предполагает, что душу его героя-изгнанника должна терзать раздвоенность чувств.

Поэт удивительно емкой, почти афористичной фразой характеризует эмигранта. Для него Курбский — «позор и слава русских стран». В монологе Курбского читаем следующие строки: «В Литве я ныне стал вождем; // Но, ах! // Ни почести велики // Не веселят в краю чужом, // Ни ласки чуждого владыки». Известно, что Волынь и Литва (нынешняя Беларусь) в описываемый период — XVI ст. — входили в состав Речи Посполитой. Возникает вопрос, как сочетается в оценочном восприятии Рылеева словосочетание *«русские страны»* — автор употребляет множественное число (не одна, а несколько русских стран)! — и традиционный образ *«чужой край»*?

При обращении к теме Наливайко, в других произведениях, где затрагивается вопрос «западнорусской ментальности», поэт резко отрицательно откликается на проблему униатства. И, очевидно, поликонфессиональность — тот «камень преткновения», который ставил поэта в сложное положение. «Литва

чужая — Литва своя!» Православие — единая вера восточных славян. На этом основывалось прежде всего мировоззрение многих русских патриотов, не замечавших объективных причин стремления белорусов к национальному возрождению, независимо от вероисповедания — православия, католичества, униатства, протестантства. Не стал исключением здесь и Рылеев.

Сложная социальная, национально-культурная обстановка в Беларуси отразилась на планах декабристов по созданию будущей свободной федеративной России. И нужно признать, что мнение Рылеева в отношении белорусского вопроса характеризуется некомпетентностью, определенного рода «недомыслием», поскольку известны два его не стыкующихся между собой высказывания, свидетельствующие о противоречиях в душе поэта-мыслителя. С одной стороны, Рылеев считал белорусский язык «деревенским польским говором». С другой, при рассмотрении вопроса возможного федеративного устройства России, прообразом которого он видел Соединенные Штаты Америки, Рылеев подал свой голос за целостность, «единство русских и белорусских земель»…

Как известно, литературные контакты характеризуются наличием встречных движений. В XIX ст. зарождающаяся белорусская творческая интеллигенция, воспринимая демократизм произведений талантливых русских писателей, во многом ориентировалась на творчество А. Пушкина, М. Лермонтова, Н. Некрасова, К. Рылеева. «Белорусский лирник» В. Сырокомля, прекрасный знаток и белорусского, и польского языков, выступил переводчиком Рылеева, издав на польском языке поэму Рылеева «Войнаровский» (анонимно, в Познани в 1861 году). Опираясь на исследование творчества Сырокомли В. Мархеля, С. Букчин высказывает предположение, что знаменитое стихотворение белорусского поэта «Почтальон» было написано под воздействием полученных впечатлений от этой же поэмы Рылеева: совпадение драматических кульминаций, близость сюжетных развязок и др. Типологическая родственность Рылеева и Сырокомли — трагическое видение действительности, искренность сочувствия чистому душою, но несвободному в мире несправедливости человеку — все эти качества народной баллады, благодаря русскому переводу Л. Трефелева, «сделали автора «Почтальона» одним из наиболее любимых поэтов среди русской интеллигенции».

В начале XX ст. в «Голосе» выступил с публикацией о «Собрании сочинений К. Рылеева и А. Одоевского» Максим Богданович. Белорусский классик, подчеркивая важность выхода в свет издания, писал: «…суровые ямбы Рылеева, коснувшись общественно-политических тем, загораются огнем вдохновения и силой». Образцом поэтического мастерства Рылеева, идейной остроты его мыслей Богданович назвал такие произведения, как ода «Гражданин», отрывок «Исповедь Наливайки» и другие…

В современном белорусском литературоведении имя Рылеева связывается с творческим подвигом Адама Мицкевича. Адам Мицкевич, гениальный творец, открывая миру Беларусь, стал катализатором европейского литературного процесса, в том числе и развития белорусской литературы. Как отмечает Олег Лойко в предисловии к изданию произведений А. Мицкевича в переводе на белорусский язык, личность Мицкевича формировалась не столько под влиянием польских коллег Юлиуша Словацкого и Циприяна Норвида, сколько в Петербурге, в кругу единомышленников Кондратия Рылеева и Вильгельма Кюхельбекера.

Какими же узами связан Кондратий Рылеев с украинской культурой? На протяжении 1817—1821 гг. Рылеев «несколько лет жил на юге Воронежской губернии, где было немало выходцев из Малороссии» (Базанова В. Г., Архипова А. В. Творческий путь Рылеева // Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л., 1971.), гостил в имениях помещиков-либералов, восторженно воспринимая украинскую природу, верования, фольклор, историю украинского народа. Как мы уже отмечали, нельзя не принимать во внимание непосредственное познание поэтом специфики жизни народов, населяющих Русскую империю. В то же

время формирование образа славянского мира у Рылеева происходило прежде всего под воздействием книжных источников знаний.

Огромную роль в расширении кругозора Рылеева сыграла работа Д. Н. Бантыш-Каменского (1788—1850) «История Малой России». В комментариях к русским изданиям произведений поэта (в частности, к «Полному собранию стихотворений» К. Ф. Рылеева. Л., 1971), в литературоведческих публикациях часто встречаются ссылки на издание Бантыш-Каменского. Отмеченная соотнесенность рылеевского материала с материалом «Истории…» имеет сугубо научный характер. Со своей стороны, считаем, что стоит отдельно охарактеризовать личность Бантыш-Каменского, поскольку, безусловно, «частные» факторы также играли роль в становлении К. Рылеева — писателя и мыслителя.

Так, немаловажен тот факт, что прапрадед Бантыш-Каменского служил переводчиком при гетмане Иване Мазепе. В 1816 году Бантыш-Каменский находился на службе в Полтаве, где губернатором был князь, герой войны с Наполеоном, генерал Н. Г. Репнин-Волконский (1778—1845). Рожденный на Киевщине, Н. Г. Репнин-Волконский прославился своим вольнолюбием, идеями создания рационального просвещенного государства, осуждением крепостничества. Кстати, образ Н. Репнина-Волконского послужил для Л. Толстого прототипом Андрея Болконского, героя романа «Война и мир». Царь Николай I, остерегаясь регионального сепаратизма, всячески препятствовал укреплению авторитета губернатора, в результате чего Н. Г. Репнин-Волконский вынужден был эмигрировать в Италию, затем Швейцарию (гл.: 9). Младший брат губернатора князь Сергей Волконский — известный декабрист, соратник Рылеева. Кстати, либерализм князя Волконского как «начальника штаба» отмечен в созданной на фольклорный манер сатирически-иронической песне К. Рылеева и А. Бестужева «Царь наш — немец русский — носит мундир узкий». Здесь «начальник штаба» противопоставлен «злодею из злодеев» графу Аракчееву…

В 1820-х годах Бантыш-Каменский по заданию Н. Г. Репнина-Волконского собрал, обработал, обобщил архивные документы Москвы, Чернигова, Полтавы, материалы частных коллекций, что и стало основанием для издания «Истории…». Полное название четырехтомного труда, вышедшего в 1822 году, — «История Малой России со времен присоединения оной к Российскому государству при царе Алексее Михайловиче с кратким обозрением первобытного состояния сего края». А. Пушкин считал Бантыш-Каменского «настоящим историком».

Насколько основательно подготовленными и впечатляющими были поданные в многотомном труде материалы, свидетельствуют многие факты из истории украинской литературной классики XIX ст. По документам, опубликованным Бантыш-Каменским, события Освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. в своих художественных произведениях подавали Т. Шевченко, И. Нечуй-Левицкий, П. Кулиш, Марко Вовчок и др. Идеализация гетманщины — основа украинского романтизма. И в то же время многих произведений русского поэта К. Рылеева, написанных на украинском материале.

Существует немало работ, в которых рассматривается степень погружения Рылеева в украинскую историю, характер писательской трансформации материала в его творческой лаборатории. Важное место среди них занимают исследования киевского литературоведа, фольклориста и этнографа В. И. Маслова. Так, написанная им еще в 1912 году монография «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева» (о которой, кстати, упоминал в своей публикации Максим Богданович), а также следующая работа Маслова «Литературная деятельность К. Ф. Рылеева. Дополнения и поправки», вышедшая в Киеве в 1916 году, являются основополагающими как источник сведений об «украинской составляющей» творчества Рылеева. Произведения Рылеева в их связи с украинским фольклором рассматриваются Масловым в работе «Народность и фольклор у декабристов» (1941).

На конкретику украинских фольклорных реминисценций в произведениях Рылеева указывал и друг поэта, его младший современник, петербургский студент, пианист и композитор Н. А. Маркевич (1804—1860), в дальнейшем известный историк и этнограф, автор «Истории Малороссии» в 5 томах (1842—1843), воспоминаний о В. Жуковском, А. Пушкине, К. Рылееве. Заметим, что именно под влиянием Маркевича знаменитый русский композитор, выходец из старинного белорусского рода М. Глинка увлеченно использовал в своем творчестве народный мелос. Деятельность Н. А. Маркевича как авторитетного ученого, украинского патриота нашла отражение во многих произведениях Т. Шевченко.

Горячий и искренний поклонник украинцев, К. Рылеев сыскал встречные чувства со стороны творческих сил Украины. Так, в отдельное исследование может оформиться вопрос «Т. Шевченко и К. Рылеев». Украинский Кобзарь неоднократно обращался к творчеству Рылеева, влияние русского поэта просматривается и в непосредственном проявлении, и при типологическом сопоставлении отдельных произведений, таких, скажем, как поэма «Войнаровский» Кондратия Рылеева и поэма «Тризна», трагедия «Никита Гайдай» Тараса Шевченко. Еще в 1867 году отрывки из поэмы «Войнаровский» печатались в переводе на украинский язык А. Конисского. Имя К. Рылеева звучит и в украинском литературном процессе XX ст. в переводах прекрасных поэтов В. Сосюры, С. Гордынского. Известный своей углубленностью в славяноведение, автор сборников «Славянское небо» и «Славянская лира» поэт Р. Лубкивский напечатал перевод отрывка из поэмы «Наливайко» (1983), в 2008 году увидел свет его полный перевод на украинский язык поэмы Рылеева «Войнаровский»...

Творческую разработку украинского материала Рылеев воплотил в жанрах думы, поэмы; в последний перед арестом год поэт подошел к созданию на основе украинской истории драмы и эпоса. По сути, с обращением к украинистике связан новый этап творческого пути Рылеева. Исследователи отмечают: как поэт «Рылеев начал поздно, но развивался быстро». В первый период «он пишет мадригалы своей невесте, дружеские послания по образцу «Моих пенатов» Батюшкова, песни, романсы, шарады, акростихи и тому подобные альбомные мелочи». Это время «трудного роста», Рылеев — «подражатель», «своего у него очень мало» (Базанова В. Г., Архипова А. В. Творческий путь Рылеева // Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л., 1971.)… Заметим: эта характеристика поэта относится к 1817—1820 гг., времени его пребывания в Слободской Украине. Показательно следующее: мировоззренческое свободолюбие, идеи героизма, жертвенности во имя родной земли, с проявлениями которых Рылеев вплотную соприкоснулся при общении с украинцами, стали тем ферментом, на котором вызрело новое качество творчества поэта. Произошло чудесным образом совпадение, согласование гражданских стремлений и специфики поэтического дарования. Именно в поэтике романтизма нашел свое максимально полное отражение талант Рылеева. Таинство творчества реализовалось из состояния души, искры эмоций, наития, интуиции, подкрепленных рациональным ощущением необходимости расширения багажа знаний.

К. Рылеев дополнительно посещает Украину, знакомится с Киевом и Харьковом, в России и Украине встречается с образованными людьми, могущими пролить дополнительный свет на историю украинских персонажей, прочно заселивших его воображение. Суммарные результаты дают разнообразные источники. Это и личные встречи, и научные публикации, и творческие контакты. И общая, характерная для литературного процесса начала XIX ст. ситуация. В это время в Европу приходит широкомасштабное увлечение романтизмом. Искусство обращается к культу свободного человека, стремится к раскрытию внутреннего содержания жизни индивидуума, показу противоречий между личностью и обществом, государством. И нужно сказать, что украинские события недавних столетий, поэтическая история, легенды, поверья стали для писателей прекрас-

ным источником вдохновения. В литературоведении даже закрепилось такое понятие, как «украинская школа русского романтизма». На материале событий, связанных с 1654—1656 гг., в первой трети XIX ст. создали свои произведения около тридцати русских писателей, среди них О. Сомов, Е. Аладьин, А. Погорельский (Перовский), А. Пушкин. В среду русского романтизма вписывается и поэт Рылеев.

Хорошо известны творческие контакты, дискуссии о романтизме Рылеева и Пушкина. Менее исследованы взаимные контакты Рылеева и польского писателя (поэт¸ прозаик, драматург, публицист) Юлиана Немцевича. Ю. Немцевич (1757—1841), рожденный на белорусской земле под Брестом, привлек внимание Рылеева и творчеством, и биографией. Принимавший активное участие в восстании 1794 года как адъютант и секретарь Тадеуша Костюшко, Немцевич был арестован. Находясь в заключении в Петропавловской крепости, он создал цикл стихотворений «Элегии, написанные в русской тюрьме». Освободившись, Немцевич выезжает в США, затем возвращается на родину, снова включается в политическую жизнь. В 1816 году он издает сборник патриотического содержания «Исторические песни». Рылеев высоко ценил публикации Немцевича, называя его «лучшим поэтом Польши».

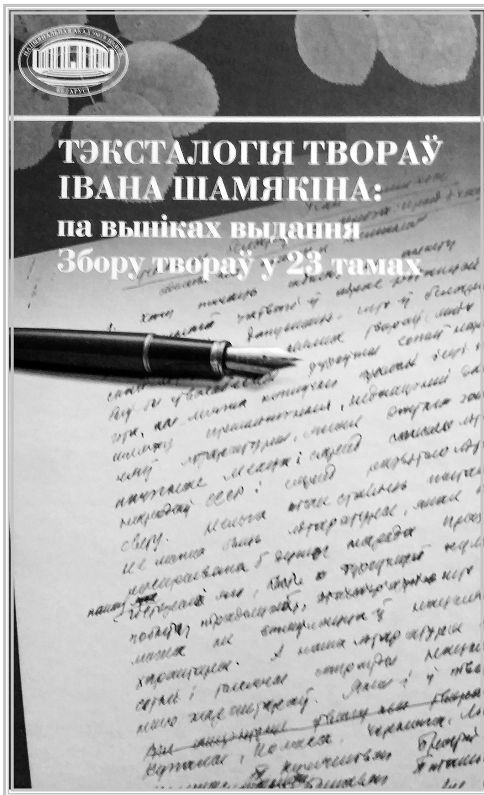
Дума Рылеева «Курбский», по сути — вольный перевод текста Немцевича с тем же названием. Показательно, что Рылеева и Немцевича привлекали те же исторические коллизии, те же герои. И Немцевич, и Рылеев, работая над темой «Богдан Хмельницкий», обратились к жанру драмы. В «Сборнике исторических мемуаров о стародавней Польше», первый том которого увидел свет в 1822 году (с ним был знаком Рылеев), Немцевич писал о быте, социальных движениях на украинской земле, о народном героическом эпосе, исторических песнях и думах украинцев. Тут же Немцевич подавал сведения о С. Палие, Г. Лободе, С. Наливайко, Б. Хмельницком, все они — персонажи и произведений Рылеева.

Специфику творческого почерка Немцевича критика оценивает по-разному. Русские литературоведы, Б. Стахеев в частности, склонны прежде всего в наследии Немцевича видеть приметы сентиментализма. Украинцы отмечают заслуги Немцевича в разработке жанра сентиментальной баллады (И. Лозинский). Белорусские исследователи (А. Мальдис) пишут о приверженности Немцевича к классицизму. В Польше рассматривается Немцевич как автор романтического письма (И. Кшижановский). Острота критики Немцевича была направлена на польских магнатов, деятельность политических сил польского сейма. Белорусская тема широко представлена в бытовых зарисовках Немцевича («Литовские письма», 1812, и др.), картины жизни белорусского населения воспроизведены польским писателем при описании Бреста, Гродно, Несвижа, Слонима. Немцевич действительно выступал за социальные реформы в крае, за отмену крепостного права. Но романтическая составляющая, во всей полноте явления романтизма, в творчестве Немцевича не стала определяющей. В общем же нужно признать, что произведения Немцевича раскрывают умеренно-реформистские взгляды автора. В 1830-х гг. Немцевич выехал в Лондон, присоединился к консервативному крылу польской эмиграции.

Как отмечает Роман Лубкивский, Кондратий Рылеев на материале прошлого, опираясь на исторические факты, положил начало в русской литературе осмыслению закономерностей развития национального самосознания. Доказательством этого являются тексты многих произведений Рылеева, и в первую очередь — его знаменитая поэма «Войнаровский». Посвящения-вступления к художественным текстам, отдельные «пассажи» в переписке поэта стоит воспринимать как своеобразные «идеологические прикрытия», к которым вынужден был прибегать поэт из цензурных соображений. В произведениях Рылеева в тесном переплетении подаются судьбы героев-славян. Русский поэт приближался к показу высших сфер человеческого духа, к пониманию пассионарного «духа нации», «духа истории».

С точки зрения рецензента

Новые возможности текстологии

Отдел текстологии в академическом Институте литературы имени Янки Купалы существует с 1979 года. Его сотрудники еще во времена СССР и БССР подготовили к изданию Собрания сочинений Янки Купалы, Якуба Коласа, Максима Богдановича, Максима Горецкого, Михася Лынькова, Пилипа Пестрака, Ивана Мележа, Кузьмы Чорного и ряда других белорусских писателей. Но подлинный расцвет текстологической работы наступил во времена, когда была создана Республика Беларусь. У текстологов как бы развязались руки, в своей работе они стали свободны от ограничений, навязанных партийными идеологами, от необходимости в угоду им отступать от принципов подготовки подлинно научного, свободного от разного рода умолчаний, сокращений в текстах художественных произведений. Все это существенно расширило масштабы работы по вовлечению в Собрание сочинений материалов, ранее не допускаемых к печати. Воспользоваться новыми возможностями текстологи не замедлили, и первое, что они сделали, — наново, более полно издали произведения классиков белорусской литературы. Даже по количеству томов, составивших новые Собрания, видно, насколько существенно они были дополнены. Если предыдущее издание собрания сочинений М. Богдановича составляло 2 тома, Янки Купалы — 7, Якуба Коласа — 14, то новые соответственно 3, 9 и 20. Образование Республики Беларусь, новые условия для развития науки и культуры не только дали возможность издавать тексты без купюр, но и создали благоприятные условия для более основательного, глубокого изучения и осмысления художественных произведений. Как никогда расширилось сотрудничество текстологов Института с учеными из высших учебных заведений, архивистами, музейными работниками, учителями.

Белорусские текстологи накопили значительный опыт подготовки литературного наследия. Некоторые из них издали книги, в которых рассматрива-

ются проблемы текстологии, осмысливается приобретенный опыт. Среди них книги Т. С. Голуб «У творчай майстэрні мастака: Тэксталогія твораў М. Гарэцкага» (2002), Э. А. Золовой «Тэксталогія — мая прафесія» (2006), М. И. Мушинского «Ад задумы да здзяйснення: Творчая гісторыя «Новай зямлі» і «Сымона-музыкі» (1965) и его же «Тэксталогія твораў Янкі Купалы і Якуба Коласа» (2007). Отдельными изданиями вышли существенно дополненная летопись жизни и творчества Якуба Коласа (М. И. Мушинский) и два издания летописи жизни и творчества Аркадия Кулешова (Т. С. Голуб), издание собрания сочинений которого еще впереди. В сборнике «Вопросы текстологии белорусской литературы» (1980) собраны статьи, посвященные результатам текстологической работы над отдельными произведениями. Опытом подготовки собраний произведений текстологи неизменно делятся в своих публикациях в научных и литературных изданиях, в выступлениях на таких традиционных конференциях, как «Купаловские чтения», «Коласовины», «Горецкие чтения», «Узвышевские чтения», на научных форумах, проводимых в вузах.

Но вышедший недавно сборник «Тэксталогія твораў Івана Шамякіна па выніках выдання Збору твораў у 23 тамах» — явление совершенно особенное. В нем впервые сразу же после издания собрания сочинений обобщен опыт работы над ним, раскрыты подходы, проблемы, принципы издания. Авторы статей этого сборника принимали участие в подготовке собрания сочинений Ивана Шамякина и поделились опытом работы над ним. Заключительный раздел (которым лучше было бы открыть его) «Научно комментированное собрание сочинений И. Шамякина в 23 томах: по итогам издания», написанный прежней и нынешней заведующими отделом текстологии А. А. Василевич, Т. С. Голуб, раскрывает историю подготовки Собрания сочинений И. П. Шамякина. В нем говорится о трудностях, проблемах, возникших по ходу работы над томами, но лучше, подробнее они рассматриваются в цикле статей сборника.

Эти статьи собраны в разделе «Из опыта текстологической подготовки первого научно-комментированного Собрания сочинений И. Шамякина в 23 томах». Как известно, каждый том для собрания сочинений готовит один человек. Ему предстоит решать возникшие в процессе работы проблемы. А они часто бывают специфическими, каждый том имеет свои особенности. Поэтому каждый из авторов статей (а все они готовили к изданию те произведения, о которых пишут) постарался выделить наиболее существенное из того, что определяло проблемы, вставшие перед ним. Текстологу Т. М. Махнач было особенно важно уяснить и представить в комментариях, как содавалось произведение. В статье «К истории текста «Мести», первой повести И. Шамякина о Великой Отечественной войне», показано путем сравнения автографа и окончательного варианта повести, как совершенствовался текст, менялась его композиция. Во второй своей статье «История написания и текстология романа «Сердце на ладони» Т. М. Махнач не только углубилась в анализ разночтений, но проследила весь путь создания романа от замысла до публикаций. В третьей статье «Роман «Возьму твою боль» в контексте белорусского и русского языков» Т. М. Махнач раскрыла интересную тему особенностей авторского перевода, показала, что автор не просто перевоссоздавал текст, но и видоизменял, перерабатывал его. Статьи В. В. Карачун «Особенности текстологии романа «Снежные зимы» — роль архивных материалов», Н. В. Гальго «Текстология романа «Атланты и кариатиды» и «Роман «Петроград — Брест»: история текста и история публикации», А. А. Василевич «Текстология романа «Злая звезда» также содержатся интересные материалы, ставшие итогом работы по текстологической подготовке

названных произведений. То, что именно текстологи, непосредственно работавшие с черновыми материалами, с автографами, вариантами, разночтениями текста, пишут о нем, дает читателю предельно полное представление о том, как создавалось, совершенствовалось то или иное произведение. Они, как никто другой, смогли глубоко прочувствовать мастерство писателя, раскрыть приемы работы с текстом, показать ход авторской мысли.

В статье «Трывожнае шчасце» ад аповесці да пенталогіі» К. А. Казыро раскрыла историю создания первой белорусской пенталогии, показала, как постепенно разрастался ее сюжет, как дорабатывались повести в процессе работы над текстом.

Несколько иное наполнение имеют статьи В. Ф. Назарова. В первой из них «Творческие поиски И. Шамякина в эпоху перестройки» автор выделил новые мотивы в произведениях писателя, явившиеся следствием свежих веяний как в общественной жизни, так и в литературе. Здесь есть и наблюдения над текстом, сопоставление вариантов, выводы, проистекающие из них. Вторая статья В. Ф. Назарова «Роль автографов повестей И. Шамякина середины 1990-х годов в подготовке Собрания сочинений писателя» также обращает внимание на одну существенную текстологическую проблему: трудность воссоздания основного текста поздних публикаций И. Шамякина из-за снижения качества издательской подготовки рукописей в 90-е годы.

Большой раздел сборника «Творческое наследие писателя в контексте современного литературоведения» составляют статьи, в которых авторы поднимаются выше конкретных проблем подготовки текстов к изданию и на основе уже подготовленного Собрания сочинений И. П. Шамякина затрагивают более глобальные вопросы, связанные с новым прочтением его произведений в результате более углубленного изучения и осмысления их. Каждая из них раскрывает грани таланта писателя в доселе не исследуемых рамках, с необычных позиций. Так в своеобразном ракурсе рассматривает Т. И. Шамякина все наследие писателя в статье «Сильные позиции» (начало и концовки) произведений как аспект авторского стиля Ивана Шамякина». Она показала, что в первых и последних страницах произведений И. П. Шамякина видится и творческая эволюция, и «скрытый драматизм и даже трагизм». С позиций окрепшей и ускоренными темпами развивающейся компаративистики посмотрела на творчество писателя в статье «Связи Ивана Шамякина со славянскими литературами» А. И. Шамякина. Она отметила и ранние влияния на творчество И. П. Шамякина произведений классиков, и связи с собратьями по перу в других странах, и переводы на иностранные языки как средство взаимосвязей литератур.

Две статьи «В начале дороги в большую литературу: дневники 1939 года» М. И. Мушинского. и «Якуб Колас в воспоминаниях и дневниках Ивана Шамякина» Т. В. Бельской затрагивают проблему публикации дневников писателя, дают им оценку. В последнем абзаце своей статьи М. И. Мушинский пишет, что в дневнике «И. Шамякин постепенно выходил на все более сложные социальные, морально-этические, философские проблемы, проблемы мировоззренческие, экзистенциального характера — о жизни и смерти, о границах человеческого познания».

Две статьи сборника «Выдающееся явление в белорусской изящной словесности» М. И. Мушинского и «Рассказы Ивана Шамякина» Т. В. Бельской являют собой образец анализа художественного текста во всеоружии глубоких, всесторонних сведений о произведениях автора, обстоятельствах их создания, трудностях в работе над ними, проблемах с изданием, оценке тогдашней критики. При этом текстологические наблюдения над произведениями, анализ разночтений, вариантов играют в этих исследованиях особую роль — они показывают, что скрупулезное изучение истории текста, его изменений в процесс написания,

последующей переработки как раз и вводит наилучшим образом в «творческую лабораторию писателя», позволяет проследить его художнические качества, своеобразие стиля.

В докладе на недавно прошедшей конференции «Современная белорусская текстология: актуальные проблемы и перспективы развития» М. И. Мушинский высказывал (и уже не в первый раз) мысль о том, что, к сожалению, содержащиеся в уже вышедших Собраниях сочинений комментарии крайне редко используются в научных целях исследователями творчества писателей. И это надо признать справедливым. Но все же исследователю труднее иметь дело со сделанным текстологами, потому что отсутствует при этом магия текста, ощущение прикосновения к подлинникам, к рукописям автора, чисто зрительное представление о них. В спецкурсе по проблемам современной текстологии, который читается на филфаке БГУ автором этих строк, обращается внимание не только на настоятельную необходимость использовать именно Собрания сочинений, а не отдельное массовое издание, в процессе работы над курсовой, дипломной, магистерской работой, диссертацией, но и материалы из музеев, архивов, ранее напечатанных текстов. Существенным подспорьем в обосновании таких пожеланий молодым ученым станет и рецензируемый сборник. Но не только им. В нем найдут много полезного все те, кто интересуется творчеством Ивана Шамякина, текстологией, компаративистикой, психологией творчества. А для самих авторов этот хороший почин должен стать стимулом к продолжению научного осмысления сделанных ими текстологических открытий. Подобные издания следует только приветствовать, и надо надеяться, что они будут появляться и в дальнейшем.

Михаил КЕНЬКО

С точки зрения рецензента

Научный диалог в гуманитарной сфере

В Белорусском государственном университете в апреле 2016 года состоялась научно-практическая конференция, посвященная проблемам культуры и межкультурной коммуникации. Белорусские ученые, деятели литературы, искусства и культуры предоставили многонациональной научной аудитории площадку для открытого научного диалога. Сама постановка проблемы, ее охват и ареал задействовали целый спектр актуальных вопросов современности, которые сегодня решает общество в целом, а наука и образование в частности. В современной период интеграции в области разных сфер общественной деятельности, в период смены общенаучной методологической базы, которая была вызвана переходом на деидеологические позиции в конце XX века, во многих национальных литературах и культурах постсоветского пространства обозначились общие парадигматические сдвиги. В современный нам период произошла смена идеологического кода на культурный, и таким образом культура заняла главные позиции в области научного диалога в гуманитарной сфере. Именно такой задаче показа научного потенциала межкультурного диалога и была посвящена Минская конференция. В ней приняли участие ученые из России, Беларуси, Украины, Грузии, Армении, Казахстана, Турции, Прибалтики. Более 200 участников осветили проблемы реорганизации и нового подхода в сфере межкультурного диалога в разных аспектах. Тематика конференции говорит о различных подходах к решению проблем межкультурной коммуникации, она охватывает лингвистику и литературоведение, туризм и психологию, библеистику и искусствоведение, проблемы педагогики и психологии, регионалистику и определение изменения феномена личности в современном многополярном мире.

Предпринята попытка определения специфики национальных литератур, культур стран постсоветского пространства. Конференция и сборник статей по ее итогам дают системное и прикладное представление о сложной панораме

процесса самоопределения национальных литератур, языков и культур, тем самым намечен обмен опытом по процессу реорганизации национальных школ на основе ввода современных теорий и терминов, которые, наряду с каждым национальным теоретическим потенциалом, служат созданию общих методологических подходов, точнее, стратегий понимания проблем осознания и описания процесса самоопределения национальных культур. Такова исходная методологическая позиция большинства работ.

Несомненно, практический аспект работ направлен на показ конкретной научно-методической деятельности, но и он чаще всего опирается на привнесение в практику преподавания теоретического потенциала. В этом отношении интересен практический опыт И. Набока, который в 90-х годах XX века создал первую в России кафедру этнокультурологии, соответствующую задаче подготовки учителей из числа коренного населения народов Севера. Практический опыт послужил обоснованием конкретных теоретических установок, которые могут быть приемлемы и для других национальных меньшинств. Автор статьи совершенно правомерно утверждает, что образование северян должно быть подлинно университетским и включать в себя развитый этнорегиональный компонент; в качестве одной из основных функций образования учителей-северян должна быть признана функция *сохранения и развития традиционной этнической культуры* (культурно-экологическая) и обеспечения ее взаимообогащающего диалога с иными, современными моделями культуры.

Разнонаправленность и методы исследований авторов, уровни компетенции мешают подвести под общий знаменатель работы относительно одного тематического уровня. Некоторые из них носят информативный характер, другие совмещают практический и теоретический опыт по введению новых теорий в национальную общеметодологическую базу, но в любом случае они познавательны и многогранны, так как показывают сложный и неоднозначный процесс интеграции национальных культур в некогда единое научное пространство. Пока не приходится говорить о выработке единой общенаучной методологической платформы для национальных литератур и культур, возможно, что этот вопрос и не стоит в повестке дня. Несомненно одно: между этими национальными культурами больше общего, чем кажется на первый взгляд. Изменение научной парадигмы рубежа XX—XXI веков, основанного на полицентризме, требует пересмотра традиционно сложившихся культурных и литературных закономерностей, теоретической и исторической поэтик, намечающих пути интеграции восточноевропейских литератур и культур в европейское литературное и культурное пространство на основе деидеологизма. Сегодня теоретическое исследование данной проблемы происходит на фоне необходимости нового осознания «собственной» литературы и культуры. Новый тип национального самовыражения (белорусского, русского, грузинского, армянского, азербайджанского и др.) только начинает восстанавливаться. Отчасти данные проблемы рассматриваются А. Андреевым на широком фоне теоретических подходов к понятию «культурного кода» литературы как цивилизационного проекта. Затронутые А. Андреевым вопросы являются объектом непрерывных дискуссий, которые направлены на поиск национальной идеи, которой, по мнению А. Андреева, пока нет. «Русский культурный проект» в трактовке А. Андреева подвержен как внешним, так и внутренним препятствиям, отмеченный утратой централизованной системы управления, отсутствием единой культурной политики, поэтому определение путей дальнейшего культурного развития стало предметом острых дискуссий. Исследователь заостряет внимание на кризисе литературоведческой методологии. Необходимо признать, что этот вопрос не является объектом специального интереса научных коллективов и сообществ, отдельные

методологические проблемы получают отражение в работах критиков, вследствие чего неясными остаются как достижения, так и накопившиеся погрешности приемов научного исследования. А. Андреев отмечает возможный путь ее оздоровления. Для того, чтобы методология не переходила из поля научного в поле идеологическое, необходимо повышать степень научной защиты, что поможет предотвратить проникновение вируса идеологии в дискурс науки. Согласимся с мнением автора, что сегодня сделать это очень сложно. Сегодня часто слышится уже избитое выражение о парадигматических сдвигах как в отдельных гуманитарных областях, так и в науке в целом. На современном этапе науковедения в России, как и в странах постсоветского пространства, отсутствует какая-либо единая теоретическая концепция, ориентирующая деятельность научного сообщества, что отрицательно влияет на все сферы культуры. Рецензируемый сборник как результат прошедшей конференции предпринимает попытку поиска выхода из данной ситуации.

Некогда единая общеметодологическая научная общность сформировала потенциал возможных точек соприкосновения. Для этих национальных культур характерны разновекторные тенденции: национальное самоопределение, восполнение утраченного и неапробированного научного потенциала, запрещенного существовавшей идеологией, интеграция в единое европейское научное пространство. Типологическая схожесть диктует и правила взаимоотношений, которые прослеживаются в работах многих участников. Особенно хотелось бы подчеркнуть теоретический спектр представленных для обсуждения тем, который говорит о назревшей необходимости поиска межкультурной научной платформы для стран, когда-то живших в едином географическом и культурном пространстве.

В свете этих позиций прошедший форум и рецензируемый сборник носят далеко не случайный характер. Наработанный материал, на наш взгляд, требует закрепления данного опыта, поиска еще больших путей сближения, разность ментальности, верований и подходов лишь будет усиливать стремление к полицентризму.

Особый интерес представляет интегрированный подход в работах, которые написаны на стыке нескольких дисциплин, отмеченных либо процессом реорганизации, либо просто переосмыслением традиционных методологий.

Спорность, открытость позиций, диалогичность свидетельствуют о том, что организаторы конференции предоставили участникам возможность высказывать свои позиции. Стратегический потенциал работ также интересен своей неоднозначной направленностью, тематика работ направлена на раскрытие исторического, политологического, социального, этнического, образовательного, культурологического, религиозного аспектов. Общетеоретический подход можно определить как координирующий, максимально открытый навстречу разным концепциям и критичным по отношению к проявлению любого догматизма.

Системность и теоретическая обоснованность тех статей участников конференции, которые представлены в рецензируемом сборнике, еще раз доказывают возможность не просто взаимной заинтересованности, но и интеграции национальных культур в общеевропейский контекст. В этой связи интерес представляет работа С. Лебедева, в которой традиция исследования сказовой формы повествования русской теоретической поэтикой совмещается с теориями нарратива. Подобный синтез позволяет исследователю определить дальнейшее перспективное исследование сказа, уяснить, почему подобный принцип повествования, ранее присущий малым жанрам эпоса, с разрушением жанровых канонов может стать принципом построения романов «нового сознания».

На стыке журналистики и литературы представлена работа М. Лебедевой. Введение структурно-семиотических методов исследования в анализ малых

форм русской словесности рубежа XIX—XX веков показывает, что сопоставительный анализ жанра очерка в журналистике и рассказа в литературе с привлечением метатекстуальных принципов анализа дает возможность нового прочтения известных текстов. Данная работа еще раз доказывает, что новейшие рецептивные теории текста могут быть применены не только к анализу постмодернистской литературы.

Процесс реорганизации в сфере гуманитарных наук повлек за собой необходимость пересмотра и выявления новых подходов в методологии отдельных наук: с одной стороны, они направлены на интеграцию в межнациональное и мировое культурное пространство, с другой — определены задачей сохранения национальной самоидентичности. Этой проблеме посвящены работы: А. Ярмош, М. Прохорчик, Н. Максюковой и др. Исследователи рассматривают задачи определения статуса, границ и межкультурной методологической коммуникации наук в полинациональном пространстве.

Проблемы перевода, компаративистики, семиотики культуры, религиозного воспитания, гендера и толерантности также являются сферой научного интереса авторов сборника.

В настоящее время уделяется большое внимание проблеме перевода, однако эта область остается одной из самых интересных, наиболее дискуссионных и продуктивных. В формировании теоретической платформы теории перевода наметилась тенденция интегрированного подхода к различным школам переводоведения. Обилие терминов, понятий, подходов требует времени и определения совместимости традиционно существующих методов перевода с вновь вводимыми переводческими практиками. Процесс национального самоопределения в любой научной деятельности предостерегает от опасности вновь очутиться в зависимости от других школ и направлений.

Переводческая практика опережает теоретическое переводоведение. Эта общая тенденция, характерная для национальных литератур и культур, стремление к национальному самоопределению ускорило этот процесс, что пагубно сказалось на качестве переводов. Все еще малочисленны работы по переводоведению, совмещающие теоретический и практический аспект. О. Уланович рассуждает о сложностях реноминации реалий в процессе лингвокультурной адаптации, указывает на возможные подходы в передаче культурно-специфических элементов, которые не имеют эквивалентов в другой культуре, акцентирует особую роль в практике переводчика знания культурных языковых кодов.

Работа И. Модебадзе создает стереоскопическую картину состояния теории и практики перевода в Грузии. В ней сложности проблемы ввода в теорию переводоведения новых методов и практик неогерменевтики совмещаются с анализом истории грузинского переводоведения, характерной не только для грузинских переводчиков, но и других «малых народов». Исследователь отмечает, что все большее значение обретает не только восприятие инонационального художественного опыта, но и ознакомление «другого» с собственными культурными достижениями, т. е. полноценный культурный обмен на паритетных началах. Грузинская культура оставалась культурой принимающей, что, по мнению исследователя, характерно для культур «малых народов». Дальнейшего рассмотрения требует общий вывод И. Модебадзе о том, что данная тенденция все еще сохраняется в настоящее время, так как она касается и глубинных механизмов развития общечеловеческой культуры. Таким образом, проблема «общего культурного поля», заявленная исследователем, остается дискуссионной, указывает на приоритет культуры в решении целого ряда научных проблем.

Именно культурный диалог является мостом, соединяющим национальные культуры. На этом пути необходимо избегать перегибов. В разное время и с разной степенью активности критика выступала в качестве «регулятора историко-литературного процес-

са», выразителя «менталитета своей культуры» (Е. Добренко), занимая тем самым культуртрегерскую позицию по отношению к национальным культурам. Необходимо учитывать, что изображаемая (рассматриваемая) авторами инонациональная культура формировалась в специфических геополитических, исторических условиях, имела свой язык и свои культурные коды, которые далеко не всегда совпадали с картиной мира носителя культуры автора, который ее исследовал. Интегрированный подход к анализу культурного поля в таком понимании остается темой многочисленных дискуссий и не имеет общих подходов исследования у славистов, кавказоведов, востоковедов.

Многие современные культурологические исследования отличаются от взглядов, традиционных для русскоязычного и классических западноевропейских исследований. Русская литература, культура, давшая миру великие образцы, роль и значение которых неоспоримы, по традиции продолжает осознавать свою культуртрегерскую миссию по отношению к литературам постсоветского пространства. Такой подход связан с традиционно существовавшей концепцией общенациональной идентичности литературы.

Сегодня на всех уровнях государственной системы в Российской Федерации ставится вопрос о необходимости формирования новой концепции идентичности русской культуры. Теоретики (В. Говорухина, А. Радугин) вынуждены констатировать, что современная русская культура вынуждена «догонять» Запад. Для литературы характерно налаживание традиционного и нового поиска идентичности, попытка определить вектор отношений: от «русского варианта» до полного отрицания чужих моделей. Единое культурное поле русской культуры существует, но в нем еще много противоречий. Основной теоретической платформой конференции является полицентризм как принцип устойчивого роста региональных интересов в мире.

Изменение научной парадигмы рубежа XX—XXI веков представлено во многих статьях, отмеченных пересмотром традиционно сложившихся теоретических определений культурного диалога. В работах демонстрируется новый тип национального самовыражения (русского, белорусского, грузинского, украинского и др.), а предоставленная научная платформа сборника отмечена плюрализмом подходов и мнений. Отметим, что до настоящего времени литература и культура диаспор, несмотря на несомненный интерес исследователей, все еще мало изучена. Особую трудность в ее решении составляет определение понятия «двойная интеграция», которая чревата потерей национальности. Данной проблеме посвящены работы: С. Кулявичюса, Н. Морозовой, И. Набока, Н. Сидоренко и др. Разные подходы авторов показывают, что эта проблема все еще остается наиболее дискуссионной. Проблема инонациональности писателя и отражения в его литературе и культуре национальной и инонациональной культуры возникла сразу же после распада СССР. Одним из первых в уточнении этого сложного понятия явилось исследование Э. Лефтера («Оппозиция культурных ценностей в современном литературном процессе Молдовы», 1997). Спорной и малоисследованной эта проблема остается и сегодня.

Систематизацию теоретических подходов к комплексному пониманию иноязычного писателя в рамках национальной литературы на примере русскоязычных писателей Грузии предложила в своей статье Т. Мегрелишвили. Теоретический и исторический экскурс дает объективное представление о состоянии исследования данной проблемы. Т. Мегрелишвили предпринимает комплексный подход определения данного феномена, опирается на традиционные и новейшие методы исследования ментальности, культурологии, неомифологии, рецептивных теорий авторской субъективности и т. д. Научно обоснован вывод исследователя, считающего, что русскоязычная проза Грузии переживает процессы, характерные для текущей стадии развития парадигмы

постмодерности. Авторская концепция национального отражает суть формирования нового сознания, тяготеющего к осознанию параметров динамично развивающегося мира и попыткам обретения собственного лица в стремительно глобализирующейся реальности. Дальнейшее изучение творчества русскоязычных авторов Грузии может быть связано с исследованием представлений о национальном в связи с творческой продукцией других русскоязычных литератур, через жанровые стратегии в произведениях писателей и интертекстуальные связи между ними. Этот вывод тем более значителен, так как существуют и другие взгляды на данную проблему, согласно которым формируется писатель.

Конечно, несмотря на большое количество работ и подходов за пределами научного интереса остаются целые пласты дискуссионных проблем, которые, думается, будут рассмотрены в дальнейшем. В рассуждениях о русской и русскоязычной литературе и культуре необходимо учесть и тот факт, что русскую литературу 1950—1990-х годов XX века нельзя считать «непосредственно национальным продуктом» (В. Шульженко), ее активно создавали на русском языке абхазы, грузины, армяне, азербайджанцы, осетины, аварцы, белорусы, литовцы, казахи, украинцы. Отнесение тех или иных текстов русскоязычных авторов к той или иной литературе сегодня обсуждается с разным накалом дискуссии. Но предмет рассмотрения и требует конструктивного обсуждения.

Разработка отмеченных вопросов с учетом тенденций современных международных научных связей и открытий последних лет находится не только лишь в сфере интересов культурологии, но и располагается «на стыке» смежных гуманитарных дисциплин: общего языкознания и лингвистики, психологии, психолингвистики, литературоведения, этнографии, искусствоведения, компаративистики и т. д.

Общая тональность работ конференции, представленных в сборнике, направлена на поиск межкультурного диалога в разных научных и культурных сферах, на дискуссионность, на поиск путей преодоления межкультурных проблем. Эта эмоциональная «окрашенность» является несомненной заслугой текстов всех участников конференции и авторов сборника.

Кроме общечеловеческого, культурологического «пафоса» сборника имеет смысл отметить научный, «академический», как принято говорить, аспект данного издания. Обе части сборника логично «разведены», демонстрируя, однако, целостность общего контекста. В большинстве статей (что отрадно — даже магистрантов и аспирантов, которые во всем мире являются тем ***новым***, которое, возможно, подтолкнет научную мысль далее) можно наблюдать реальные ***исследования***, а не просто гуманитарный «разговор». Причем, как отмечалось ранее, — в разных областях гуманитарного знания.

Рекомендуем прочесть сборник всем, кто интересуется культурой. А таковыми, наверное, являются все люди, которые умеют, как минимум, читать, писать и слушать.

Ираида КРОТЕНКО

С точки зрения рецензента

Стратегия доверия

2017 год — год 25-летия установления дипломатических отношений между Республикой Беларусь и Китайской Народной Республикой. История, согласитесь, пишется на наших глазах!.. За четверть века между нашими странами сложились поистине уникальные отношения, которые сегодня, вероятно, с точки зрения теории и практики дипломатии требуют пристального изучения не только в Беларуси или в Китае, но и — изучения для международной дипломатии вообще. Далекие по расстоянию страны, разные по своим экономическим и другим потенциалам, совсем отличные по менталитету народов, проживающих на их территории… И такой яркий пример партнерства — пример обоюдного тяготения друг к другу. Безусловно, дипломатия выстраивается там, где есть интересы. Это характеризует и белорусско-китайские отношения. Но в партнерстве, дружбе наших государств интересы носят искренний, дружеский характер.

Об этом — и многоплановая книга «Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов», увидевшая свет в Издательском доме «Звязда» (Белорусско-китайские отношения в воспоминаниях белорусских послов: к 25-летию установления дипломатических отношений / сост. Анатолий Тозик; под общ. ред. А. А. Тозика. — Минск: Звязда, 2017. — 216 с.)

Составитель — кандидат исторических наук, директор Республиканского института китаеведения имени Конфуция Белорусского государственного университета Анатолий Афанасьевич Тозик. Стоит заметить, что книга во многом состоялась благодаря именно его настойчивости и целеустремленности. Ученый и политик с богатейшим управленческим опытом сумел объединить своих коллег в достижении одной главной цели — показать существо, характер белорусско-китайской дружбы.

«Отношения между Беларусью и Китаем закономерно приобрели статус доверительного всестороннего стратегического партнерства и взаимовыгодного сотрудничества, — говорит в пре-

дисловии к книге министр иностранных дел Республики Беларусь Владимир Макей. — Ведь мы по праву стали стратегическими партнерами не только в политике, но и выходим на такой же высокий уровень отношений в экономической сфере. Со времени установления дипломатических отношений товарооборот между странами вырос более чем в сто раз. Год от года крепнут культурные и межрегиональные связи. Многочисленные совместные проекты реализуются в сферах обороны, безопасности, финансов, транспорта.

Несомненная заслуга в этом принадлежит нескольким поколениям белорусских дипломатов, в первую очередь, руководителям дипломатической миссии, нашим послам, которые шаг за шагом пробуждали интерес к Беларуси, формируя позитивный имидж нашей страны в Китае, налаживали связи.

Предлагаемая читателю книга позволяет «заглянуть за кулисы» белорусско-китайских отношений в последние 25 лет. Авторы издания являются не просто «летописцами», а ключевыми фигурами в истории двустороннего сотрудничества, которые делятся своим взглядом «изнутри», личными впечатлениями и оценками».

Под одной обложкой собраны воспоминания Михаила Александровича Шалимо (работал в Китае в 1992—1995 гг.), Вячеслава Николаевича Кузнецова (1995—2000), Владимира Васильевича Русакевича (2000—2003), Анатолия Дмитриевича Харлапа (2004 — 2006), Анатолия Афанасьевича Тозика (2006—2011), Виктора Павловича Бури (2011—2016) и «не воспоминания» (так охарактеризовал свои записки сам автор) Кирилла Валентиновича Рудого (он приступил к работе в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла Республики Беларусь в КНР сравнительно недавно — в июле 2016 года; хотя еще в 2007—2012 гг. был советником Посольства Республики Беларусь в КНР по торгово-экономическим и кредитно-инвестиционным вопросам — так что и у него достаточно богатый «китайский» опыт). Каждый из авторов книги — известный в белорусской политике персонаж. Дипломатическая работа в Китае — только часть их биографии. У каждого за плечами — богатый управленческий, административный, государственный, политический опыт.

Читаются повествования прежних и нынешнего послов Беларуси в Китае с большим интересом. Буквально каждая страница — кладезь информации, хорошая подсказка к раскрытию темы контактов наших государств в самых разных областях. Безусловно, и Республика Беларусь, и соответственно послы в двусторонних отношениях, организации условий для продвижения белорусских товаров в Поднебесную начинали с малого. Но постепенно масштабы стали расти. Основой, фундаментом для этого прогрессивного движения являлись и продолжают являться устремления Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко в определении китайского вектора как одного из основных во внешнеполитической деятельности нашей страны. Поэтому в каждом очерке-воспоминании белорусских послов большое место отводится раскрытию темы визитов нашего Президента в Китай. Вот что пишет, в частности, Вячеслав Кузнецов: «…27—28 апреля 1997 года состоялся второй визит в Китай Президента Республики Беларусь А. Г. Лукашенко. В Пекине он провел переговоры с Председателем КНР Цзян Цзэминем…» И далее: «Следует отметить, что установившийся особый уровень личных отношений между руководителями двух стран, высокая степень доверительности и открытости их общения оказали определяющее влияние на развитие белорусско-китайских отношений. В ходе визита Президент Беларуси посетил существующую уже к тому времени более семнадцати лет и имеющую высокий уровень развития специальную экономическую зону «Шэньчжэнь». На встрече с руководством города, а также в компании «Хуавэй» речь шла об инвестициях в экономику Беларуси, тесном деловом сотрудничестве, совместных проек-

тах…». В то же время начала набирать обороты деятельность межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. В марте 1995 года было проведено ее первое заседание. В апреле 1997 года в Пекине прошло второе, а в августе 1998 года в Минске — третье ее заседание. Апрель 1997 года — и время проведения первой торгово-промышленной выставки Беларуси в Китае. Белорусская национальная экспозиция была представлена на площади около 500 кв. метров. Свою продукцию выставили 44 предприятия различных отраслей и форм собственности. Постепенно определились приоритеты белорусского экспорта в Китай.

Вот что вспоминает Владимир Русакевич: «…Во время встречи в Минске руководители обоих государств выразили свою уверенность в том, что в ближайшие годы объем двустороннего товарооборота должен быть доведен до 500 миллионов долларов США. Задача, прямо скажу, ставилась сложная, но уже итоги 2002 года показали, что мы ее осилим. Объем белорусско-китайской торговли в 2002 году достиг рекордной за все время развития двусторонних отношений цифры — 263,9 миллиона долларов США (это 47,5 процента общего объема товарооборота Беларуси со странами Азиатско-Тихоокеанского региона), увеличившись по сравнению с 2001 годом на 79,5 миллиона долларов. Сохранилась также тенденция превышения белорусского экспорта над импортом: если в 2001 году объем белорусского экспорта в КНР составил 143,05 миллиона долларов, то в 2002 году он вырос до 217,4 миллиона долларов, при этом если в 2001 году положительное сальдо в двусторонней торговле равнялось 101,7 миллиона долларов, то в 2002 году оно выросло до 170,9 миллиона долларов США. Главной статьей белорусского экспорта оставались калийные удобрения. Их удельный вес в общем объеме белорусского экспорта в КНР составлял без малого три четверти. Правительство Беларуси, министерство иностранных дел, руководители предприятий, с которыми мы активно работали, приложили немало усилий для того, чтобы диверсифицировать белорусский экспорт в КНР. И в определенной степени эту задачу удалось решить — номенклатура белорусского экспорта существенно расширилась. Нас очень порадовал 2002 год и тем, что из 62 основных наименований белорусских товаров, поставленных в Китай, более 40 процентов появились в нем впервые. Среди новых экспортных товаров оказались полуфабрикаты из углеродистой стали, пустотелые трубы и профили из черных металлов, части к принимающей и передающей аппаратуре, топографические и навигационные приборы и инструменты».

Большое внимание дипломаты в своих воспоминаниях уделяют теме сотрудничества в гуманитарной сфере. Контакты в области культуры между Беларусью и Китаем имеют давнюю историю. Достаточно вспомнить ряд интересных фактов из далекого исторического прошлого. К примеру, еще в начале двадцатого века (кстати, благодаря известному российскому китаеведу В. Алексееву) первые переводы из китайской литературы на белорусский язык появились в газете «Наша ніва». В 1950—1960-е гг. целая серия книг китайских авторов была издана в Минске на белорусском языке. Среди переводчиков были ведущие белорусские прозаики и поэты — Янка Брыль, Микола Татур, Сергей Михальчук, Василь Витка, Лидия Арабей и др. В Пекине в переводе на китайский отдельными изданиями вышли романы, повести, пьесы, стихотворения Петруся Бровки, Ивана Шамякина, Василя Быкова, Янки Мавра, Кондрата Крапивы, Максима Танка, Аркадия Кулешова, Алеся Адамовича, Светланы Алексиевич и др. В Китае преподавателем работал известный белорусский скульптор Сергей Селиханов. Об этом он рассказал в своей небольшой книге.

В апреле 2001 года в Китае состоялись Дни белорусской культуры. Проходили они в рамках визита в КНР Президента Беларуси А. Г. Лукашенко. В разных городах Поднебесной выступили ансамбли «Классик-авангард» и

«Камерата» Белорусской государственной филармонии. В рамках Дней прошла и выставка известных белорусских художников, на которой были представлены работы Г. Ващенко, Л. Щемелева, В. Товстика, А. Барановского, Л. Дударенко, В. Шкарубо. А в сентябре 2001 года вследствие подписания межведомственного протокола о сотрудничестве между министерствами культуры наших стран в Минске прошли гастроли Нинсянской цирковой труппы из Нинся-Хуэйского автономного района. На следующий год в Китае с триумфом состоялись гастроли труппы Национального академического Большого театра оперы и балета Республики Беларусь под руководством народного артиста СССР В. Елизарьева. И примеров такого рода не счесть.

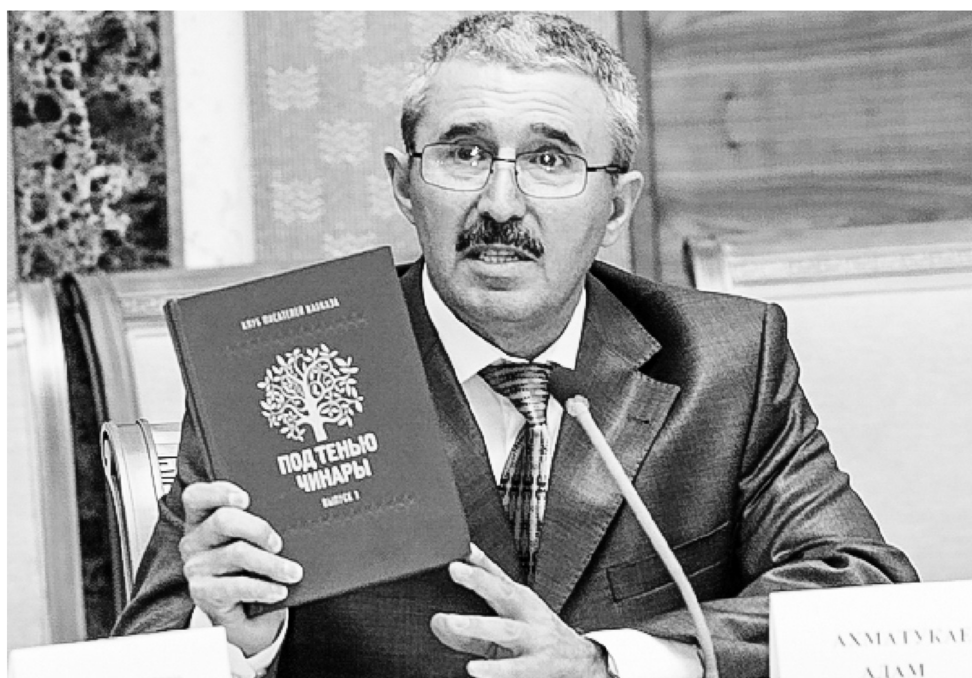
Атмосфера дружбы, партнерства базируется во многом на отношениях простых, рядовых граждан Беларуси и Китая. Не случайно в конце книги в очерке нынешнего руководителя белорусской дипломатической миссии в Китае доктора экономических наук Кирилла Рудого одной из иллюстраций к насыщенному фактами и размышлениями материалу служит фотография белорусско-китайской семьи. Кстати, хотелось бы в конце разговора о замечательном сборнике публицистики дипломатов, объединенных любовью к Китаю, привести слова именно Кирилла Валентиновича: «…даже учитывая внутренние особенности обеих стран и возможные внешние вызовы, взгляд на будущие отношения Беларуси и Китая получился весьма оптимистичным. Этому способствует, в первую очередь, уже сделанный двумя странами задел. Заряд взаимной симпатии и дружбы уже проник, начиная с глав государств, через правительства, регионы, предприятия, банки, образовательные и культурные учреждения, военные и правоохранительные органы практически к каждому гражданину двух стран. Эта дружба укоренилась и стала уже необратимой, думаю, на срок работы еще не одного белорусского Посла в Китае». И все мы тоже будем жить этими надеждами, каждодневно реализовывать их в практической плоскости, укреплять белорусско-китайские отношения.

Кирилл ЛАДУТЬКО

Литературное содружество

Чеченская литература сегодня

Адам Ахматукаев — известный чеченский поэт, переводчик. В 2016 году принимал участие в Дне белорусской письменности и в «круглом столе» белорусских и зарубежных писателей «Созвучие: слово Скорины в современном мире». Стихотворения Адама Ахматукаева переведены и на белорусский язык. Переводчики — Микола Метлицкий, Юлия Алейченко, Яна Явич. Публикации состоялись в журналах «Полымя», «Маладосць», газете «Літаратура і мастацтва». Чеченский поэт перевел на свой родной язык стихотворения Франциска Скорины, Максима Богдановича, Максима Танка, Пимена Панченко, Миколы Купреева, Марии Кобец. Разговор наш с Адамом Ахматукаевым — не только о чеченской литературе, но и в целом о современном литературном процессе.

— *Чеченская литература сегодня... Как бы вы кратко охарактеризовали ее состояние? Какой отрезок времени, истории она переживает?*

— Если точкой отсчета понятия «сегодняшняя, современная» применительно к литературе считать рубеж XX—XXI веков, как этого придерживаются многие литературоведы, то о чеченской литературе надо говорить, учитывая, что в этот период она оказалась разделенной, условно говоря, на отечественную и зарубежную, как это случилось с русской литературой после революционных потрясений в России в начале прошлого столетия. В силу разных причин, порожденных, в основном, прошедшими на нашей земле войнами,

некоторые собратья по перу оказались физически оторванными от Отчизны, от корней. Несмотря на то, что на исторической родине они публикуются не так часто, как мы, «домашние», они и их творчество — неотъемлемая составляющая чеченской национальной литературы.

Хотя зарубежная чеченская литература еще не сформировалась в отдельный пласт, нерядовым событием является для национальной литературы то, что зарубежный чеченский писатель интересен и для российского «толстого» журнала. И он, журнал, ищет его, писателя, и публикует его произведения. Зарубежные чеченские писатели издают на иностранном языке книги и становятся членами писательского союза страны этого языка. Важно, что они исследуют родную литературу и там защищают ученую степень. Зарубежные чеченские писатели и в «домашней» прессе порой поднимают проблемы, до которых у нас руки не доходят. Конечно, это тема отдельного разговора, скорее всего, отдельной статьи. Учитывая это и формат нашего общения, я специально не называю имена.

Чеченские писатели понимают ответственность перед национальной литературой, перед народом, о котором будут судить в том числе и по образам, характерам и типам создаваемых ими персонажей. Я имею в виду настоящих писателей, которые болеют душой и творят в соответствии с предназначением литературы, а не графоманствующих сочинителей, от которых, к сожалению, не застрахована и наша литература.

В своем творчестве чеченские писатели освоили, можно сказать, все жанры. Но в последнее время со страниц литературно-художественных изданий исчезли пародии, басни и им подобные «легкие» произведения, как и фельетон — с газетных площадей. Чеченских писателей волнуют более серьезные вопросы, на которые они ищут ответ не только в художественных произведениях, но и в оперативном жанре — публицистике. Это — осмысление трагедии, которую пережил наш народ за время двух войн; стремление через создаваемые произведения сузить и устранить грань непонимания, которая возникла между нами и внешним миром; стремление сблизить национальные литературы и — через них — народы.

Произведения чеченских писателей сегодня выходят и отдельными книгами, и в периодической печати — как дома, так и за пределами страны. Но я не стал бы этот факт тесно увязывать с достижениями литературы, так как частота публикаций и тиражи — это, как правило, показатель издательских возможностей, а вот творческих способностей — не всегда.

В математическом анализе есть понятие точек экстремума. По отношению к литературе их можно назвать точками подъема и упадка. В истории чеченской литературы были периоды подъема. Были и времена застоя, в которых она оказывалась по независящим от писателей обстоятельствам, вследствие не располагающих к творчеству трагических условий, которые не раз нависали над целым народом. Но пройдя испытания вместе с народом, литература возрождалась и шла к новым вершинам. Оглядываясь на то, что пережил чеченский народ на рубеже тысячелетий, о сегодняшней чеченской литературе можно уверенно сказать, что она вышла из состояния стагнации и под попутным ветром надежд поступательно движется вперед, осваивая новые литературные пространства. Главное, что направление ее движения — не назад и не в сторону, а вперед. Что касается отрезка времени, который охватывает чеченская литература, то она, как и другие национальные литературы, начинается с устного народного творчества.

— Вы много времени отдаете художественному переводу. Что вами движет — желание обогатить свою национальную поэзию или же вы просто путешествуете по другим художественным мирам?

— И то и другое. Я погружаюсь в мир поэзии другого автора, другой литературы, другой культуры. Как и путешествие в пространстве, этот мир

тоже и приятен, и духовно обогащает. Приступая к переводу понравившихся стихов, прежде всего я осознаю, что и в переведенном варианте они должны иметь особенности именно художественного произведения. Этого нельзя достичь, если переводчик сам не поэт (не приемлю к этому слову эпитеты плохой—хороший). Это тоже заставляет «держать планку». Работа над переводом связана с частым обращением к словарю, а это — постоянное обновление, пополнение лексического запаса; возобновление в памяти всего того, что делает речь богатой, красочной, выразительной: понятий, устойчивых выражений, пословиц, поговорок, которые знал и успел подзабыть из-за долгого их неиспользования, изъятия из обихода. Я повторяю свой язык, примеряю его возможности, радуюсь, когда удается перевести длинные замысловатые выражения другой структуры, в возможности перевода которых чуть раньше сомневался. Это и творческий поиск идентичного, когда в моем языке нет прямого эквивалента переводимого. Когда получается удачный перевод, конечно же, это и взнос в сокровищницу национальной поэзии: кто бы ни был автором оригинала, на моем же языке создано творение! И это значит, что язык мой жив!

— Наверное, и в Чечне, и в Беларуси в одинаковой степени не хватает настоящей литературно-художественной критики. Как прийти к тому, чтобы и критический сектор художественной работы стал действенным помощником в становлении национальной поэзии, прозы?

— Видимо, это общая проблема. К сожалению, многие писатели очень уязвимы и болезненно реагируют на слово «критика», если оно действительно критическое. А в такой республике, как наша, где всех писателей можно созвать с утра и собрать до полудня, где почти все друг друга знают, где многие связаны если не дружескими, то какими-то иными узами, интересами, трудно пишется объективная литературно-критическая статья, а комплиментарные — не всегда на пользу делу. Поэтому и дефицит на литературную критику, особенно на критику поэзии. Как признаются отдельные критики литературы, писать о поэзии невыгодно (!), ибо исследование поэзии — это трудоемкая работа: чтобы написать небольшую статью, надо «перелопатить» много текстов, разбираться в художественных тропах, знать терминологию и т. д. Короче, КПД от такой работы невелик, и объем для сборника не скоро соберешь.

Поэтому не тревожимые критиками стихотворцы чувствуют себя вольготно, выдавая перлы за поэзию. Недавно стал свидетелем публичных откровений одного хорошего парня (который — не профессия!). Он, дескать, сравнительно недавно начал писать стихи. Увидев, что получается, собрал написанное «в кучу», показал одному известному поэту (назвал имя), но тот их не одобрил, не узрев в них поэзии. А парень, несмотря на «палки в колеса», понимаете ли, добился «творческих успехов»: издал книгу, и для нового сборника уже готов «материал». Его стихи читал и я. Поэзии — кот наплакал. Пример, я думаю, типичный.

Или другой пример, но нетипичный. Один новоявленный «поэт» подписывает мне книгу и обещает пригласить на презентацию. Предупреждаю, что я очень скуп на похвалу и буду говорить только то, что думаю. Если не готов выслушать объективную оценку, не приглашай, говорю, даже не подозревая, на что наткнусь. А наткнулся с первой же строчки на плагиат. Прочитав две страницы, не удержался от соблазна вычислить, сколько в них «из чужого кармана». Оказалось 87,8 процента. Да-да, 88 процентов без малого. Не думайте, что ошибся в расчетах, моя первая специальность — математика. На презентацию меня, конечно, не пригласили. Но видя иногда этого «поэта» на «тусовках», почему-то неудобство испытываю я, а не он.

Такие авторы появляются, наверное, и оттого, что нормальный литературный процесс приостанавливается.

И именно таким авторам критика видится в образе злой мачехи, хотя ей более подходит образ строгой матери.

Каким бы ни было отношение к литературной критике, ясно одно: ее

отсутствие тормозит рост литературы, а наличие — благоприятствует становлению и продвижению. В идеале литературной критике следовало бы чуть-чуть опережать литературу, показывая ей дорогу. Вспомним, как много критических статей вышло из-под пера В. Г. Белинского. Конечно, были и продолжаются споры насчет объективности его трудов. Писали даже, что Белинского и цитировать невозможно, потому что он довольно часто сам себе противоречит. Но как бы то ни было, его значимость, подвижническая роль в русской литературе неоспорима.

Для национальной литературы, думающей о развитии, расцвете, достойном месте в мировой литературе, нужны Белинские, которые без оглядки назад, невзирая на лица, будут говорить и писать, как видят, как думают. Нужны обсуждения вышедших из печати произведений, споры вокруг них — спокойные, без эмоций и оскорбительных выпадов. Аргументированные литературные споры. И устные, и в печати. Споры ради истины, которая дороже всякого кумовства и прочих изъянов, мешающих здоровому литературному процессу.

— Для вас, для других поэтов Чечни важно быть представленными в иных художественных, культурных пространствах — в Беларуси, России, Украине?..

— Для меня — да. И для многих других, по-моему, тоже. Почему не скажу за всех? Потому что слышал и читал мнения некоторых на этот счет, суть которых в том, что они пишут для своего народа, и их не очень волнует, будут их переводить и читать на других языках или нет. Не осуждаю такую позицию, но и не одобряю. Мое мнение такое, что нужно использовать любые культурные, литературные пространства и площадки, которые объединяют людей, несущих добро и свет. Быть представленным за пределами своей республики, своей страны — это, в первую очередь, ответственность, потому что ты становишься визитной карточкой своей литературы, своей культуры, своего народа. По тому, какое впечатление сложится от твоего творчества в иноязычных пространствах, будут судить и о представленных тобой литературе, культуре, народе. У тебя появляются возможности духовно пополнить открывающиеся тебе пространства и самому духовно обогатиться в них. И грех не искать такие возможности.

— Как сегодня у чеченских поэтов складывается дружба с литераторами, литературами других народов Кавказа?

— В рассматриваемом периоде литературные связи между писателями Кавказа получили новое наполнение после того, как под эгидой журнала «Дружба народов» северокавказские писатели собрались обсудить свои литературные проблемы в послевоенном Грозном в 2008 году и по следам этого совещания создали Клуб писателей Кавказа. У нас «живые» контакты, к сожалению, происходят не так часто, как предполагает слово «дружба». Язык межнационального общения у кавказских народов тоже русский, поэтому мы более связаны русскоязычными публикациями. Если говорить о чеченской стороне, то мы печатаем своих друзей как на русском, так и в переводе на чеченский язык: в журналах «Орга», «Вайнах» и «Нана» имеются такие рубрики, как «Перевод», «Школа перевода», «Голоса друзей», «Кунацкая «Наны». Уже вышел и первый выпуск альманаха «Под тенью чинары» с произведениями членов Клуба писателей Кавказа. Это своего рода русскоязычная (в том числе и переводная) антология в жанре поэзии и прозы.

— Возможно ли, на ваш взгляд, сегодня объединить в одной антологии, одном сборнике поэтов как представителей всех народов Кавказа? Не будет ли в таком собрании, таком коллективном труде внутренних противоречий и отторжений?

— Теоретически такое объединение возможно. Как правило, антологию составляют один человек или небольшая группа, и обычно они определяют, по каким критериям и кто будет представлен в таком издании. Вспомним, к примеру, объемистую антологию «Строфы века», составленную Евгением Евтушенко, изданную в конце

ушедшего столетия и скоро ставшую библиографической редкостью. Для антологии поэзии народов Кавказа предпочтительней будет группа составителей, по одному представителю от каждого народа. От поэтического вкуса составителя зависит, будут противоречия с выбранной линией антологии или нет. А отторжение может вызвать разве что автор, к примеру, с «подмоченной репутацией», а художественное произведение не должно отвечать за мирские грехи своего создателя.

— И небольшой блиц-опрос: самое знаковое чеченское стихотворение?

— Почему-то сразу вспомнились не одно стихотворение, а несколько. И не сами они, а песни-илли (героические песни) на эти стихи, звучавшие во весь эфир в разные переломные моменты в истории чеченского народа. Это довоенные (1994—2000) «Даймахке сатийсар» Магомед-Салаха Гадаева, «Даймехкан косташ» Магомета Мамакаева и послевоенное стихотворение Лечи Абдулаева «Лазийний? Лазийна, хьаха…». Исключение составляет стихотворение Шайхи Арсанукаева «Ненан мотт», которому более 50 лет и которое все это время остается именно знаковым, хрестоматийным стихотворением. Кстати, и оно недавно положено на музыку.

— Наиболее читаемый чеченский писатель-классик?

— Когда наша общая страна считалась самой читающей страной, наиболее популярным у нас был исторический роман на чеченском языке «Долгие ночи» народного писателя Абузара Айдамирова. Несмотря на это, сам прижизненный классик долгое время оставался в опале, его произведения не только изымались из школьной программы, но и вырезались ножницами из учебных хрестоматий. Сказать о предпочтениях сегодняшнего читателя сложно, потому что из читающих мы превратились в пишущих.

— Кого из русских классиков вы бы посоветовали обязательно прочесть каждому чеченцу — на русском? А в переводе на чеченский?

— Когда разные национальные культуры сосуществуют в общем пространстве, неизбежно происходит взаимодействие и взаимное влияние этих культур друг на друга. В литературе как главной составляющей культуры содержатся, как правило, общечеловеческие духовные ценности, а в классической литературе сосредоточен сгусток этих ценностей, к которым желательно периодически возвращаться. Поэтому в современных условиях я бы посоветовал своим ровесникам перечитать, а молодым обязательно прочитать кавказские произведения Л. Н. Толстого, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, а также прозу Н. В. Гоголя и А. П. Чехова.

Из переведенных на чеченский язык русских классиков легче будет достать издания последних лет, к примеру, сборник избранных произведений М. Ю. Лермонтова «Хаьржинарш», выпущенный Союзом писателей Чеченской Республики в 2014 году к 200-летнему юбилею поэта. Рекомендую также недавно опубликованную поэму Лермонтова «Мцыри» в моем переводе на чеченский язык.

— Чтобы белорусу понять Чечню и чеченский народ, какую книгу вы бы посоветовали прочитать?

— Трудно остановиться на одной конкретной книге, где это все было бы компактно размещено. И, пожалуй, я назову коллективный сборник, содержащий документы и исследования многих авторов. Это сборник «Чеченцы в истории, политике, науке и культуре России», выпущенный в московском издательстве «Наука» в 2008 году. Для белоруса этот объемистый сборник будет интересен еще тем, что в нем есть и «Список участников обороны Брестской крепости и прилегающего к ней района, призванных из Чечено-Ингушской АССР». Список этот — из книги Халида Ошаева «Брест — орешек огненный». Кстати, первое издание этой книги я передал в сентябре прошлого года в фонд Национальной библиотеки Беларуси, где проходил Международный «круглый стол» «Созвучие: слово Скорины в современном мире». Посоветовать белорусу книгу для прочтения и не обеспечить его ею было бы неверно. Так что, книга — за мной.

Беседовал Алесь КАРЛЮКЕВИЧ.

Литературное содружество

Россия и Беларусь: наследие Джамбула

Многогранное творческое наследие Джамбула Джабаева, уникальный импровизаторский дар акына, истоки его поэзии по-новому переосмысливаются в трудах академика НАН РК, лауреата Государственной премии Республики Казахстан С. С. Кирабаева, академика НАН РК, лауреата межгосударственной премии «Звезды Содружества» С. А. Каскабасова, директора Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова КН МОН РК, члена-корреспондента НАН РК У. К. Калижанова.

Непревзойденным мастером айтыса — поэтического состязания акынов называет великого Джамбула С. А. Каскабасов: «Именно в айтысе наиболее ярко проявился его великий поэтический талант. Он показал себя истинным художником слова, обладающим художественным мышлением, сочным языком и всеми качествами, необходимыми для победы в большом поэтическом марафоне… Он ввел в айтыс абсолютно новые идеи и темы, непривычные подходы и оригинальные аргументы. И этим значительно обогатил и обновил жанр айтыса».

Однотомник произведений Джамбула под редакцией С. А. Каскабасова издан к юбилею поэта в 1996 году. В вышедшей в Москве монографии о фольклоре и духовной культуре Казахстана «Золотая жила» в разделе «Устная авторская литература XX века и Джамбул» С. А. Каскабасов резюмирует: «…Джамбул, будучи представителем устной поэзии, вышел за ее рамки, расширил ее изобразительные возможности, раздвинул ее границы. Как истый профессиональный поэт он сложил стихи о природе и временах года, о поэзии и искусстве, о поэтах, музыкантах и артистах…».

Проходит время… И великих могут оценить только великие. Джамбула признавал М. О. Ауэзов: «Джамбул — это особое явление, не похожий на других талант с хваткой мыслью и яркой индивидуальностью. В нем сочетаются крупный эпический поэт и мастер айтыса с призванием поэта высокого гражданского звучания». Пред ним «преклоняли голову и почитали С. Сейфуллин, С. Муканов, Г. Мусрепов, посылал ему приветствия Р. Роллан. Его богатое творческое наследие — это национальное достояние. И как не повернуть назад колесо истории, так и в будущем будет жить неповторимая поэзия Джамбула, ставшая национальным брендом независимого Казахстана».

Особенности импровизаторского и поэтического дара Джамбула Джабаева, насыщенность его произведений современным содержанием, острая социальная направленность и глубина правдивых, реалистических образов, обаяние личности раскрыты и обобщены в книге У. Калижанова «Жамбыл» серии «Ұлы дала тұлғалары», изданной по программе «Ғылыми қазына». Убедительно показано, как ученик акына Суюнбая, переживший несколько исторических эпох, продолжил и развил далее эпические традиции казахского народа и традиции айтыса, как трансформировался стиль, менялась тематика его произведений. Сила таланта и поэтического обаяния покоряла читателей всего мира. Издание представляет особую ценность введением в научный оборот редких архивных материалов, неопубликованных ранее; новых сведений о жизни и творчестве поэта на основе обобщения крупных научных трудов в области джамбуловедения.

В Москве, в издательстве «Художественная литература» увидела свет книга ректора Евразийского университета им. Л. Н. Гумилева доктора исторических наук Е. Сыдыкова

«Жамбыл: биографическое повествование» (Сыдыков Е. Б. Жамбыл: биографическое повествование. — М.: Художественная литература, 2015. — 368 с.). Книга открывается Предисловием Главы Государства Н. А. Назарбаева, подчеркивающим особую ценность труда, посвященного 70-летию победы в Великой Отечественной войне и 170-летию выдающегося акына Джамбула Джабаева. Это наиболее полное описание жизни и творчества акына в контексте связей казахской литературы с литературами бывшего СССР.

В рамках проводимой Советом Межпарламентской ассамблеи государств— участников Содружества независимых государств международной конференции «Актуальные проблемы мира и стабильности Евразии» презентация издания состоялась в Таврическом дворце и на факультете востоковедения Санкт-Петербургского государственного университета. Санкт-Петербург неслучайно стал городом презентации новой книги. В поэзии Джамбула военных лет «основное место, естественно, заняла тема защиты родины и дружбы народов. Все четыре года он неустанно создавал произведения о воинах, о гвардейцах, о Москве, Ленинграде. Весь мир облетела его песня «Ленинградцы, дети мои!». Многие из этих творений Джамбула — настоящие шедевры патриотической поэзии. Это вполне закономерно, если учесть, что Джамбул вобрал в себя всю многовековую устную поэзию, где доминантой была воинская и повстанческая доблесть» (С. Каскабасов).

Российские фольклористы Х. Г. Короглы, В. М. Гацак, А. И. Алиева и многие другие восхищались и восхищаются уникальным даром Джамбула, всесторонне осмысливая и оценивая его вклад в литературу и культуру. Выступая на юбилейной сессии Министерства науки — Академии наук РК, посвященной 150-летию со дня рождения Джамбула Джабаева, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом фольклора Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН В. М. Гацак в докладе «Творчество Джамбула в свете современной фольклористики» говорил об акыне как эпическом певце, хранителе очага и великом представителе фольклорной вербально-песенной традиции. Тексты Джамбула не могли быть бесстрастными, автор их окрашивал интонационно.

Образцы подлинно научного подхода к изучению текстов Джамбула содержатся в трудах М. О. Ауэзова, Н. С. Смирновой, О. О. Нурмагамбетовой, С. А. Каскабасова. Джамбул назвал своего учителя Суюнбая «быстрокрылым тулпаром песен». Эти слова, по мнению В. М. Гацака, с полным правом можно отнести к самому Джамбулу.

На карте Санкт-Петербурга появился переулок Джамбула (бывший Лештуков переулок), где установлен памятник казахскому акыну. Переулок Джамбула есть в Липецке, улицы Джамбула — в Нижнем Новгороде, Новосибирске, Иркутске, Хабаровске. Есть улица Джамбула в Киеве и Ужгороде. Памятник великому казахскому акыну установят в столице Сербии — Белграде.

В Астраханской областной филармонии в феврале прошлого года состоялось торжественное мероприятие, посвященное 170-летию Джамбула Джабаева, стоящего в первом ряду гигантов устного поэтического творчества, передает «Казинформ». Организатором вечера выступило Астраханское общество казахской культуры «Жолдастык». Среди многочисленных гостей — руководители казахских этнокультурных объединений России из Волгограда, Калмыкии, Саратова и Тюмени, консул Республики Казахстан в Астрахани А. Сыздыков, члены общества «Жолдастык», представители органов государственной власти, астраханских вузов, национально-культурных обществ. Праздничную программу открыл ансамбль казахского танца «Акмарал», участники которого исполнили композицию «Алатау» по одноименному произведению Джамбула Джабаева.

Председатель Астраханского регионального отделения Союза писателей России, собственный корреспондент «Литературной газеты» по Астраханской области и Республике Калмыкия, поэт, переводчик, лауреат Первого Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак торна», автор поэтического сборника «Степное

братство» и многих других Юрий Щербаков прочитал знаменитое стихотворение «Ленинградцы, дети мои!» и представил свои новые переводы произведений Джамбула Джабаева.

К Пушкину и Шевченко чаще всего обращается казахский акын. В «Песне о жизни»:

Едет Тарас на верблюжьей спине,
Замкнуты губы — певец не поет;
Он видит истерзанный рабством народ…
Песня в душе глубоко залегла…

Перевод П. Кузнецова

Стихотворение «Тарас» Джамбула Джабаева начинается с обращения к Украине:

Слушал я звонкий запев соловьиный,
Слушал я песни твои, Украина.
В степи летели они по утрам,
Плыли, как лебеди, по водам Днепра.
. . . .

В произведении звучат мотивы расставания с Родиной («С Родиной милой тебя разлучило…»). Но песни заглушить невозможно. Песня Тараса «бушует, как горный прибой неумолкающего океана», звуча не только на Украине, но и в казахских степях:

В степи казахов, в неведомы дали
Песню твою под штыками пригнали,
Светлую песню твою, Украина,
Смелую песню любимого сына.

Джамбул называет Тараса Шевченко братом, потому что в их песнях — правда великая и путь — один:

Шел я с тобой. Мы друг друга узнали,
Шли мы, два брата, и молча слагали
Песню свою на родных языках;
Ветры несли эту песню в песках.

В 1939 году на белорусском языке были изданы «Песни и поэмы» Дж. Джабаева. Ему посвящали свои произведения народный поэт Беларуси, академик АН БССР, вице-президент АН БССР Якуб Колас (Константин Мицкевич) и народный поэт Беларуси, академик АН БССР, драматург, публицист Янка Купала (Иван Луцевич). Якуб Колас проезжал Казахстан в годы Великой Отечественной войны, когда направлялся в эвакуацию в Ташкент. Через казахскую степь возвращался поэт на родину. Он и раньше знал о богатой культуре казахского народа. «Тесные связи мастеров художественного слова породнили белорусов с казахами. Со многими писателями братского Казахстана был знаком и Якуб Колас, с некоторыми поддерживал дружеские отношения», — пишет А. Трофимчик. Поэма «Сымон-музыка» Я. Коласа и многие его стихотворения переведены на казахский язык. Некоторые переводные издания его произведений хранятся в фондах Государственного литературно-мемориального музея Якуба Коласа.

В рамках заключенного Соглашения о сотрудничестве между Институтом литературы и искусства им. М. О. Ауэзова КН МОН РК и Государственным литературно-мемориальным музеем Якуба Коласа (г. Минск) предусматриваются обмен выставками; участие научных сотрудников в научных конференциях и семинарах; организация и проведение совместных встреч, конференций, семинаров, «круглых столов»; обмен делегациями; совместные публикации, проекты и программы. Запланировано предоставление научным сотрудникам практической помощи в работе с архивными фондовыми материалами в Беларуси и Казахстане.

В год 130-летия со дня рождения Я. Коласа в Минске, в Государственном литературно-мемориальном музее народного поэта Беларуси прошел казахско-белорусский вечер «Дали казахи мне имя Джамбул», посвященный 165-летию со дня рождения казахского поэта-акына. Я. Колас в 1938 году посвятил ему поэтическое послание по случаю 75-летия его литературной деятельности:

Ад снежных вяршалін Каўказа, Паміра,
Як гордасць шчаслівых аулаў,
Грыміць мнагаструнная звонкая ліра,
Сімфонія песень Джамбула…

В музее Я. Коласа, с экспонатами которого одного из авторов данной статьи познакомила в феврале этого года его очаровательный директор З. Н. Комаровская, хранится и письмо Я. Коласа известному русскому поэту и переводчику С. Городецкому, в котором «поэт дает высокую оценку переводу своего стихотворения «Джамбулу» на русский язык, и поздравительный адрес

от Союза писателей Казахстана в связи с 70-летием со дня рождения белорусского поэта».

В Минске на портале Издательского дома «Звязда» (zviazda.by), учредителем которого является ежедневная белорусская правительственная и парламентская газета «Звязда», функционирует Интернет-проект «Созвучие. Литература и публицистика стран Содружества (http://sozvuchie.zviazda.by). В 2013 году в ИД «Звязда» при поддержке Министерства информации Республики Беларусь издана серия книг «Созвучие сердец», в которой опубликованы произведения классиков и современных авторов Азербайджана, Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, Молдовы, России, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана, Украины. Серия отмечена Премией СНГ «Звезды Содружества».

Главными задачами проекта обозначены: восстановление и сплочение утраченных литературных и творческих связей между нашими странами, популяризация современной и классической литератур, культурной жизни стран СНГ. Ряд интернет-страниц «Созвучия» посвящен классикам национальных литератур.

«Некоторые статьи размещены на национальных языках — азербайджанском, армянском, украинском, казахском и т. д. Основой постоянно обновляющегося контента служат материалы, присланные корреспондентами, экспертами, самими писателями и публицистами из разных государств Содружества. В реализации проекта помогают партнеры в Литве, Латвии, Эстонии, Грузии, русскоязычные организации стран дальнего зарубежья. Sozvuchie.zviazda.by — единственный в постсоветском пространстве проект, направленный на сближение литературных и культурных отношений стран СНГ» (Сыдыков Е. Б. Джамбул: биографическое повествование. — М.: Художественная литература, 2015. — 368 с.). Новые материалы о юбилейных торжествах, посвященных 170-летию со дня рождения Джамбула Джабаева, размещены на страницах уникального интернет-проекта «Созвучие».

У председателя Минского городского отделения Союза писателей Беларуси, члена Президиума и Правления Союза писателей Союзного государства, кавалера медали Франциска Скорины за большой вклад в развитие белорусской литературы Михаила Позднякова есть знаковое стихотворение «Казахстану», краю солнечному, молодому и былинному:

Стал ты с детства и сказкой моей, и мечтой,
Дорогой и загадочно-близкий сквозь дали.
Ты пленил мое сердце надежд целиной,
Что когда-то мои свояки поднимали.

Поэта влечет «казахских степей золотое раздолье», красивая, весенняя и юная вековечная земля.

Выступая в Алматы на юбилейной сессии Министерства науки — Академии наук РК, посвященной 150-летию со дня рождения Джамбула Джабаева, народный писатель Кыргызстана Ч. Айтматов особо подчеркивал философскую сторону его наследия, отразившего «трагедию человека, любовь, его искания… Духовное наследие его уникально и своеобразно». Художник и власть. «Джамбул не мог обойти в своем творчестве эту проблему: акын и власть. Что он сделал для своего народа, как человек, вступивший в диалог с властью? Литературоведение еще не в полной мере дало ответ на этот вопрос».

О Джамбуле как о живом человеке, выдающемся представителе устной поэтической традиции казахского народа, словно продолжая поднятую Ч. Айтматовым тему, пишет и Сусанна Витт в статье «Тоталитаризм и перевод: контекст Джамбула». Она по-новому переосмысливает феномен Джамбула Джабаева, раскрывая его уникальный поэтический дар, «политическую корректность его творений, их логоцентризм».

Социальный и гражданский пафос творчества поэта, любовь к родине, дружба народов, эпическая масштабность и глубина художественного анализа Джамбула востребованы в XXI веке в эпоху духовного возрождения народа путем активного освоения духовного наследия выдающихся мыслителей и деятелей культуры прошлого.

Светлана АНАНЬЕВА,
Сергей ШИЧКО

ПЕЛЮШОНОК Юрий Анатольевич. Родился в 1957 г. в Минске. Окончил Белорусский институт физической культуры и медицинский факультет Тартуского университета. Прозаик. Автор книги «Strings For A Beatle Bass. The Beatles Generation In The USSR». Живет в Минске.

МАКАРЕВИЧ Василий Степанович. Родился в 1939 г. в д. Купленка Крупского района Минской области. Окончил факультет журналистики Белорусского государственного университета. Поэт, критик, публицист. Автор многих книг поэзии. Лауреат Литературной премии им. А. Кулешова. Живет в Минске.

КЛИМКОВИЧ Сергей Владимирович. Родился в 1972 г. в г. Борисове Минской области. Окончил Литературный институт им. М. Горького. Автор книг «Танцует осень», «Одиночество в раю», «Шаг в никуда», «Обитель Неспящих», «Забвение сердец», «Тяжелые времена», «Секрет Полины», «Прогулка к небесам» и др. Живет в Минске.

МАТЮШКО Юрий Всеволодович. Родился в 1944 г. в г. Барановичи Брестской области. Окончил Витебский медицинский институт. Поэт. Автор нескольких сборников поэзии. Живет в г. Барановичи.

ЗАХАРОВ Георгий Володарович. Родился в 1953 г. в Минске. Окончил Белорусский государственный университет (1976). В литературном творчестве главное внимание уделяет исследованию истории родного города. Автор книги о буднях работников прокуратуры 1970—1980-х гг. «Черное и белое» (2014), повести «Провинциалка» (2016), написанной по реальным историческим фактам, показывающей жизнь Минска и минчан начала XX века. Живет в Минске.

КИСЕЛЬ Елена Владимировна. Родилась в 1986 г. в Могилеве. Окончила Могилевский государственный университет, аспирантуру Белорусского государственного университета. Лауреат конкурса СПБ «Новая белорусская фантастика». Стихи и проза активно публикуются в Интернете. В «Нёмане» печатается впервые. Живет в Могилеве.

ПРИЯМВАДА Уша. Родилась в г. Канпуре, штат Уттар-Прадеш. Закончила магистратуру. Преподавала в женском колледже Леди Шри Рама в Дели. В настоящее время занимается писательской деятельностью. В произведениях особое внимание уделяет жизни городских семей 1960—1970-х гг. XX века.

ЯШПАЛ. Родился в 1903 г. в Фирозпуре, Восточный Пенджаб. Начальное образование получил в местной школе, высшее — в Лахоре (Пенджабский национальный колледж). В студенческие годы занимался революционной деятельностью, принимал участие в освободительном движении. Автор романов «Товарищ Дада» (1941), «Дивья» (1945, русский перевод 1959), «Товарищ по партии» (1946), «Лики людские» (1949), «Амита» (1956). Умер в 1976 г.

УДАС Нареш Кумар. Родился в 1955 г. в г. Раджвал, штат Джамму. Поэт, писатель, публицист. Переводит стихи и прозу с английского, пенджабского, урду. Редактор непериодического журнала «Знание», руководитель общества «Родник литературы хинди». Отмечен премией за достижения в области поэзии.

АЗАД Лари. Родился в 1959 г. в г. Деория, штат Уттар-Прадеш. Литератор, историк, социальный реформатор. Имеет степень магистра и докторскую степень в области средневековой истории Индии. Организатор крупного литературного общественного объединения Индии «Всеиндийская конференция поэтесс». В настоящее время доцент колледжа г. Кхурджа (Уттар-Прадеш) при университете Чаудхари Чаран Сингха.

РАО Лина Малхотра. Родилась в г. Гургаон, штат Харьяна. Окончила Делийский государственный университет. Автор радиопостановок всеиндийского радио, а также сценариев фильмов с участием звезд индийского кино, сборника стихов «Необходимые для путешествия вещи». Лауреат Премии молодежной поэзии 2011 г. Публикуется в различных литературных журналах Индии.

ГАНДИ Премчанд. Родился в 1967 г. в г. Джайпур, штат Раджастан. Автор сборника стихов «В этой симфонии» и сборника сочинений «Культурное время». Лауреат многих поэтических премий. С 2005 г. является генеральным секретарем Ассоциации Прогрессивных Писателей штата Раджастан.

ГЕССЕ Герман. Родился в 1877 в г. Кальв в Германии. Немецкий романист, поэт, критик, публицист, художник. Лауреат Нобелевской премии по литературе. Считается одним из крупнейших писателей XX в. Творчество Гессе стало своеобразным «мостом между романтизмом и экзистенциализмом». Умер в 1962 г.